

СИБИРСКИЕ

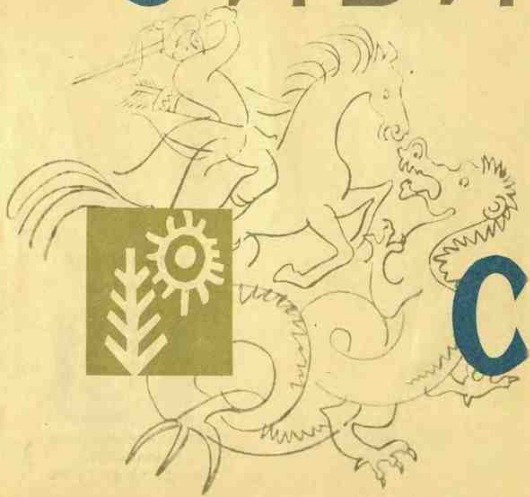

С К А З К И

СИБИРСКИЕ

СКАЗКИ

Х у д о ж н и к

С. КАЛАЧЕВ

О НАШИХ СКАЗКАХ

Широка и необъятна Сибирь.

Много племён и народов населяет её. Кто эти люди? Где они жили и живут?

Откроем карту. Вот течёт с юга на север великая река Обь. Она начинается около города Бийска, где сливают свои воды мутная Катунь и зелёная, как малахит, Бия. Эти реки являются истоками Оби. Катунь берёт своё начало из ледника Белухи. Бия вытекает из Телецкого озера, которое местные жители за красоту его называют Золотым. Бия и Катунь протекают по Горно-Алтайской автономной области. Там живут алтайцы. В старое время они кочевали из долины в долину. Лето и зиму жили в юртах, сделанных из жердей и коры лиственницы. Они занимались скотоводством, ходили в тайгу на охоту.

На запад от них, в верховьях реки Томь живут шорцы, промышляют в тайге беду и соболя. Те горы богаты рудами.

Один из охотников нашёл железную руду. Теперь там — рудник.

Из Горной Шории поезда доставляют руду домнам Кузнецкого металлургического комбината.

Томь несёт свои воды на север, ниже Томска сливается с Обью, великой рекой. Многоводная Обь прорезает бескрайнюю тайгу. В тайге много зверя, в реках много рыбы. По берегам Оби и её притоков живут ханты. Они тоже были кочевниками. В летнее время жили в берестяных шалашах, зиму коротали в землянках — карамо. Занимались ханты охотой и рыбной ловлей, в осеннюю пору сбивали с деревьев кедровые шишки и добывали из них вкусные орешки.

А недавно геологи стали бурить земную толщу и нашли здесь богатейшие запасы нефти и газа. Речные танкеры уже перевозят ту нефть на Омский завод, где из неё получают бензин.

Скоро через тайгу будут проложены стальные трубы. По ним нефть и газ потекут к городам Сибири, к заводам Кузбасса.

Рядом с хантами живут ненцы, тоже в прошлом кочевой народ. Теперь они пасут большие колхозные стада оленей в необъятной тундре, что раскинулась до самого Ледовитого океана.

Вот течёт с юга на север другая великая река — быстрый Енисей. Истоки этой реки — на хребте Таниу-Ола. На берегах Верхнего Енисея и его притоков, за голубыми Саянами — селения тувинцев. В прежнее время, подобно другим кочевым народам Сибири, трудовое население этого края жило в страшной бедности. Ламы (монахи) собирали дань на монастыри, шаманы требовали лошадей в жертву богам.

Быстрый и могучий Енисей прорвался через хребет Западный Саян на север и вышел в Минусинскую котловину. Слева примчал к нему свои воды Абакан. Там горы невысокие, мягкие. Леса на них нет. Долины широкие — тоже без леса. Потому и называют эти долины степями. Там кочевали хакасы, разводили скот, главным образом — лошадей.

Теперь там прошла железная дорога, построены красивые города, открыты рудники. Скоро к самому Абакану, центру Хакасской автономной области, подступит Енисейское «море». Оно возникнет после того, как недалеко от Красноярска будет закончено строительство крупнейшей в мире Красноярской ГЭС.

В Хакассии начинается строительство ещё более мощной гидростанции — Саянской. Её плотина перегородит Енисей поблизости от села Шушенского, где провёл три года в ссылке Владимир Ильич Ленин.

Хакасы так же, как алтайцы, буряты, тувинцы и другие народы Сибири, распростившиеся с кочевой жизнью, на месте пастушеских стойбищ построили большие сёла.

В низовьях Енисея и по его многочисленным притокам бродили по тайге эвенки. Их так и называли «бродячими людьми». Они ездили на оленях, жили в юртах из оленьих

шкур. Охотились на зверей и птиц. Купцы спаивали их, забирали у них пушнину, платя за неё жалкие гроши.

Неподалёку от тех мест заканчивается строительство Братской гидроэлектростанции, второй на Ангаре. Ещё ближе к звенкам будет построена Нижне-Илимская ГЭС, третья на этой великой реке.

На севере у эвенков есть соседи — долгане. Это маленькая народность, но она с давних времён славилась тем, что у неё так же, как и у других народов Сибири, много интересных сказок.

Теперь взглянем на восток, где плещется «священное море» — Байкал. Это одно из крупнейших озёр. Народ сложил о нём много песен, стихов. С юго-востока в Байкал впадает быстрая Селенга. По берегам Байкала и Селенги живут буряты, прославленные скотоводы, рыбаки и охотники.

Между землями хакасов и бурят на склонах горного хребта Восточный Саян кочевали тофалары. Они не знали ни лошадей, ни коров. В 1908 году тофаларов насчитывалось только четыреста человек. Число их с каждым годом сокращалось. Как многие другие народы Сибири, до революции тофалары вымирали. К нашим дням их не осталось бы совсем. Советская власть их спасла, дала им счастье и радость. Бывшие кочевники живут в добротных домах. Число тофаларов быстро увеличивается. Дети учатся в школах. Об их здоровье заботятся врачи.

В горах возле Байкала родилась Лена, одна из великих рек Сибири. По её берегам и бесчисленным притокам кочевали якуты. Царь ссылал туда, в самый морозный край, революционеров. Теперь в столице Якутии — городе Якутске — открыт университет. Здесь так же, как в Бурятии, Туве и Хакасии, свои театры, свои научно-исследовательские институты.

На берегах Лены тоже найдена нефть. Скоро там будет богатейший нефтяной промысел.

Железная дорога связала Лену со всей страной. В зоне вечной мерзлоты строятся свои гидроэлектростанции.

Сейчас Якутия славится уже не столько золотом и пушшиной, сколько алмазами. Их нашли советские геологи. В северной тайге вырос город Мирный, налажена богатая добыча.

А якутские сказки — это алмазы народного творчества.

6916391х реалы.

Якуты внесли заметный вклад в ценнейшую сокровищницу сказок народов, населяющих нашу Сибирь.

Русские люди уже несколько веков живут рядом с алтайцами, хакасами, бурятами, якутами, эвенками. С первого знакомства русские крестьяне стали передавать своим соседям-кочевникам культурные навыки. Они учили строить избы, пахать землю, разводить молочных коров. Но дело шло очень медленно. Бан, купцы и чиновники грабили народ, а царизм натравливал одно племя на другое.

Письменности у кочевников не было, и литература у них развивалась только устная: сказки, песни, былины. В этих произведениях была выражена надежда на освобождение от векового гнёта, мечта о свободной и радостной жизни, о братстве трудящихся. В былинах и сказках народ обличал и высмеивал ханов и князьков, баев и шаманов. Он славил, воспевал героев, в суровой борьбе побеждавших поработителей. В сказках народ по-своему, часто иронически, объяснял многие явления природы и тем самым спорил с ламами и шаманами, которые пытались втолковать неграмотным людям, что всё будто бы создано богом и всё остаётся неизменным. Они говорили:

— Бог создал бурундука полосатым, а зайца выпустил на свет с раздвоенной губой...

А народ спорил, смеялся и своими ироническими сказками отвечал:

— Нет, бурундук полосатым стал оттого, что его погладил дедушка медведь.

— Нет, у зайца верхняя губа раздвоилась оттого, что он много хохотал. Помните, когда он овец перепугал?..

Народ мечтал о покорении сил природы и мечту свою выразил в чудесных сказках. Так, эвенкийские женщины сделали мальчику железные крылья, и он поднялся на этих крыльях к облакам. Одна женщина в хантыйском стойбище выткала чудесное полотно, на нём её муж переплыл море. А на Алтае богатырь Сартакпай строил мосты через бурные реки, прокладывая дороги и даже пытался заставить молнию освещать ночью землю.

Много интересных былин и сказок сложили народы Сибири. По этим произведениям учёные познают жизнь народа, его древние представления о мире, его мечты и надежды.

А. М. Горький называл сказки и былины народов Сибири жемчужинами, советовал собирать их и изучать.

Но до Октябрьской социалистической революции эти произведения почти не были известны русскому читателю.

За годы советской власти, под руководством Коммунистической партии, как мы уже видели, в корне изменена жизнь народов Сибири. Наравне со всеми народами нашей родины они стали сами управлять своим социалистическим государством — братским Союзом Советских Социалистических Республик. У всех народов Сибири созданы свои автономные советские социалистические республики, автономные области или национальные округа. С братской помощью великого русского народа все кочевые народы, создав колхозы, перешли на оседлую жизнь. Дымную и холодную юрту они заменили светлым и тёплым домом. В тайге для охотников построены фактории и охотничье-промысловые станции. Всюду проложены дороги. В самые отдалённые районы пришли машины. Тракторы подняли вековую целину. В национальных республиках и областях построены фабрики и заводы. У всех народов создана своя письменность, ликвидирована неграмотность. Появились свои врачи, инженеры, агрономы, кандидаты и доктора наук. Выросли свои поэты, писатели и драматурги. Их голоса слышны всей стране. Их книги переведены на русский язык, изданы в Москве, Новосибирске, Иркутске и других городах. Лучшие произведения искусства народы Сибири показывают трудящимся нашей родины со сцены московских театров.

По совету Алексея Максимовича Горького писатели любовно и заботливо собрали «жемчужины народного творчества». От народных певцов и сказочников они записали устные художественные произведения — былины, песни, сказки.

В Сибири записано много замечательных русских сказок. Они издавались в Новосибирске, Красноярске и Иркутске. Поэтому мы печатаем здесь только сказки тех народов, творчество которых малоизвестно. Русскому читателю будет интересно познакомиться с тем, что в веках создали его талантливые соседи.

Сказки в нашей книге разные. Одни из них публикуются в том виде, в каком они были записаны русскими писателями от сказителей, другие печатаются в литературной обработке,

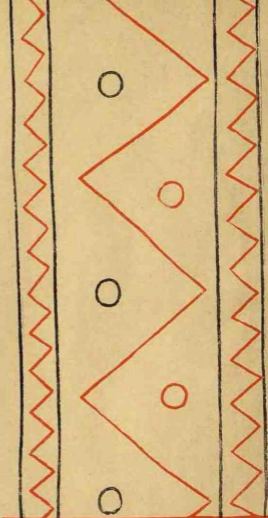
третьи принадлежат перу литераторов, но созданы они по народным мотивам. Основа у всех сказок, включённых в этот сборник, одна и та же — народное творчество, народная мудрость.

Здесь есть сказки, сложенные при советской власти. В них — радость и счастье народа. Есть и старые сказки о борьбе с баями и ханами. В эту борьбу вступают молодые, смелые, сильные люди, юноши и девушки. Они борются за радость и свободу для всех трудовых людей. Иногда они побеждают благодаря своей богатырской силе, иногда благодаря уму и находчивости. Правда и победа всегда на их стороне. Это было выражением мечты о свободной жизни. Народ осуществил свою прекрасную мечту.

Есть старые сказки о покорении сил природы. В далёкую прежнюю пору это было смелой мечтой. В наше время мечта стала былью: построены дороги, железные птицы переносят человека на далёкие расстояния с быстротой звука, молния служит людям, наши космонавты в чудо-кораблях осваивают пространство, отделяющее Землю от её соседки Луны, многочисленные «моря», созданные советскими людьми, изменили географический облик страны.

Ещё вчера смелые мечтания называли сказочными. Сегодня сказка трудом народа превращена в быль.

Афанасий Коптелов.

**АЛТАЙСКИЕ
СКАЗКИ**

И

Сартакпай

а Алтае, в устье реки Ини, жил богатырь Сартакпай. Коса у него до самой земли. Брови — точно густой кустарник. Мыскулы узловаты, как нарост на берёзе — хоть чашки из них режь.

Ещё ни одна птица не пролетала мимо головы Сартакпая: он стрелял без промаха.

Копытных зверей, бегущих вдаль, всегда метко бил Сартакпай. В когтистых зверей он целился ловко.

Не пустовали его арчемаки¹. К седлу всегда была приторочена жирная дичь. Сын Адучи-Мерген, ещё издали услышав топот иноходца, выбежал навстречу отцу, чтобы расседлать коня. Сноха Оймок готовила старику восемнадцать блюд из дичи, десять напитков из молока.

Но не был счастлив, не был весел прославленный богатырь Сартакпай. Он день и ночь слышал плач зажатых камнями алтайских рек. Бросаясь с камня на камень, они рвались в клочья. Дробились в ручьи, натываясь на горы. Надоело Сартакпаю видеть слёзы алтайских рек, надоело слушать их немолчный стон. И задумал он дать дорогу алтайским водам в Ледовитый океан. Сартакпай позвал своего сына:

— Ты, дитя, иди на юг, а я на восток пойду.

Адучи-сын пошёл к горе Белухе, поднялся туда, где лежит вечный снег, стал искать пути для реки Катунь.

Сам богатырь Сартакпай отправился на восток, к жирному озеру Юлу-Коль. Указательным пальцем правой руки Сартакпай тронул берег Юлу-Коля — и следом за его пальцем потекла река Чулышман. В эту реку с весёлой песней устремились все попутные ручейки и речки, все звонкие ключи и подземные воды.

Но сквозь радостный звон Сартакпай услышал плач в горах Кош-Агача. Он вытянул левую руку и указательным пальцем провёл по горам борозду для реки Башкаус. И когда засмеялись воды, убегая с Кош-Агача, засмеялся вместе с ними старик Сартакпай.

— Оказывается, левой рукой я тоже работать умею. Однако не годится такое дело левой рукой творить.

И Сартакпай повернул реку Башкаус к холмам Кокбаша и тут влил её в Чулышман и повёл все воды одной правой рукой вниз, к склонам Артыбаша. Тут Сартакпай остановился.

— А где же сын мой, Адучи? Почему не идёт мне навстречу? Слетай к нему, чёрный дятел, посмотри, как работает Адучи-Мерген.

Чёрный дятел полетел к горе Белухе, от Белухи река Катунь бежала на запад. Дятел устремился следом за рекой.

¹ Арчемаки — кожаные мешки, перекинутые через седло.

Недалеко от Усть-Коксы догнал он силача Адучи. Тот вёл Катунь всё дальше к западу.

— Что ты делаешь, Адучи-Мерген? — крикнул дятел. — Отец твой уж полдня ждёт тебя в Артыбаше.

Сын сейчас же повернул Катунь на северо-восток.

Дятел поспешил к Сартакпаю.

— Прославленный богатырь, ваш сын ошибся: реку к западу начал вести, теперь повернул её на восток. Через три дня он будет здесь.

— Славный дятел, — сказал Сартакпай, — ты мою просьбу уважил. За это я научу тебя, как всегда сытым быть. Ты не ищи червей в земле, не лазай за мошками по веткам деревьев, а уцепись когтями за ствол, стукни клювом по коре и крикни: «Киук-киук! Караты-хана сын свадьбу справляет, киук! Наденьте жёлтую шёлковую шубу, чёрную бобровую шапку. Скорей, скорей! Караты-хана сын вас на свадьбу зовёт!» И все черви, букашки, мошки тотчас выбегут из-под коры на свет.

Вот с тех пор и доныне дятел кормится так, как научил его старик Сартакпай.

Дожидаясь своего сына, Сартакпай три дня держал указательный палец в долине Артыбаша. За это время к нему под палец натекло Телецкое озеро. Отец повёл из Телецкого озера реку Бию, а сын Адучи быстро бежал, ведя за собой Катунь. Ни на шаг не отстал он от своего могучего отца. Вместе в один миг слились обе реки, Бия и Катунь, в широкую Обь. И эта река понесла воды Алтая в далёкий Ледовитый океан.

Адучи-Мерген стоял гордый и счастливый.

— Сынок, — сказал Сартакпай, — ты быстро привёл Катунь, но я хочу посмотреть, хорошо ли, удобно ли для людей ты вёл её.

И старик пошёл от Оби вверх по Катунь. Адучи-Мерген шагал сзади, и колени его гнулись от страха. Вот отец перешагнул через реку Чемал и подошёл к горе Согонду-Туу. Лицо его потемнело. Брови совсем закрыли глаза.

— Ой, стыд, позор, Адучи-Мерген, сынок! Зачем ты поставил Катунь сделать здесь поворот? Люди тебе за это спасибо не скажут. Плохо сделал, сынок!

— Отец, — отвечает Адучи, — я не мог расколоть Согонду-Туу. Даже борозду провести по её хребтам не хватило сил.

Тут старик Сартакпай снял с плеча свой железный лук, натянул тетиву и пустил литую из меди трёхгранную стрелу.

Согонду-Туу надвое раскололась. Один кусок упал пониже реки Чемала, на нём тут же вырос сосновый бор Бешпек. Другая половина Согонду-Туу до сих пор стоит над Катунью. И до сих пор хвалят люди старика Сартакпая за то, что провёл он дорогу, прямую, как след стрелы.

Дальше идут отец и сын вверх по Катунь. Видит Сартакпай: река рушит и рвёт берега. Свирепо и быстро бегут её воды.

— Как же будут люди ездить с одного берега на другой, сынок?

У самого устья Чобы богатырь Сартакпай сел на камень и крепко задумался.

— Здесь, сын мой,— сказал он,— как раз середина реки. Надо будет выстроить тут большой мост.

Ничего не ответил молодой Адучи-Мерген. Он очень устал и, стоя, качался из стороны в сторону, как высокая трава.

— Пойди отдохни, милый,— позволил Сартакпай.— Только не смей спать, и жена твоя Оймок из уважения к моей работе пусть не смыкает век.

— Неужели, отец, вы всю ночь не уснёте?

— Когда творишь великое дело, сон не посмеет прийти,— ответил Сартакпай.

Он стал собирать груды камней в подол своей шубы. Весь день без отдыха работал Сартакпай. И, когда стемнело, он тоже не захотел отдохнуть.

Катунь бежала как бешеная. Ветер гнул деревья. В небе дымилась чёрные тучи. Они грозно плыли навстречу друг другу. И маленькая туча, налетев на большую, высекла яркую молнию.

Сартакпай поднял руку, поймал молнию и вставил её в расщеплённый ствол пихты. При свете пойманной молнии Сартакпай стал строить мост. Он вонзал один камень в другую, и камни покорно лепились один к другому. До того берега осталось проложить не больше пятнадцати кулашей¹. И тут мост рухнул.

¹ Кулаш — мера длины: 2¼ метра.

Сартакпай рывкнул, как медведь, выбросил камни из подола шубы, и они, гремя, просыпались от устья Чобы до устья Эдигана.

От страшного грохота проснулся сын Адучи, открыла глаза сноха Оймок. Испугавшись гнева Сартакпая, они обернулись серыми гусями и улетели вверх по реке Чуе. Сартакпай бросил им вслед стопудовый камень. Этот камень упал на Курайской степи и до сих пор лежит там.

Сын Адучи и сноха Оймок остались гусями навечно.

Одинокий и печальный сел Сартакпай на своего коня и вернулся к устью Или. Его родной аил давно рассыпался. Сартакпай расседлал коня, бросил на большой камень стопудовый токум¹ и, чтобы он скорей высох, повернул камень к солнцу, а сам сел рядом и умер.

Тут кончается сказка про Сартакпая — строителя, про Сартакпая — хозяина молний, про Сартакпая — богатыря.

Ячменное зерно

Хорошие дни не забываются, добрые дела — вечно в памяти. В давние времена порхала по нашим лесам весёлая синица, насвистывала свои песенки.

Однажды в зимнюю пору навалилась беда: из чёрной тучи хлынул дождь. И не утихал девять дней. А на десятый день запощёлкивал мороз, и вся земля покрылась толстой коркой льда. Животные копытами пробить его не могли, зубами не могли прогрызть. Ни одной травинки нельзя было достать. Весь скот погиб голодной смертью.

Люди позабыли вкус мяса. В котлах кипятили пустую воду. Старики умирали от голода. Крепкие молодцы обессилели. Девушки разучились улыбаться. Беда придавила всех, как тёмная ночь. Вместо песен — всюду глухие стоны. Даже птицы приумолкли. Только синица насвистывала свои простые песенки. А когда увидела умирающих людей — задумалась:

¹ Токум — потник, войлок, который кладут на спину лошади под седло.

«Как им помочь? Как спасти народ от голодной смерти?»

Много раз ей случалось летать далеко в степь. Там она видела русских людей. Те люди жили в домах. Землю пахали, хлеб сеяли. Женщины пекли калачи в жарких печах. Перелётных синиц хлебными крошками подкармливали. Вкуснее тех крошек ничего на свете нет!

Синица всё припомнила и, бойко подпрыгнув на ветке, людям гор сказала:

— Я вам помогу.

Она взвилась в воздух и полетела в сторону степей.

Умирующие люди проводили её глазами и вздохнули:

— Разве такая маленькая птичка может спасти народ?

Не под силу ей...

А всё-таки посматривали туда, куда она улетела, и ждали.

Солнце поднялось высоко, весеннее тепло растопило ледяную корку. Загремели ручьи, зазеленела молодая трава. Голодные люди, едва передвигаясь, выкапывали из земли и ели корни травы кандык. А сами всё посматривали вверх:

— Не видно синицы...

— Наверно, злой коршун настиг, острыми когтями разорвал, кривым клювом расклевал...

А бойкая синица всё летела и летела высоко над землёй. В степях шумел ковыль, берёзки начинали одеваться зелёною.

Русские мужики пахали землю. На межах — мешки с семенным зерном: пшеница, рожь, ячмень.

Синица покружилась над мешками, а взять зёрнышко без спроса не посмела. Ударилась она об землю и стала молодой девушкой. Щёки лесными ягодами горят, глаза на чёрную смородину походят. Брови словно крылья птицы в полёте.

Подошла девушка к пахарю, поклонилась в пояс и сказала, что в горах голодают люди.

— Дай мне пшеницы,— попросила она.

— В горах лето короткое, пшеницу осенний мороз убьёт,— сказал пахарь.— Я дам тебе ячменного зерна.

Он насыпал ячменя в мешок и отдал девушке. А чтобы она не запоздала, подвёл ей засёдланного коня.

Девушка поблагодарила пахаря и помчалась в горы.

А там, за высокой синей скалой, её поджидал белый волк с хвостом в шестьдесят аршин. Пасть раскрыл, зубы наострил. Ноги у него напряжены, как тетива лука. Вот-вот на коня прыгнет, девушке перервёт горло. Она уронила мешок, и ячменное зерно рассыпалось по камням. Конь повернулся и быстрее стрелы полетел домой.

Девушка опять обернулась синицей, прыгнула на землю и стала набивать клюв драгоценным зерном.

Белый волк бросился на неё, хотел смять, зубами разорвать, но бойкая птичка ускользнула от него. В зубах у волка осталось одно пёрышко.

Волк ударился о землю и стал зайсаном¹. Остатки рассыпанных ячменных зёрен собрал в приподнятую полу широкой шубы и стал горстями кидать в ненасытный рот.

Синица вернулась к нашим людям и отдала им ячменное зерно.

Снова обернувшись девушкой, она рассказала, как русские землю пахут, хлеб сеют, как в жарких печах пекут калачи.

В долине взрыхлили землю, посеяли зёрнышки. Осенью собрали урожай. Из ячменных зёрен женщины приготовили муку — талкан. Стали чай пить с талканом. Хорошо!

Про голод скоро все забыли. На лицах парней появились улыбки, девушки запели песни.

В ту осень в горах играли свадьбы. К девушке, которая принесла ячменное зерно, сватались многие женихи. Все хваливали её. Ей надоело слушать льстивые слова, и она опять стала синицей.

Всю зиму по стойбищам летала и распевала свои простые песенки. Подлетит к юрте, сядет на ветку дерева и начнёт по-свистывать. И всем казалось, что птичка рассказывает про русских. Как они в домах живут, какие вкусные калачи пекут...

И наши люди решили перекочевать поближе к русским. Там они научатся дома строить, для скота сено косить, из муки для себя хлеб стряпать.

Так и сделали.

Жизнь хорошая пошла!..

¹ З а й с а н — родовой старшина, князёк.

Шёлковая Кисточка

Жила-была девочка, звали её Шёлковая Кисточка — Торко-Чачак. Глаза у неё были как ягоды черёмухи. Брови — две дуги.

Однажды заболел старик отец. Вот мать и говорит:

— Пойди, Шёлковая Кисточка, позови мудрого кама¹! Поспеши, дитя моё, Торко-Чачак!

Девочка прыгнула в седло и поехала. Кам жил в белом берестяном аиле². Аил стоял над бурной рекой.

Кам сидел у своего порога и большим ножом резал берёзовые чочойки³. Брови у него были как мох. Борода росла от глаз и до земли. Ещё издали увидел он Шёлковую Кисточку.

Уздечка её лошади прыгала, как хвост трясогузки. Кольца сбруи весело звенели. Кисточка на шапке сняла, как лунный луч.

Нож выпал из правой руки кама и до крови царапнул ногу. Из левой покати́лась в костёр чочойка. Торко-Чачак три раза сказала:

— Дядя, мой отец заболел. Помогите нам!

И только когда Шёлковая Кисточка повторила свою просьбу восьмой раз, кам медленно зевнул, как бы пробуждаясь от сна.

— Завтра, на утренней заре, приеду.

Ещё не успели в стойбище расстелить на полу белую кошму, ещё не заквасили чегеня для арака⁴, как уже стал слышен звон бесчисленных бубенчиков с шубы кама и грозный гул его кожаного бубна.

Кам приехал затемно, задолго до зари. Молча, не открывая глаз, слез он с коня и вошёл в аил. Люди внесли за ним его тяжёлую шубу. Большой бубен повесили на гвоздь и зажгли под бубном костёр из душистых ветвей можжевельника. Весь день, от утренней зари до вечерней, кам сидел молча, не поднимая век, отказываясь от пищи. Поздней ночью он

¹ Кам — шаман.

² Аил — юрта.

³ Чочойки — деревянные чашки.

⁴ Арака — самогонка из кислого молока (чегеня).

глубоко, до бровей, надвинул свою красную шапку. Перья, выдернутые из хвоста филина, торчали на шапке, словно уши. Две тряпки свисали сзади, как два крыла. На лицо упали крупные, как град, бусы. Кряхтя, поднял кам с земли свою двухпудовую шубу. Просунул руки в тяжёлые рукава. По бокам шубы висели колокольчики и ленточки. На спине болтались шкурки дятлов.

Длинные тряпки вздрогнули. Бубенцы зазвенели. Кам упал наземь, и люди видели только тёмный бубен да слышали страшный стук деревянной колотушки.

Кам встал, отблески пламени зажглись на его бубенцах. Кам вдел ноги в железные подковы и стал медленно кружиться. Он кружился всё быстрее и быстрее.

Вдруг бубенцы разом стихли. В тишине, как удар грома, ухнул кожаный бубен. Кам выпрямился. Руки его раскинуты. Бусы упали с лица на темя. Он сел, протянул руку к берестяному подносу, съел сердце козла и сказал:

— Надо уничтожить Шёлковую Кисточку — Торко-Чачак. Нечистый дух Дер-Ээзи, хозяин земли, наслал на нас её красоту. Пока девочка ходит здесь, коровы не дадут приплода, дети вымрут, болезнь старика не пройдёт.

Женщины упали лицом вниз. Старики прижали руки к глазам, и сквозь стиснутые пальцы просочились слёзы. Молодые люди два раза покраснели, два раза побледнели.

— Посадите Шёлковую Кисточку в деревянную бочку, — гудел кам, — окуйте бочку девятью железными обручами, заколотите дно медными гвоздями и бросьте в бурную реку.

Кам скинул свою тяжёлую шубу. Снял шапку, сел в седло и уехал.

— Эй, — сказал он дома своим слугам, — идите на берег бурной реки — и вода принесёт мне большую бочку. Поймайте, выловите её и поставьте в мой аил. Сами бегите в лес. Плач услышите — не возвращайтесь. Стоп, крик по лесу разольётся — не приходите. Раньше чем через три дня в мой аил не показывайтесь.

Семь дней люди не решались выполнить приказ кама. Семь дней плакала Шёлковая Кисточка. На восьмой её посадили в большую бочку, оковали бочку девятью железными обручами, забили дно медными гвоздями и бросили в бурную реку.

694639

А у реки в этот день удил рыбу сирота-рыбак — Балыкчи. Он первый увидел большую бочку, выловил её, принёс в свой зелёный шалаш, взял топор, выбил дно и увидел девочку. Как стоял Балыкчи с топором в руке, так и остался стоять. Слово кузнечик прыгнуло его сердце.

Шёлковая Кисточка рассказала Балыкчи про злого кама. Рыбак вынул девочку из бочки, посадил туда злую собаку и бросил обратно в реку.

Слуги кама поймали бочку, отнесли в аил, а сами убежали в лес: так приказал кам. Они ещё недалеко ушли, когда из аила послышался крик, стон, вой.

— Помогите! — кричал кам. — Помогите!

Но слуги бежали ещё быстрее, ещё дальше: так приказал кам.

Только через три дня они посмели вернуться. Кам лежал мёртвый поперёк костра. Кто перегрыз ему горло, слуги не могли понять.

А Торко-Чачак стала жить у рыбака в зелёном шалаше. Но есть им было совсем нечего, потому что рыбак больше не мог удить. Он день и ночь смотрел на Шёлковую Кисточку. Сколько раз брал Балыкчи свою удочку, пробовал идти к реке! Шагнёт — и обернётся. А чуть только скроется за стволом сосны лицо девочки, Балыкчи бежит обратно, чтобы ещё раз взглянуть на Шёлковую Кисточку, потому что глаза у неё были как ягоды черёмухи, брови — словно радуга, а в косах звенели китайские раковины.

Взяла Торко-Чачак кусок берёсты, вырезала ножом на коре своё лицо, прибила берёсту к палке, а палку воткнула в землю у берега. И Балыкчи стал часто ходить к реке, чтобы увидеть поближе разрисованную берёсту.

Как-то раз засмотрелся на берёсту Балыкчи и не заметил, что клюнула большая рыба. Рыба потянула леску, удочка выскользнула из рук Балыкчи, удилище зацепило палку, берёста упала в воду и поплыла вниз по реке.

Громко заплакала Шёлковая Кисточка, ладонями стала тереть свои брови, пальцами растрепала косы.

— Кто увидит берёсту, придёт сюда! Кто найдёт берёсту, кто придёт? Уходи, Балыкчи, чтобы тебя не убили! Сшей себе козью шубу, выверни её мехом вверх, сядь на синего быка и поезжай искать меня вдоль реки.

У самого устья бурной реки раскинулось стойбище Кара-хана.

Его рабы выловили разрисованную берёсту, увидели лицо Шёлковой Кисточки и сели на берег, забыв о работе. Их шапки вода унесла. Скот разбежался по холмам.

— Кто сказал, что сегодня праздник? Чей справляете той? — загремел Кара-хан, подскакав к рабам.

Тут он увидел кусок берёсты. Отнял берёсту у рабов, тронул повод и повернул коня к истоку реки. За Кара-ханом покакали его силачи и прислужники.

Шёлковая Кисточка была одна в зелёном шалаше. Она не заплакала, не засмеялась, увидав это грозное войско. Молча села на белого, точно облитого молоком, коня, в шитое жемчугом седло.

В стойбище Кара-хана три года никто не слышал, как она говорит. Три года зубов её в улыбке никто не видал. Она три года не плакала, три года не смеялась.

Вдруг в одно раннее утро Торко-Чачак захлопала в ладоши и весело улыбнулась. По дороге шёл синий бык, на быке сидел парень в козьей шубе мехом вверх.

— Не над ним ли ты смеёшься, Шёлковая Кисточка? — спросил Кара-хан.

— Да, да!

— Милая Торко-Чачак, надеть шубу мехом вверх вовсе не трудно. Сесть на синего быка я тоже могу. Я сам тебя сейчас развеселю.

Кара-хан приказал Балыкчи слезть с быка, сорвал с его плеч козью шубу. Потом, сопя, подошёл к синему быку, поставил левую ногу в железное стремя.

— Моо, моо! — замычал бык и, не дав Кара-хану перекинуть через седло правую ногу, потащил его по долинам, по холмам.

Все народы, подвластные Кара-хану, стояли вокруг и смотрели.

От стыда лопнуло сердце Кара-хана.

А Шёлковая Кисточка взяла сироту Балыкчи за правую руку, и они, счастливые, вернулись вдвоём в свой зелёный шалаш.

¹ Той — свадьба.

Серый воробышек

Давно-давно на голубом Алтае жил Байбарак, пребогатый бай. Скота у него в долинах было как муравьёв на муравейнике. Рабам своим Байбарак счёта не знал. Был он жадный и злой. Если чужая собака к его стойбищу подбегала кость погрызть, он ту собаку на месте убивал. Если путник на его пастбище останавливался коня покормить, он того путника плетью порол.

Был у него пастух Кодурлу. Лето и зиму пас отару овец.

Под дождём и снегом, под ветром и знойным небом пастух постарел — крепкие кости его ослабели, зоркие глаза его притупились, ноги передвигать сил не стало.

Заметив старость пастуха, Байбарак позвал его в свою богатую кошемную юрту.

— Довольно тебе, старик, на моём стойбище без дела жить, — сказал Байбарак. — Удались на покой.

— Куда мне идти? — сквозь слёзы спросил Кодурлу. — У порога вашего отца я на ногах ходить стал, мальчишкой таскал ему дрова из лесу. Ваш скот всю жизнь пас. Пожалейте меня, старого человека, не гоните. Долго мешать вам не буду...

— Ты думаешь, что у меня нет других дел, как только с тобой разговаривать? — закричал Байбарак, чёрные глаза его кровью налились, толстые губы задёрнулись. — Свет широк: куда хочешь, туда и шагай.

Отошёл Кодурлу от хозяйской юрты, взял свою старуху за руку и пошагал, сам не зная куда. Верный друг его, чёрный пёс с жёлтыми пятнами вместо бровей, жалобно завыл, потом по следу пошел догонять хозяина.

Сколько времени старик со старухой шли, они сами не знали. Остановились под мохнатым кедром. Возле кедра текла весёлая, светлая речка. Тут старик со старухой поставили шалаш и в нём жить стали. Их верный друг чёрный пёс каждый день ходил на охоту и приносил им то серого зайца, то дикого козла, то краснобрового глухаря. Старик со старухой ещё больше полюбили умного пса.

Проносились месяца за месяцами, кружась, как веретёна. Года за годами ползли, как тяжёлые медведи. Вот и чёр-

ный пёс постарел, глаза его далеко видеть уже не могли, нос его запах зверя учуять не мог, ноги его стали тяжёлыми.

Старик Кодурлу загоревал:

«Видно, ко всем нам троим голодная смерть подходит».

Горы расцветали по-весеннему. В лесу пели птицы. Одна сёрая птичка прилетела к стойбищу старика Кодурлу, села на кедровую ветку, и умный чёрный пёс услышал:

— Что ты, четвероногий охотник, пригорюнился? Зачем ты унынию поддался? Если ты не можешь теперь зверя настичь, то я помогу тебе...

Чёрный пёс поднял голову и увидел на кедровой ветке маленького воробышка.

— Как ты можешь помочь мне? — удивился умный пёс.— Ты даже сорок боишься.

— Ты ошибся, я сорок не боюсь,— сказал серый воробышек и спрыгнул на нижнюю ветку.— Я научу тебя лёгкой добычливой охоте. Ты сядешь в засаду, а я полечу с другой стороны горы, в лесу шум подыму, зайцы испугаются и прямо на тебя набегут, только успевай ловить.

Чёрный пёс улыбнулся, показал свои пожелтевшие, стёртые клыки.

— Попробуем.

Вот он сел в засаду в густые кусты, а воробышек полетел с другой стороны высокой горы, зачирикал, крыльями хлопал, в лесу шум поднял, всех зайцев перепугал. Один заяц набежал на чёрного пса. Чёрный пёс легко поймал зайца и понёс его старику со старухой. Той порой к лесу подъехал Байбарак на быстром, как птица, вороном коне, увидел собаку с добычей и зарычал по-медвежьему:

— Кто разрешил тебе монх зверей уничтожать? — схватил свой лук и выпустил стрелу в собаку.

Падая на шёлковую траву, чёрный пёс сказал:

— Друг мой, серый воробышек, старика со старухой не забывай...

Воробышек слетел к чёрному псу, а у того уже глаза затуманились.

— Подожди, Байбарак, я тебе отплачу за друга,— гневно сказал серый воробышек.

Байбарак слов его понять не мог, поднял зайца, привязал к своему седлу и поехал домой.

Рабы увидели приближающегося хозяина, бросились навстречу. Одни подхватили Байбарака под локти и осторожно спустили на землю, другие повели коня рассёдлывать. Байбарак заторопился в юрту показать жене зайца.

— Меткий стрелок привёз тебе подарок.

Коня Байбарак очень любил и не позволял уводить далеко от юрты, часто выходил полюбоваться им. Рабы привязали коня на аркан на лужайке возле реки, а сами ушли ячмень толочь, кожи мять, сапоги и шубы шить. Вдруг откуда-то прилетел серый воробышек, сел коню между ушей и давай ему голову долбить. Конь головой тряcёт, катается, а назойливого воробья никак отогнать не может. Байбарак услышал, что вороной конь, который носил его как на крыльях, от врага не может отбиться, выбежал из тёплой юрты и, не задумываясь, выпустил стрелу из тугого лука. Воробышек вспорхнул невредимый, а любимый конь упал без движения. Байбарак ногами затопал и закричал, чтобы рабы его уничтожили всех воробьёв на земле.

Жена у Байбарака была ещё жаднее мужа. Она очень любила есть кровяную колбасу. Увидев коня мёртвым, она обо всём позабыла, побежала кровью конскую в ведро собирать, конские кишки выматывать. Серый воробышек вернулся, сел на голову байской жене и давай долбить.

— Что это за проклятая птица? — взревела байская жена. — Она мою дорогую шапку издолбит, темя проклюёт.

Байбарак узнал серого воробышка и страшно обрадовался.

«Дурак воробей, смерти просит», — подумал он и выпустил стрелу из лука.

Стрела просвистела в воздухе, голову байской жене расколола, как скорлупу ореха, а воробышек успел улететь невредимым.

Байбарак шубу на себе разорвал, обрывки её в соседние долины забросил, а сам голый, рыдая, упал на землю. Имя любимого коня он повторял с горечью.

Серый воробышек снова вернулся на байское стойбище, сел самому Байбарaku на спину и давай клевать острым клювом между лопаток и царапать когтями, как стальными иголками. Байбарак дико заревел, начал кататься по земле. А воробышек прилип к его спине и такую ямку выдолбил, что

раздавить его было невозможно и руками достать нельзя. Байбарак испугался, что воробышек, продолбив спину, доберётся до сердца, и закричал, чтобы сбежались все рабы, все прислужники. Рабы прибежали и упали перед баем на колени.

— Подайте мне нож с жёлтым костяным черенком, острый, как алмаз,— потребовал Байбарак.— Я убью, наконец, этого негодяя. Убью проклятую птицу.

Прислужники поспешили выполнить требование хозяина — принесли ему нож, острый, как алмаз.

Байбарак схватил нож правой рукой и замахнулся на серую птичку. В это время воробышек перепрыгнул на его левый бок.

— Уж теперь-то я уничтожу врага!— в гневе вскричал Байбарак, сверкнул глазами и изо всей силы ударил ножом...

Серый вёрткий воробышек был уже высоко в воздухе, а Байбарак хрипел на земле... Чёрная кровь из него ручьём текла.

Умный воробышек, весело чирикавая, полетел на пастбище, захватил там байскую отару и пригнал её к старику Кодурлу.

— Вот тебе овцы, мой старый друг,— сказал воробышек, торжествуя победу.— Нет теперь Байбарака на голубом Алтае. Ты — хозяин этих овец. Молоко овечьё пей, мясо ешь, из овчин шей себе и старухе новые шубы. Долго, счастливо живи под ласковым солнцем!

Старик Кодурлу стоял как столб. Он не знал, что спросить, не знал, что сказать, а когда пришёл в себя и понял всё, то громко воскликнул:

— Я умирать собрался, ты меня оживил! В груди моей огонь угасал, ты его раздул, милый серый воробышек! Что я могу сделать для тебя хорошего? Чем отблагодарить? Живи со мной, хорошая птичка, свей себе гнездо возле дымового отверстия моей юрты!

Серый воробышек так и сделал.

В юрте со стариком и старухой он прожил всю свою жизнь, много птенцов выкормил.

А потомки его и посейчас по юртам гнездятся и дружат с человеком.

Ару-Мёндюр

Жил на Алтае храбрый богатырь Ару-Мёндюр. Сердце его страха не знало, тело его усталости не испытывало.

Полюбил богатырь красивую девушку Чечек.

— Давай жить в одном аиле,— сказал ей.— Давай разведём свой костёр...

Девушка ответила светлой улыбкой: согласна. Но что скажет отец? Отдаст ли он её в жены Ару-Мёндюру?

Поехал парень к отцу Чечек. Аракой старика угощает, хорошие речи заводит. Старик араку не пьёт, единственную дочь из своего аила отпускать не желает.

Но Ару-Мёндюр не уходит, согласия на свадьбу с Чечек добивается.

Три дня он в аиле сидел, старика уговаривал. На четвёртый день старик сказал:

— Ладно. Если ты привезёшь мне два клыка чудовища Кара-Кула, Чечек будет твоя. Мне надо подпереть теми клыками свой старый аил. Семьдесят богатырей к Чечек сватались — ни один моего желания не исполнил. Может, ты привезёшь клыки...

Богатырь Ару-Мёндюр слова «нет» не знал, цели своей всегда достигал.

— Хорошо! — сказал он.— Клыки привезу.

Надел стальной панцирь, взял боевой лук, сделанный из рогов горного козла туу-теке, наполнил берестяной колчан стрелами и поехал.

По широкой долине, над которой сорока не могла пролететь, богатырь промчался. Через высокий хребет, через

*Герой в аил добычу заберёт
И скажет людям: знайте наперёд,
Не я сразил чудовище, а смелость,
А смелости учил меня народ!*

который орел не мог перелететь, он переехал. Деревья ему ветками махали, птицы весёлые песни пели: все успеха желали.

Белка бросила богатырю кедровую шишку.

— Пошелкай,— сказала она.— Орехи прибавляют силы. Медведь показал ему лучшую звериную тропу:

— Тут хорошо проедешь, Кара-Кулу сонного застанешь. Всё дальше и дальше богатырь ехал, по сторонам зорко

посматривал.

Вдруг остановился конь, чуть слышно прошептал:

— Вперёд смотри!

Глянул Ару-Мёндюр: впереди Кара-Кула спит. Голова у чудовища как большая сопка, туловище — всю долину заполнило, из кольца в кольцо свилось, ресницы — на таежный лес ходят.

Храпит Кара-Кула страшнее грома небесного, ужаснее каменного обвала. От его храпа земля вздрагивает, из берегов рек вода выплёскивается. Конь богатырю шепнул:

— Стрела бессильна поразить чудовище. Бери камень, бей между глаз.

Спешился Ару-Мёндюр, от горного хребта отломил большую скалу и поднял над головой.

— Эй, эй! — громко крикнул.

Кара-Кула, просыпаясь, сладко зевнул.

Богатырь Ару-Мёндюр увидел: из одной челюсти чудовища торчат кости семидесяти богатырей, из другой челюсти — кости семидесяти богатырских коней.

— Кто осмелился разбудить меня? — проворчал Кара-Кула, один глаз приоткрыл.

Глаз у него огромный, на бездонное озеро похожий, чёрный, как дёготь.

*Теперь, старик, на слове крепко стой.
Исполнен честно подвиг непростой.
Ты видишь сам: нет в мире лучше пары,
Чем мужество в союзе с красотой!*

— Эй, эй! — крикнул богатырь громче прежнего.

Кара-Кула открыл второй глаз.

Не успел он разглядеть противника — скала обрушилась и глубоко вонзилась в переносье.

У чудовища глаза лопнули, чёрными реками вытекли. Сердце на куски развалилось. Кара-Куле пришёл конец.

Богатырь выломил у него два клыка, повьючил на коня и поехал в свою родную долину.

Птицы над ним летели, весело посвистывая, звери следом шли — победителя славил. Трава ему под ноги стлалась, высокие деревья низко кланялись. Все радовались.

Старик, увидев победителя, замахал руками:

— Бери Чечек в жёны. Бери.

Ару-Мёндюр ливственничной коры надрал и сделал новый аил. Вместе с Чечек они развели костёр. Много мяса нажарили, много араки приготовили. Всех соседей позвали. Первую чашку Чечек поставила на землю перед своим отцом.

Старик выпил араку и стал у зятя просить прощения за то, что посылал его на верную смерть.

Сказители ударили по струнам топшуров и запели победителю хвалебные песни. Богатырь Ару-Мёндюр сказал:

— Не я победил чудовище — победила смелость. А смелости меня научил народ.

Молодые парни игры затеяли. Взрослые мужчины состязались в меткости стрельбы из лука.

Женщины шесть лет свадебные песни пели. Девять лет продолжалось веселье.

Ару-Мёндюр и Чечек жили счастливо, детей своих воспитали смелыми и храбрыми, честными и трудолюбивыми.

Лиса и сирота

В одной из долин Алтая жил сирота, молодой парень. Скота у него не было, юрты не было. Ютился в шалаше. Денег он не знал. Рубахи не имел, сапог никогда не надевал.

В густом осиннике он ставил силки на зайцев. Мясо ел, поджаривая на костре, шкурками прикрывался от мороза.

Однажды утром он проверял свои ловушки. Смотрит: в силке лисица, ещё живая. Хотел её добить, но она заговорила человеческим голосом:

— Пожалей меня, сиротинушка! Оставь в живых. Придёт пора, я тебе тоже добро сделаю.

Парень отпустил лисицу на волю. Она вмиг исчезла в глубине леса. Молодой охотник подумал и упрекнул себя:

— Зачем я её отпустил? Какая от неё польза? А шкурка сгодилась бы на воротник, из лапок я сшил бы себе шапку...

Пришёл он в свой шалаш, уснул возле костра. Утром снова собрался на охоту. Неожиданно перед ним появилась лисица.

— Ты, парень, уже большой,— говорит ему заботливо.— Тебе пора жениться.

— Жениться?! — удивился охотник.— Какая же девушка согласится за меня пойти? Мне свои плечи нечем прикрыть, на ноги нечего надеть. Ни отца, ни матери у меня нет: невесту сватать некому.

— Я помогу тебе,— сказала лисица.— Закажи мастеру пятьдесят ташауров¹, и мы с тобой поедem сватать ханскую дочь.

Сиротинушка не решался. Лисица подбодрила его. Пусть он не трусит. Ханская дочь будет его женой.

Мастер изготовил ташауры. Парень, по совету лисицы, попросил у соседа коня и повьючил на него все ташауры, хотя в них и не было ни капли араки. Поехали они к ханскому стойбищу.

Лиса по сторонам посматривает, сама себя спрашивает: «Как голого принарядить?»

На их пути была лужайка, где цвели пионы, огоньки и водосборы. Лиса обрадовалась, остановила коня, парня заставила нарвать побольше головок цветов. Когда он это сделал, хитрая сваха облепила цветами его тело с ног до головы.

Едут дальше. Поперёк дороги течёт река. Через неё перекинут мост. На другом берегу ханское стойбище. Что делать? Не повернуть ли в домашнюю сторону? Хан узнает, что самый последний бедняк — голый парень приехал сватать его дочь, прикажет выпороть плетью.

¹ Ташаур — кожаный сосуд.

Но лиса не растерялась. Она юркнула под мост и подгрызла столбы. Потом крикнула, заглушая шум реки:

— Эй! Скажите славному хану — едем в гости. Да спросите его — крепкий ли мост?

Хан вышел из белой войлочной юрты, сам ответил:

— Мост у меня крепкий. Можете ехать спокойно.

Парень понукнул коня. Лиса побежала впереди.

Когда они достигли середины, то мост под ними рухнул. Пустые ташауры поплыли по реке. Вода смыла цветы, которыми был облеплен парень, и стала перекидывать с одной струи на другую. Лиса выбралась на берег.

Хан спросил её:

— А что там плывёт по воде?

— Пятьдесят ташауров араки! — ответила лиса. — Мы ехали сватать твою дочь, угостить тебя хотели.

— А там что пёстрое? — указал хан на цветы, что плыли по реке.

— Это шёлковую одежду твоего будущего зятя бурная вода разорвала, по кускам уносит. А жених голый сидит под берегом. Из-за твоего худого моста в беду попал...

Не поняв хитрости лисицы, хан сходил в юрту, принёс дорогую шёлковую шубу и подал парню:

— Надевай скорее. И пойдём ко мне. Я свою араку буду пить, как привезённую тобой. Мясо из своего котла начну есть, будто ты его привёз.

Пришли в юрту. Парень сел на ковёр и начал себя оглядывать: никогда на нём одежды не бывало, и вдруг такая нарядная шуба! Глазам своим не верит — руками ощупывает.

Хан недоумевает, лисицу спрашивает:

— Что с ним? Недоволен, что ли?

— Да как же ему быть довольным?! — отвечает хитрая лиса. — Он не привык к такой худой шубе. Дома он такую никогда бы не надел. А всё из-за твоего моста...

Хан достал самую дорогую шубу. Парень робко надел её. Лиса вокруг его обошла, посмотрела и в плечи воткнула по иголке: начнет парень озираться по сторонам да себя оглядывать — наколется. Вот он повернул голову направо — уколол шёку, повернул налево — уколол другую. Сидит неподвижно. Бойтся шевельнуться. А хан думает: «Теперь он доволен шубой!»

Высватали ханскую дочь. Лисица родителям сказала:
— Через два дня приезжайте в гости.

А парень подумал: «Куда они приедут? В ветхий шалаш!.. Нам с женой и то жить негде...»

Поехали они к шалашу. Лиса вперёд побежала, пообещав скоро вернуться.

Прибежала она на зменную горку, где стоял золотой дом. В том доме жили змеи. Лиса подбежала и крикнула:

— Летит страшная птица — беркут! Сейчас в окно ворвётся — всех расклюёт! Быстрее выползайте! Я вас спасу.

Змеи выползли. Лиса им указала густой камыш: там можно спрятаться. А когда змеи заползли в заросли, она схватила кремь и высекла огонь. Сухой прошлогодний камыш вспыхнул, как порох. Все змеи сгорели.

Лиса встретила молодожёнов, пригласила в дом.

— Теперь всё это — ваше.

Молодой охотник и его жена поселились в том доме. Живут — радуются, лисицу благодарят за помощь.

Охотник пошёл в горы, осмотрел свои ловушки. Принёс домой глухарей, рябчиков. Жена одну часть добычи сварила, другую на костре поджарила.

Приехали в гости тесть и теща, через порог перешагнули и повалились в разные стороны, поскользнувшись, как на льду. Хан отбил себе печенку, ханша, еле живая, стонала.

— Скользкий пол придумали! Смерти нашей захотели! — рассвирепел хан. — Разбойники!

Разгневанный, он вернулся домой. Ханша едва добралась до постели. С тех пор они в гости к зятю не ездили.

Охотник с женой счастливо жили, детей вырастили.

Коростель-дергач

В давние времена жил на Алтае грозный хан Ай-Каан. Скота у него было как кустов жёлтой акации: не сочтёшь. Людей у него было как деревьев в тайге: считать начнёшь — заблудишься. На боку у хана стальной меч висел, в руках — плеть играла. На концах плети — железные кольца. Острее

волчьих зубов они тело рвали, большее змеи-гадюки жалили. Злости хана конца не было, яду в душе его дна не было. Не только люди, превращённые в рабов, хана боялись, но все звери и птицы перед ним трепетали.

Вздумал хан перебраться на новые пастбища — всех людей поднял, все табуны и стада взбаламутил. Двум серым ястребам, стойбище с воздуха охранявшим, хан приказал:

— Быстрее ветра мою землю облетите, всем птицам скажите: через три дня, когда луна будет круглой, как шаманский бубен, я на новое место кочевать начну. Пусть все летят мне помогать.

Два серых ястреба крыльями земли коснулись, хану низко поклонились, в один миг в голубом небе исчезли.

Двум чёрным собакам, стойбище охранявшим, хан приказал:

— Быстрее горной реки мчитесь, всем зверям на моей земле скажите: пусть прибегут — мне кочевать помогут.

Две чёрные собаки хана не дослушали — вдаль метнулись: вихри за ними угнаться не могли.

Три дня миновало, три ночи прошло — все звери прибежали, все птицы прилетели, весь народ собрался: все готовы хану помогать на новое место перебраться. Один коростель в тенистом кусту проспал.

Жаркое солнце поднялось над горами — хан Ай-Каан со своими стадами и табунами в путь отправился. Все хану помогают — коростеля нет.

В полдень коростель от жары проснулся, вспомнил про ханский приказ и задрожал от страха:

«Грозный хан отрубит мне ноги, обрежет крылья, оторвёт голову... Дух из меня грозный хан вышибет...»

От страха коростель привычке своей изменил — не побегал, а полетел к старому ханскому стойбищу. Сверху он всё там осматривал и ещё больше ужаснулся: где юрты стояли, там холодная зола осталась, где скот гулял, там теперь сухой помёт валяется. Человеческого голоса не слышно, ни птиц, ни зверей не видно — пусто в долине.

«Жизнь моя кончается,— подумал коростель,— злой хан меня со света сгонит...»

И полетел коростель догонять хана, решил попросить у него прощения. Внизу быстрые реки блестели, снежные горы

мелькали, голубые озёра оставались позади. До большого болота коростель долетел — человеческий голос услышал. На чёрную кочку коростель опустил, кругом посмотрел. Двухлетний жеребёнок хана в бездонном болоте утонул. Двое из рабов на берег его вытаскивали, песню дружно запевали:

За гриву та-а-арт, та-а-арт — дёрнем, дёрнем!

За гриву та-а-арт, та-а-арт — дёрнем, дёрнем!

Под песню дёргали, а вытащить жеребёнка не могли.

Коростель рядом ходил и тихонько подпевал:

За гриву та-а-арт, та-а-арт — дёрнем, дёрнем!

За хвост та-а-арт, та-а-арт — дёрнем, дёрнем!

Хотел ханским рабам помочь, но не знал, за что ухватиться: за гриву возьмёшься — человеку под ногу попадёшь, за хвост ухватишься — жеребёнок придавит. Маленький коростель от лёгкого щелчка умереть может...

Вдруг земля закачалась, бездонное болото всколыхнулось — на берегу сам хан появился на соловом коне. Лицо у хана чёрным волосом заросло: от скул борода за плечами развевалась, от подбородка густая борода до опояски росла. Глаза у хана дикой кровью налились, голос его, подобно грому, на всё болото гремел:

— Маленького жеребёнка не можете вытащить, лентяи! Головы оторву — к ногам положу, ноги оторву — к голове положу!..

Хан плетью взмахнул — синее небо на две половины рассёк.

У маленького коростеля от испуга чуть сердце не лопнуло. Что сказать — не знал, умирать — не хотел. Из куста в куст коростель бегал, с кочки на кочку прыгал и громче всех кричал:

За гриву та-а-арт, та-а-арт — дёрнем, дёрнем!

За хвост та-а-арт, та-а-арт — дёрнем, дёрнем!

Ханские рабы так дружно дёрнули, что жеребёнок в один миг на берегу очутился. От радости копытами ударил, хана в болото сбил.

А коростель с перепугу продолжал кричать где-то полкочкой:

— Дёрнем, дёрнем...

Два человека прикрикнули на него, но он не унялся.

С тех пор каждое лето коростель из тёплых стран прибегает к болоту, садится в кусты и кричит без отдыха:

— Та-а-арт, та-а-арт...

Ему кажется, что он всё ещё помогает жеребёнка из болота вытаскивать.

А люди над коростелем смеются:

— Дёргай, дёргай, глупыш!.. Дёргай, пока сила есть...

Хан Сары-каан

Жил на Алтае хан Сары-каан. Богатству его — счёта не было. А сам Сары-каан горького от сладкого различить не мог, чёрное с бурым путал.

Вот раз хан Сары-каан посылает своего раба:

— Узнай, кто у моей дочери родился.

Пошёл раб, видит — девочка. Испугался он, идёт домой и думает: «Как быть? Скажу: сын — хан Сары-каан поверил бы, да ему люди объяснят, тогда мне за ложь голову долой. Скажу: дочь — за дурную весть всё равно шею под топор».

Пришёл домой.

— Ну,— кричит хан Сары-каан,— кто родился? Говори скорее. Пусть мои уши порадуются.

Раб не может рта раскрыть. Подол старой овчинной шубы по коленкам хлопает. Шапка в руках дрожит. Коса на левое ухо свесилась. Зубы стучат, как в большой мороз.

— Де-евочка...

— А я говорю — сын, значит — сын. Где мои палачи?

Прибежали палачи, раба ремнём скрутили. Тут вдруг перепёлка прилетела, хану на голову села.

— Эй, раб,— взвыл хан Сары-каан,— сейчас же перепёлку поймай!

Развязали ремни палачи. Раб протянул руку к перепёлке.

— Глупый ты, глупый! — засмеялся хан Сары-каан.—

Кто же птицу руками ловит? Возьми железную кувалду и ударь.

Хан Сары-каан строго приказал. Раб обрадовался. Кряхтя, обеими руками кувалду поднял. Размахнулся. Перепёлка свистнула и улетела, а железная кувалда всей своей тяжестью опустилась на голую башку хана Сары-каана.

Алып-Манаш

Вместе с небом и землёй был сотворён Байбарак-богатырь, ездящий на пятнистом, как барс, коне.

Луна и звёзды засияли, когда родилась Ермен-Чечен. Она быстрее травы, как камыш, росла. Словно мальчик, диких коней объезжала Ермен-Чечен.

Рядом с ней один раз богатырь Байбарак встал; пал на правое колено и, крепко ухватив её руку, сказал сквозь стиснутые зубы:

— Отныне мы вовек неразлучны.

— Всегда вместе будем,— ответила Ермен-Чечен.

Крепко, злобно ударил своего серого, как железо, коня старик-отец, но молодых догнать не мог.

Через год пришёл богатырь Байбарак на старое стойбище. Сбросил с плеч мёртвого барса.

— Если хочешь, старик, убей меня, как я барса убил. Твою дочь Ермен-Чечен я украл.

Разгневался отец.

— За это целый год пусть проспит твой сын Алып-Манаш, когда станет мужчиной!

Возмужал Алып-Манаш. Он никогда своего деда не видал, угрозы его не слышал. Байбарак-отец и Ермен-Чечен-мать нашли сыну добрую жену. Взяли они в дом девицу Чистую Жемчужину — Кумужек-Ару.

Алып-Манаш узнал, что за большой рекой живёт злой хан Ак-каан, у него есть дочь Ерке-Карачкы. Многие богатыри к ней сватались, домой ни один не вернулся: всех злой хан умертвил.

Алып-Манаш поехал к большой реке, чтобы с ханом

сразиться, за смерть богатырей отомстить. Ночами богатырь не спал, днём не дневал. Сколько рек перебродил — сосчитать нельзя. Какие горы перевалил — невозможно упомянуть. Белый конь вытянулся, как сыромятный ремень. Кружась, мелькали месяцы. Годы, как змеи, ползли. Подъехал Алып-Манаш к бурной реке, вверх и вниз прошёл он по берегу. Тихого брода нет. На берегу лежит вверх дном берестяная лодка шириной в две сажени, длиной в девяносто сажен. Алып-Манаш спешился, перевернул лодку и увидел под ней белого, как лебедь, старика.

— Е-ей, балам¹, Алып-Манаш! Красивые глаза, умную голову ты дома оставил. Чего тебе там не хватало? Что поехал искать?

Алып-Манаш не стал спорить. Он пожал своей твёрдой рукой сморщенную руку старика, поцеловал свежими губами его дряблый рот.

— Дедушка, переправьте меня!

Старик в ответ слов не нашёл. Молча толкнул лодку, сел на нос. Алып-Манаш, не выпуская повод, прыгнул на корму. Фыркает конь, удила грызёт, не хочет плыть. Но крепко держит повод Алып-Манаш. Так выехали на середину реки.

— О чём плачете? — спросил старика Алып-Манаш.

— Мне тебя, балам, жаль. Сколько богатырей я на тот берег переправил! Обратного ни один не пришёл.

Алып-Манаш вынул из белой, как луна, сумки девятигранную стрелу:

— Жив я или мёртв, по этой стреле узнаете.

Бело-серый конь на берег вышел, встряхнулся. Алып-Манаш заседлал коня, прыгнул в седло и закричал, как сто богатырей кричат. Конь топнул, как сто громов гремят. Слеза, повисшая на реснице старика, не успела упасть — Алып-Манаша уже не видно.

Конь переступал по долине, и чёрные озёра заполняли след его копыт. Низкие горки мягко отбрасывал конь. Высоким горам на грудь наступая, легко бежал. Едва Алып-Манаш восход солнца увидит, конь уже к закату домчит его. Вот уже виден дым со стойбищ Ак-каана. На четыре копыта ра-

¹ Балам — дитя.

зом встал конь. С места не идёт, будто ноги пустили в землю цепкие корни.

— Ей-ей! — крикнул Алып-Манаш.

— Алып-Манаш, поверни повод, — сказал конь. — Много к стойбищу следов идёт, обратного следа не вижу.

— Ты снаружи — подстилка, внутри — потроха, — отвечает Алып-Манаш. — Умереть ли мне суждено, жив ли останусь — тебя не спрошу.

В гневе Алып-Манаш был всегда свиреп. Он нагайкой коня хлестнул. Как вихрь взвился бело-серый конь. Он в гору, под гору, как птица, летел; по долине, как вода, бежал. От слёз бело-серый конь дорогу не видел. Алып-Манаш сам не помнит, как остановился, отстегнул подругу, положил под голову седло и уснул. Бело-серый конь обернулся белой звездой и поднялся на небо.

Пастухи Ак-каана погнали табун коней на высокую гору. С высокой горы они увидели в долине две большие сопки. Посреди сопок круглый холм лежит. От холма вихрь-буря идёт. Вихрь-ветер рвёт столетние деревья, гонит воду рек в обратную сторону. Пастухи чуть живы прискакали к своему хану.

— Посреди сопок, — говорят, — круглый холм встал. От холма, — говорят, — вихрь-буря идёт.

— Лжёте вы, лентяи, бездельники! — заорал Ак-каан.

Поднял меч, одним взмахом три головы отсёк. Даже людоед Дельбеген сжалился над четвёртым пастухом.

— Позвольте, — говорит, — великий хан, я сам посмотрю, что случилось.

Ак-каан поднятый меч не смог удержать. Меч на шею четвертому пал.

Тёмно-жёлтый Дельбеген заседлал своего синего быка.

Ещё издали, почуяв недоброе, бык заупрямился. Грудь у синего быка покрылась мохнатой пеной. Что дальше было, не помнит тёмно-жёлтый Дельбеген. Вместе со столетними дубами и вечными скалами страшный вихрь затянул людоеда в тёмную пещеру. У семиголового Дельбегена все четырнадцать глаз на лоб вылезли.

Синий бык, высунув язык, стремглав вылетел из пещеры. За быком полетели деревья, камни и скалы. На-ледяную высоту, на вершину всех вершин взбежал бык — только тут посмел обернуться Дельбеген-людоед.

Он увидел: в большой долине спокойно спит Алып-Манаш. Его голова, словно холм между двух сопок, поперёк седла лежит. Вдохнёт Алып-Манаш — деревья и горы в ноздрю ему летят. Выдохнет — горы и деревья обратно стремятся. Алып-Манаш спокойно, ровно дышал, и вода в реках поднималась и опускалась от его дыхания.

Без памяти побежал Дельбеген к Ак-каану:

— Человек, сказать, — не человек. Гора, сказать, — не гора. Чудовище страшное в долине спит.

Звонко, пронзительно свистнул Ак-каан. Всё своё войско собрал. Созвал далёких и близких богатырей. Сам, свирепо крича, поехал впереди всех. С вершины чёрной горы хорошо виден Алып-Манаш. Покрыв потником долину, он спит, раскинув руки, как дитя. Всем четырём ветрам открыта голая грудь. Меткие воины сощурили глаз и прицелились Алып-Манашу под левый сосок. Будто ударившись о вечный лёд, стрелы скользнули вниз. Будто о камень стукнулись, погнулись медные наконечники. Ещё ближе подъехали воины, с разбегу бросили тяжёлые пики. Как пчёлы, зазвенели острия пик и рассыпались, словно стекло.

Алып-Манаш прошептал во сне имя Ерке-Карачкы. От гнева солища незвидел Ак-каан. Из кожаных ножен он выхватил остро отточенный меч и рубанул Алып-Манаша по губе. Девять дней рубили богатыри твёрдое тело. Девять тысяч мечей в куски расколосились. На теле Алып-Манаша даже розовой царапины нет. Ак-каан приказал воинам спешиться. Вместо лука они мотыги в руки взяли. Выкопали яму в девяносто сажен и столкнули в неё Алып-Манаша.

Ак-каан хотел взять с собой оружие богатыря. Пикку сдвинуть ни один воин не смог. Сабли поднять силача не нашлось.

Девять месяцев спал Алып-Манаш. Открыл глаза — неба не видно. Девятью тяжёлыми цепями скручены руки. Девяносто цепей висит от колен до щиколоток. Тяжесть цепей легла на сердце.

Алып-Манаш первый раз в жизни запел. Отца и мать вспомнил. Помянул сестру Ерке-Коо, пожалел одинокую Кумужек-Ару. Не забыл Алып-Манаш в своей песне и бело-серого коня.

Но никто не пришёл помочь.

Лето отивело. Миновала осень. Зима растаяла. К весне на большом Алтае, на цветущем широком Алтае не осталось ни зверя, ни птицы. Толпясь, как у водополя, они стояли у ямы, с жадностью слушая песню.

Высоко летели серые гуси. Всю дорожку они громко плакали об Алып-Манаше. Сложив крылья, один гусь упал на грудь богатыря. От радости Алып-Манаш глубоко вздохнул. Лопнули девять цепей. Алып-Манаш нежными руками тронул тёплого гуся. Погладил широкие крылья и запел:

Гусь ты, славный мой гусь,
Верный мой ты друг!
Ты в воде не тони,
Ты по воздуху плыви.
На твоём крыле я пишу письмо.
Отнеси его Байбараку-отцу,
Про печаль мою расскажи
Доброй матери Ермен-Чечен.
Ерке-Коо поклонись, милый гусь,
Передай привет Кумужек-Ару.
Жарче солнца привет
Передай ей — Жемчужине.
Скажи всем друзьям, что Алып-Манаш
В чёрной яме лежит,
Он живой в земле похоронен.
Верный гусь, ты воздушный мой конь,
Иноходец ты мой водяной!
Полети, поплыви, распростёрши крыло,
Дай письмо моё всем прочитать.

Белый гусь вылетел из ямы и поплыл, как облако, к водополю Байбарака.

А над водой в ту ночь стояла тоненькая Ерке-Коо и, смеясь, ловила ладонями в воде отражение луны. Вдруг луна погасла. Ерке-Коо глянула вверх и увидела гуся. Он висел над её головой, распростёрши белые крылья.

Быстрая Ерке-Коо поймала птицу и принесла домой. При свете костра отец и мать прочитали горькую грамоту. Как помочь Алып-Манашу, они не знали.

Чистая Жемчужина раньше всех вспомнила. Был в детстве у Алып-Манаша верный друг Ак-Кобон. В юности Алып-

Манаш вместе с Ак-Кобоном на медведя ходил. Кумужек-Ару послала своего брата Кан-Чурекея к Ак-Кобону-богатырю. Не выслушав до конца Кан-Чурекея, Ак-Кобон прискакал к аилу Байбарака. Он погладил гуся и прочёл письмо. Ермен-Чечен-мать дала Ак-Кобону лучшую пищу. Когда для Алып-Манаша лепёшка стала месить, палец свой до крови укусила:

— Моя кровь пусть поможет тебе, сынок.

Ак-Кобон день и ночь мчался. В берестяной лодке переплыл быструю реку. На краю чёрной ямы коня осадил.

— Ты! — крикнул он вниз. — Ты! Отцу с матерью поклонился. Младшую сестру вспомнил. Жену не забыл. Для меня одного не нашёл ты привета. От меня теперь помощи ждешь?

Ак-Кобон схватил большую гору и придавил Алып-Манаша. Сам сел на лесистую вершину и съел ту лепёшку, что Ермен-Чечен сготовила сыну. От этой еды Ак-Кобон в десять раз сильнее прежнего стал. Он сюда ехал героем — обратно настоящим богатырём поскакал. У берега его ждал в берестяной лодке белый старик. Ак-Кобон прыгнул в лодку и горько заплакал.

— Алып-Манаш, друг мой, почему я тебя в живых не застал? Бело-серый твой конь упал на гриву, мёртвый лежит. Ты сам, Алып-Манаш-богатырь, опустив лицо на рукав, спишь вечным сном!

Седой, как лебедь, старик слёз не сдержал. Сухой рукой он достал из сумки девятигранную стрелу. Позеленела стрела, проржавела.

— Да, видно, плохо тебе, Алып-Манаш, — прошептал старик.

Обливаясь слезами, взял Ак-Кобон из дряхлых рук в свои белые руки медную стрелу и, вскрикнув, уронил её в черную воду.

Вот вышел Ак-Кобон на берег, легко прыгнул в седло и повернул повод к стойбищу Байбарака. Глаза Ак-Кобона опухли от слёз. Сам он из седла то на один, то на другой бок валится. Еле-еле стоят ноги в стременах.

— На один день опоздал я милого друга Алып-Манаша спасти. Ой, больно! Ой, горько!

Байбарак-отец и Ермен-Чечен-мать свои слёзы со слезами Ак-Кобона смешали. Ерке-Коо сестра бросила горсть пепла в огонь. Тихо плакала Кумужек-Ару...

С высокого неба упала звезда и, стукнувшись оземь, встала конём. Громко заржал бело-серый конь, топнул копытом. Тяжёлая гора пополам раскололась. Рыхлая земля от его ржания развеялась. Алып-Манаш со дна ямы увидел дно неба. Конь опустил в яму свой длинный, как Млечный путь, хвост. Но Алып-Манаш-богатырь подняться не смог. Он рукой хвост коню оборвал.

Бело-серый конь замычал, как бык, как медведь, заревел, по камням сквозь леса, как олень, побежал. Он с разбегу ударил высокий тополь. Застонав, пало железное дерево. Бело-серый конь приволок тополь к яме и столкнул вниз.

От радости подпрыгнул Алып-Манаш. Девяносто цепей со звоном разорвались.

Алып-Манаш вылез по тополию из ямы. Он коня за шею обнял и горько-горько заплакал.

— Ты спас меня, верный конь...

От слёз в десять раз лучше прежнего стал Алып-Манаш. Омытая слезами шерсть коня, как серебряная, тихо засияла. Верные слуги побежали к Ак-каану.

Ак-каан тут же созвал все свои войска. Сам на бело-чалом коне впереди всех летит. Рядом с отцом — Ерке-Карачкы на огненно-рыжем коне.

Свистят пики, гудят мечи, звенят стрелы — Алып-Манаш ничего не слышал. Он видит одну Ерке-Карачкы. Она на Алып-Манаша глядит.

Богатырь из кожаных ножен достал саблю, железный тополь пополам рассек. В расщелину сунул он Ак-каана верхом на бело-чалом коне. Потом обе половинки руками сжал и дерево повернул. Железный тополь, как железный винт, стоит.

Тугую плеть Алып-Манаш поднял, к Ерке-Карачкы близко-близко подыехал. Восьмигранной плетью ударил её между глаз. Теперь к смелым воинам лицо своё он обратил и тихо сказал:

— Не бойтесь меня: Алып-Манаш с народом не воюет, он только ханов бьёт.

И, тронув коня, поскакал богатырь в свой родной край, в ту землю, по которой сердце болит, по которой кровь стучит.

Вот подъезжает к берегу бурной реки. Бело-серый конь обернулся паршивым жеребёнком. Сам богатырь Алып-Манаш стал карликом Тас-Таракаем. Кадык впереди подбо-

родка, косёнка свесилась на глаза. И всё же седой перевозчик под этой косой разглядел глаза, узнал их огонь.

— Садись, Тас-Таракай, в мою лодку. Я тебя на ту сторону переправлю. Богатырь Алып-Манаш не сын ли тебе?

Усмехнулся Тас-Таракай:

— Я множество богатырей знаю, однако про Алып-Манаша не слыхивал. Я много песен пою, о подвигах Алып-Манаша спеть нечего.

Белый старик брови высоко поднял, потом их вместе свёл и сказал густым голосом:

— Теперь не поют, потом будут петь.

Он вынул из сумки девятигранную сияющую стрелу.

— Эту стрелу мне Алып-Манаш подарил. Эту стрелу его друг Ак-Кобон в реке потопил. Три года искал я стрелу. Как новую, из воды вчера выудил.

Тас-Таракай прыгнул с лодки на каменную россыпь и встал Алып-Манашем. Рядом с ним стоит бело-серый счастливец-конь. Старик-первозчик упал на дно берестяной лодки вниз лицом.

— Огонь моих глаз, свет моей груди, Алып-Манаш! Твой друг Ак-Кобон сегодня празднует свадьбу. Он Чистую Жемчужину в жёны берёт.

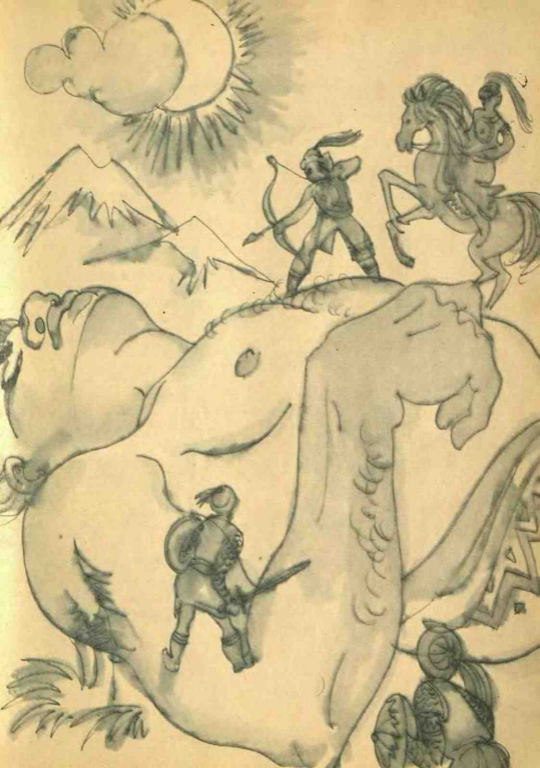
Услыхав это, Алып-Манаш брови вниз опустил, его глаза кровью налились. Он снова стал карликом Тас-Таракаем. Верхом на паршивом жеребёнке потрусил он к стойбищу Бай-барака. Навстречу Тас-Таракаю едет молодой шурин Кан-Чу-рекей:

— Куда спешишь, Тас?

— К богатырю Ак-Кобону на великий той.

— Эй! — крикнул шурин, хлестнув коня. — После

*Алып-Манаш, проснись, пора, пора!
По всей долине шум стоит с утра.
Со всех сторон прислуга злого хана
Слетелась на тебя, как мошकारа.*

смерти Алып-Манаша для меня ничего великого нет. О чём ты плачешь, Тас-Таракай?

— Себя оплакиваю. Был бы я, как все люди, мог бы сейчас смотреть на сестру твою Кумужек-Ару.

— Не отставай, Тас: если вместе приедем, будем рядом сидеть.

Широкой лёгкой переступью побежал конь Кан-Чурекей. А Тас прутником худого жеребёнка стегает, короткими ножками его по рёбрам бьёт. Кан-Чурекей далеко вперёд улетел. Его девятилетний конь лёгкой рысью бежит.

Вдруг видит Кан-Чурекей, что худой Тас-Таракай спокойным шагом далеко вперёд уехал. Так, играя, один обгонял другого. Смеясь, подъехали оба к стойбищу старика Байбарака. Мясо там горой навалено. Арака озером стоит. Народу — как деревьев в лесу, как в долине трав. В белом шестигранном айле сидит белая Кумужек-Ару. Её волосы, как жемчуг, поседели. Её светлые волосы шесть женщин плетут в парные косы. Тас-Таракай медленно дверь открыл, протяжно-жалобно запел:

Жемчужные косы
В два ряда плетёшь, Кумужек-Ару!
Молодого друга
Неужто нашла, Кумужек-Ару?

Со слезами отвечает Кумужек-Ару:

Жемчужные косы Старого друга
Не я плету, Не я бросила.

— Пошел вон, паршивый Тас! — заревел Ак-Кобон и вышвырнул Таса за дверь.

*Сияет в небе светлая заря.
Наказан хан рукой богатыря.
С тех пор не любят ханы сказку эту —
И согласиться надо, что не зря.*

Но Тас снова дверь открыл, новую песню запел:

Из нарядного казана	Из любимого казана
Ак-Кобон будет пить,	Алып-Манашу не пить,
На мягкой постели	На мягкой постели
Ак-Кобону спать.	Алып-Манашу места нет.

Кумужек-Ару отвечает:

Из нарядного казана	Мягкая постель
Пусть кто хочет пьёт,	Для Алып-Манаша.

Оттолкнув женщин, она встала во весь рост. Её волосы вниз потекли, как жемчужные струи воды, как серебряный туман. Ак-Кобон погнался за Тас-Таракаем. Далеко в долину, высоко в гору убежал Тас. Пушенная стрела с тетивы не слетела, а Тас-Таракай уже здесь и опять поёт:

Если бело-серый конь жив,	Если Алып-Манаш придёт,
Что будет?	Что случится?

Кумужек-Ару отвечает:

Бело-серому коню	Алып-Манаша милого
Золотую шерсть приглажу,	Обниму и поцелую.

И вот рядом с Чистой Жемчужиной светлый богатырь Алып-Манаш встал.

Ак-Кобон обернулся журавлём и вылетел в дымоходное отверстие. Алып-Манаш пустил за ним вслед быструю стрелу. Стрела скользнула по темени журавля. С тех пор журавль живёт с этой отметиной. Алтайцы журавлиного мяса не едят.

— Эта птица, — говорят они, — хоть и поганой, но всё же человеческой крови.

Юскузек и Алтын-Чач

Куда ворон не залетает, на краю голубой долины, куда сорока не может долететь, на краю жёлтой долины, под мышкой у ледяной горы стоял маленький аил. Из него вилась тонкой нитью белый дым. В аиле жил мальчик Юскузек.

Он кормился молоком бурой коровы, играл с жёлтой козой, ездил на буланом коне.

Вот раз проснулся Юскузек, кликнул коня, а коня-то и нет, и коровы нет, и коза пропала. На вершину ледяной горы ведут следы семи волков.

Громко заплакал Юскузек:

— Оглянусь назад — кроме тени нет ничего. Руки подниму — только за уши ухватиться можно. Нет у меня отца, который поддержал бы. Нет матери, что пожалела бы. Птенцу, выпавшему из гнезда, всё равно где сгнить. Пока не отомщу волкам, домой не вернусь!

И ушёл Юскузек от своего круглого аила.

Идёт день. Идёт ночь. Вот поднялся на узкое ребро горы. Шагнул — и скатился в пропасть. Здесь ни солнца, ни луны не видно. Закричал Юскузек. Этот одинокий плач тронул сердце орла Каан-Кередэ. Сомкнул Каан-Кередэ широкие крылья, камнем упал на дно пропасти, когтистой лапой схватил Юскузека и поставил его туда, где листья на деревьях не желтеют. Кукушка там нежно кукует весь год.

Прямо против Юскузека, на розовой каменной россыпи, лежали семь серых волков, опустив свои чёрные морды на твёрдые лапы. Юскузек выхватил из-за пояса синий топор.

— Где мой буланный конь? Где бурая корова? Коза моя где?

Что дальше было, не помнит Юскузек. Очнулся он в большой пещере. На полу — медвежьи шкуры. Шёлковые занавеси затканы лунным и солнечным узором. Семь волков подают Юскузеку золотую чочойку с крепким чаем, золотой поднос с жирным кушаньем. Юскузек поел.

— Не хотите ли теперь на свой скот взглянуть?

Юскузек вышел из пещеры. Сытый буланный конь опустил ему на плечо свою шелковистую гриву. Корова пришла с приплодом; коза скачет, бородой трясёт.

— Что подарить вам? — спрашивают волки.

— Если не жаль, дайте щенка, что валяется у вас под порогом.

Семь серых волков, как один, спиной повернулись, тяжёлую слезу уронили.

— Берите собаку.

С розовой каменной россыпи от вечно цветущей белой

черёмухи ушёл Юскузек. Шёл по зыбким болотам, поднимался на крутые горные перевалы. Шёл серым степным песком. Но дороги домой не видно.

Юскузек сел на пенёк и закрыл глаза.

— Приди, смерть! Меня, голодного, ты легко победишь.

Но смерть не пришла. Открыл глаза Юскузек.

Что такое? Стоит перед ним поднос. На подносе сыр и мясо. Поел Юскузек, отдохнул, накормил щенка. Встал, а перед ним голубая долина и под мышкой у ледяной горы круглый аил. Юскузек зажёл в тёмном айле весёлый костёр и видит: через край деревянной чашки льются розовые сливки, над очагом в медном котле кипит густо заваренный чай.

Кто это приготовил?

Юскузек лёг на козью шкуру, закрыл глаза.

Всю ночь и всё утро лежал не шевелясь. Солнце из-за гор давно вышло, а Юскузек всё лежит.

В полдень жёлтый щенок заскулил, завозился. Взвыл раз, взвыл другой, встряхнулся, и упала собачья шкура. Девушка к очагу подошла. Её серьги — как две луны. Брови бархатно-чёрные. Золотые косы нежно сияют.

Юскузек схватил собачий мех, а красавица ударила ладонями по круглым коленям. Открытые глаза полны слёз.

— Отдайте мне мою шкуру!

Юскузек на оба колена пал.

— Грязными пальцами вас тронуть нельзя. Вопросы вам задать я не смею, почему вы собакой стали.

— Караты-хан хотел меня в жёны взять. Чтобы избавиться от него, мои братья обернулись волками, а я — собакой. Зовут меня Алтын-Чач — Золотые Волосы. Отдайте мою шкуру!

Юскузек спрятал собачью шкуру в золотой ящик, запер в железный сундук и всё это опустил в деревянный ларь.

Вот как-то раз у Караты-хана пропал белый, как молоко, жеребец с четырьмя ушами. За жеребцом убежал табун молочно-белых кобылиц. Караты-хан сам поехал искать их. Куда только взгляд может достичь, всюду смотрел Караты-хан: белого табуна не увидел.

Уже хотел повод обратно повернуть, но вдруг заметил он на краю голубой долины, под мышкой у ледяной горы, тихий свет.

Присмотрелся Караты-хан: огонь выходит из маленького аила. Подобрал Караты-хан полы шубы, хлестнул восьмигранной плетью своего иноходца. Как стрела с тугого лука полетел бурый конь.

— Э... эй! — вскричал Караты-хан. — Чей аил горит?

Юскузек с испугу позабыл достать собачью шкуру. Алтын-Чач выбежала как была.

И понял Караты-хан: не луна светит, не аил горит, — это волосы Алтын-Чач отражают утреннюю зарю.

Подобно низкой горе сдвинулись брови Караты-хана. Как бурная река рвёт берег, так разорвал, искоусал он свои губы. Повернул коня и, не оглядываясь, забыв о белом табуне, проскакал в свой белый дворец.

Он не может на трон сесть: трон будто раскалённый камень. Он есть не может: будто кость застряла в горле. Из круглой сумки достал бумагу и, стоя, написал:

«Я, хан Караты-каан, владеющий всеми народами Алтая, бесчисленным белым и красным, рогатым и однокопытным скотом, вызываю тебя, безлошадного Юскузека, на великий подвиг.

Если ты достанешь из орлиного гнезда золотое яйцо, то мои народы, говорящие на шестидесяти разных языках, твоими будут. Мой скот шестидесяти мастей я тебе отдам.

Но если я, хан Караты-каан, тебя в аиле найду, Алтын-Чач моей станет. Твою голову отрублю — к твоим ногам приложу, твои ноги отрежу — к голове приставлю.

Эту грамоту писал я, хан Караты-каан, ездящий на темно-буrom коне».

На краю дымохода во дворце всегда сидели два ястреба.

— Быстрее слов летите! — сказал им Караты-хан.

Ястребы, прихватив клювами грамоту, устремились к маленькому аилу, бросили письмо и улетели.

Алтын-Чач прочла грамоту. Лицо её два раза потемнело, два раза побелело.

— Караты-хан велит тебе за золотым яйцом к орлиному гнезду идти.

С того дня Юскузек днём без отдыха, ночью без сна шёл. Таяли дни, как снежинки. Годы, как змеи, ползли. Летом солнце ему плечи жгло. Когда снег за ворот падал, он зиму узнавал. Шёл он, всё шёл — и вдруг растаяла чёрная туча.

Бронзовый тополь с девяноста девятью сучьями перед Юскузком стоит. Из-под корней тополя глядят глаза змеи. На вершине тополя в большом гнезде тихо плачут два орлёнка.

Юскузек отвёл от ледяных зрачков змеи свои тёплые глаза. Натянул чёрный лук. Концы лука сошлись. Юскузек спустил стрелу. Три змеинные головы покатались в три конца земли.

Из змеиной крови чёрное море налилось. Как вечная большая гора, тело змеи на берегу лежит.

— Потухший костёр кто раздул? Мёртвых нас кто оживил? — крикнули орлята.

Юскузек вышел из-за тополя.

Орлята выпростали голые крылья. Юскузек ухватился за них, и орлята подняли его в гнездо.

Луна всходила — Юскузек с орлятами мясо варил, трубку курил. Луна таяла — Юскузек с орлятами песни пел. Сколько раз вставало солнце, они не считали. Только когда страшный ветер подул, замолкли орлята.

— Это наш отец и мать крыльями машут.

Густой, буйный дождь пролился.

— Это отец с матерью по нас плачут.

Над горами, над реками, над всем широким Алтаем распластались два крыла, это Каан-Кередэ — орёл летит.

И ещё два крыла над всей землёй распахнулись от восточного конца неба до западного: это летела Каан-Кередэ — мать.

— Чем в гнезде пахнет? — крикнули птицы Каан-Кередэ.

Как спущенные с тетивы, они рванулись вверх.

— Кто в гнезде сидит?

— Отец, мать, под тополь взгляните! — просят птенцы.

Каан-Кередэ увидели под тополем труп трехглавой змеи. Они пали вниз, как сброшенные сверху мечи.

Три раза убитую змею глотнули, три раза выплюнули.

— Какой богатырь врага победил?

— Пока ваше сердце не успокоится, пока желудок не согреется, пока клювы не высохнут, не покажем, — отвечают птенцы.

— Верные наши орлята, богатыря покажите! Мы его когтем не зацепим, клювом не тронем.

Орлята медленно крылья расправили. Робкими глазами смотрел Юскузек на больших орлов. Каан-Кередэ-отец взьерошил перья. Каан-Кередэ-мать страшным клёкотом заклекотала. Страшным клювом рванула шубу Юскузека, увидела на его голом плече четыре глубоких шрама. Четыре раза простонал Каан-Кередэ.

— Когда-то из глубокой пропасти я спасла тебя, Юскузек. На твоём плече след моих когтей. Теперь ты орлят наших спас. Что хочешь? Зачем пришёл?

— Караты-хан велел мне из вашего гнезда золотое яйцо украсть.

— Мы с Караты-ханом друзьями не были,— отвечают Каан-Кередэ.— Разве станет он своё добро в чужом гнезде хранить! Золотого яйца у нас нет.

Тут молодые кости Юскузека окрепли. Его голос мужским стал. От гнева смуглое лицо его посинело.

— Если позволите,— сказал Каан-Кередэ-отец,— я отнесу вас к вашему стойбищу.

Сел Юскузек на широкую спину отца Каан-Кередэ. Вцепился в тёмные перья. Как летел, не видел. Сколько летел, не понял. Куда попал, сам не знает. На этом стойбище — ещё никогда не бывал.

В пустом поле только один развалившийся шалаш стоит. В шалаше — чёрный старик. Передние зубы у старика выпали. Усы побелели. Ноги крепко спутаны тугим ремнём. Шея зажата деревянной колодкой.

— Откуда ты, милый мальчик, пришёл?

Дал старик Юскузеку ломоть курута, угостил его молоком. Поздно вечером к шалашу подошла старая старуха. Хотела курут пожевать — не нашла. Хотела молока попить — чашка пуста. Подняла старуха деревянный костыль и стукнула старика по голове:

— Последний кусок проходимцу отдал! Как теперь будем жить?

— Шибко не брани меня, старуха. Жив ли, умер ли наш сын, мы не знаем. Я этого голодного накормил — может быть, и нашего сына люди не оставят.

В полночь старик уснул.

А старуха, думая о молоке и куруте, заснуть не может. Со злобой взглянула она на голую спину Юскузека. Увидела

родимое пятно. Встала старуха, старика грубкой тычет. Старик проснулся, родимое пятно увидел. Холодное тело его согрелось, потускневшие глаза налились слезами.

— Э-эй, мальчик, юноша! Проснись! Ты огонь наших глаз. Ты кровь нашей груди. Ты наш единственный сын. Тебе только год был, когда мы подать Караты-хану не смогли уплатить. Нас поймали, связали, далеко увезли. С тех пор о тебе не слышали. Свою смерть мы на девять лет оттянули. Хотели хоть перед смертью тебя увидеть.

Юскузек поцеловал горячими губами сморщенный рот отца, чёрные губы матери. Твёрдыми ладонями погладил их белые волосы.

Старики как сидели — так вечным сном и уснули.

Из дому Юскузек вышел дитятей. Из орлиного гнезда юношей улетел. Теперь Юскузек зубы стиснул, выпрямил плечи. Он возмужал, созрел, человеком стал.

Караты-хан ночью не спит. Днём не спит. Всё время на ходу живёт. Он ждёт вести о гибели Юскузека, хочет скорее жениться на Алтын-Чач.

— Эй, раб! Ступай в круглый аил. Посмотри, плачет там или смеётся Алтын-Чач. В тот же день обратно вернись, мне правду скажи.

Пятясь, вышел раб из дворца. Быстрее тёмно-бурого иноходца устремился к аилу Юскузека. В тот же день вернуться ему приказал Караты-хан. Раб спешил. Раб не останавливался. Раб одним глазом взглянуть хотел — и обратно бежать. Но только полглазом увидал он Алтын-Чач и забыл, зачем шёл. Рот широко открыл, не мигая на Алтын-Чач смотрит: волосы её золотые, как осенние берёзы, ресницы — густая хвоя.

День сидел и ночь сидел раб у раскрытой двери, он не знал, зачем шёл. Забыл, куда должен идти.

На второй день земля и небо покачнулись. Чёрный вихрь ударил, как сухой лист, взлетел вверх аил Юскузека. Едущий на тёмно-буром коне Караты-хан раба за косу схватил.

— Ты как смеешь смотреть на Алтын-Чач?

Намотал Караты-хан косу раба на свою медную руку и перебросил его через две горы.

С сердцем холодным, как вечный камень, с чёрным сердцем вернулся домой Юскузек.

— А, это ты, Юскузек! Где золотое яйцо?

Ремённой плетью ударил Юскузека Караты-хан.

— Питающийся человеческой кровью Караты-хан! — крикнул Юскузек. — Хвастаясь силой, не бей слабого. Злым языком молчаливых не оскорбляй. Под худым седлом ходит добрый конь. Под рваной шубой может оказаться богатырь непобедимый.

Схватил тут Юскузек Караты-хана за соболий ворот и стащил с тёмно-бурого коня.

Караты-хан обеими руками обхватил Юскузека. Началась великая борьба. Семь лет тягались. По щиколотку уходили их ноги в землю на твёрдом камне. По колено увязали в рыхлой почве. Ни один не упал. Ни один не коснулся земли рукой. Девять лет боролись. Земля дрожала от их борьбы. Горы прыгали, как сарлыки¹, а холмы, как косули. Озёра вышли из берегов. Реки бросались с камня на камень в разные стороны.

Вот Юскузек уже тронул землю левой рукой и правым коленом тронул.

— Эй, братья волки! Ой, орлы Каан-Кередэ, помогите!

Раскинув крылья над горами и долинами, прилетели орлы. Серые волки, как серые вихри, в семь глотков сожрали тёмно-бурого иноходца, семь раз выплюнули. Орлы Каан-Кередэ железными когтями подцепили Караты-хана, унесли его в поднебесье и сбросили оттуда на вечный горный ледник. Собакам куска мяса не осталось от тела Караты-хана. Иголкой раз поддеть не осталось куска от шкуры Караты-хана. Ветер развеял прах его, словно пыль.

Страшный гость

Один раз ночью барсук охотился. Посветлел край неба. До солнца к своей норе спешит барсук. Людям не показываясь, прячась от собак, держится, где трава выше, где земля темнее.

¹ Сарлык — як.

Подошёл барсук к своей норе.

— Бррк, бррк...— вдруг услышал он непонятный шум.

«Что такое?»

Сон из барсука выскочил. Шерсть к голове поднялась. А сердце чуть рёбра не сломало стуком.

— Я такого шума никогда не слыхивал — «бррк... бррк»... Скорей пойду, таких, как я, когтистых зверей позову. Я один умирать не согласен.

Пошёл барсук всех на Алтае живущих когтистых зверей звать:

— Ой, у меня в норе страшный гость сидит! Кто осмелится со мной пойти?

Собрались звери. Ушами к земле приникли. В самом деле — от шума земля дрожит.

— Брррк, брррк...

У всех зверей шерсть вверх поднялась.

— Ну, барсук,— сказала рысь,— это твой дом, ты первый туда и лезь.

Барсук оглянулся; большие когтистые звери ему приказывают:

— Иди, иди! Чего стал?

А сами от страха хвосты поджали.

Побоялся барсук главным ходом к себе домой войти. Стал сзади подкапываться. Тяжело скрести каменную землю! Когти стёрлись. Обидно родную нору ломать. Наконец проник барсук в свою высокую спальню. К мягкому моху пробрался. Видит — белеет там что-то. «Бррк, бррк...»

Это, сложив передние лапы поперёк груди, громко храпит белый заяц.

Звери со смеху на ногах не устояли. Покатались по земле.

— Заяц! Вот так заяц! Барсук зайца испугался!

— Стыд свой куда теперь спрячешь?

«В самом деле,— думает барсук,— зачем я стал на весь Алтай кричать?»

Рассердился да как пихнет зайца:

— Пошёл вон! Кто тебе позволил здесь храпеть?

Проснулся заяц: кругом волки, лисы, рысь, росомахи, дикая кошка. У зайца глаза круглыми стали. Сам дрожит, словно тальник над бурной рекой. Вымолвить слова не может.

«Ну, будь что будет!»

Приник бедняга к земле — и прыг барсуку на лоб! А со лба, как с холма, опять скок — и в кусты. От белого заячьего живота побелел лоб у барсука. От задних заячьих лап прошёл белый след по щекам барсука.

Смех зверей ещё звонче стал.

«Чего они радуются?» — не может барсук понять.

— Ой, барсук, лоб и щёки пощупай! Какой ты красивый стал!

Барсук погладил морду — белый пушистый ворс пристал к когтям. Увидав это, барсук пошёл жаловаться медведю.

— Клянюсь вам до земли, дедушка медведь-зайсан! Сам дома не был, гостей не звал. Храп услышав, испугался. Скольких зверей я из-за этого храпа обеспокоил! Сам свой дом из-за него сломал. Теперь видите: голова и челюсти побелели. А виноватый без оглядки убежал. Это дело рассудите.

Взглянул медведь на барсука. отошёл подальше — ещё раз посмотрел да как рывкнет:

— Ты ещё жалуешься? Твоя рожа раньше, как земля, чёрная была, а теперь твоей белизне даже люди позавидуют. Обидно, что не я на том месте стоял, что не моё лицо заяц выбелил. Вот это жаль. Вот это в самом деле очень жаль!

И, горько вздыхая, побрёл медведь в свой тёплый, сухой аил.

А барсук так и остался жить с белой полосой на лбу и на щеках. Говорят, что он привык к этим отметинам и даже очень часто хвастает:

— Вот как заяц для меня постарался! Мы теперь с ним на веки вечные друзья стали.

Нарядный бурундук

Жил на Алтае старый большой медведь. Его любимая еда — кедровый орех. Брал он орехи только с одного кедра. Толстый кедр, в шесть обхватов. Ветки частые. Хвоя шёлковая. Сквозь неё никогда дождь не каплет. Издали посмотришь — будто десять кедров из одного корня выросло. Это

дерево старый большой медведь от зверей и людей заботливо охранял. Хорошо жилось медведю подле него.

Но вот однажды пришёл медведь, а у толстого кедра орехов нет.

Ходил медведь вокруг, глазам своим не верил.

Уцепился за ветви — будто свинец к пояснице привязан. «Долго не евши разве так отяжелеешь? Видно, состарился я».

Согнулись ветви кедра от тяжести медведя, чуть-чуть не треснули. На вершину кедра вскарабкался старик, каждую веточку осмотрел. Нет орехов.

На другой год пришёл медведь — орехов всё нет. На третий год — опять пусто.

Посмотрел большой медведь на свою бурую мохнатую шерсть: как огнём опалённая, пожелтела.

«Э-э-э, ма-а-аш, как я похудел!»

Двинулся медведь сквозь частый лес искать себе пропитания.

Бурную реку перебродил, каменными россыпями шагал, по зелёной шёлковой мураве ступал. Сколько зверей встречалось ему, даже глазом не повёл.

— Брык-брык, сук-сук! — вдруг закричал бурундук, испугавшись большого медведя.

Медведь остановился. Поднял переднюю лапу, шагнуть хотел и, не опустив её, остановился...

«Э-э-э... ма-а-аш, как же я забыл?.. Бурундук очень старательный хозяин. Он на три года вперёд запасается. Погоди, погоди, погоди! Надо нору его раскопать: у него закрома никогда пустыми не стоят».

И пошёл нюхать. И нашёл. Не легко старому твёрдую землю копать. Вот корень. Зубами грызть — зубы не берут. Лапами тащить — силы нет. Медведь размахнулся: рраз! — сосна упала. Медведь размахнулся: два! — берёза повалилась.

Услыхал эту возню бурундук и ум потерял. Сердце изо рта выскочить хочет. Передними лапами рот зажал, из глаз слёзы ключом бьют. «Такого большого медведя заметив, зачем я крикнул? Рот мой, разорвись!»

Кое-как на дне норы, в сторонке, выцарапал бурундук ямку и спрятался туда.

Медведь наконец-то перегрыз корень, просунул лапу — один орех нашёл.

«Э-э-э... ма-а-аш, сказал же я: бурундук — запасливый хозяин».

Морда медведя посветлела. От радости слеза блеснула. Дальше полез лапой — ещё больше орехов нашёл. Обрадовался медведь.

«Э-э-э... ма-а-аш, ещё поживу, видно! Этого милого бурундука как же я поблагодарю? Чем отдарю?»

Отощавший желудок медведя наполнился. Утомлённое тело лёгким стало.

Шерсть светится, как золотая. Большой медведь оглянулся, себя ощупал: бурундуку подарить нечего. «Стыд будет мне, если, чужую пищу съев, спасибо не скажу. Где же этот милый бурундук?»

Посмотрел кругом — бурундука не видит.

Медведь заглянул в норку, увидел ямку, хвост бурундука над ней торчком стоит.

— Э-э-э, ма-а-аш... Хозяин-то, оказывается, здесь. Благодарю! Пусть ваши закрома пустыми не стоят. Вы такой добрый, будьте всегда счастливым. Позвольте вашу честную лапу от души пожать!

Протянул медведь бурундуку правую лапу, но бурундук медвежьего языка не понимает. Увидав над собой чёрную лапу, закричал:

— Брык-брык, сук-сук! — и скок из норы.

А медведь левой лапой его подхватил.

— Благодарю вас, маленький, — говорит. — Голодного меня вы накормили, усталому отдых дали.

Бурундук слов медведя не может понять, он по-медвежьему разговаривать никогда не учился. Освободиться, бежать хочет, медвежью жёсткую ладонь тонкими коготками скребёт, а у медведя ладонь даже не чешется.

— Э-э-э, ма-а-аш, где вы росли — моих слов не понимаете? Я вам говорю спа-си-и-бо! Сколько раз повторяю, а вы не отвечаете. Улыбнитесь хоть немножко. Я же вас благодарю. Спасибо вам говорю!

Замолчал медведь.

А бурундук думает: «Кончил со мной медведь разговаривать, теперь есть начнёт».

Рванулся из последних сил.

— Э-э-э, ма-а-аш, не хотите слов понимать?

Поднял правую лапу и погладил бурундука с головы до хвоста. От пяти чёрных медвежьих когтей заструились на спине бурундука пять чёрных красивых полос. Вот с тех пор и носит потомство бурундука нарядную шубу — медвежий подарок.

ТУВИНСКИЕ
СКАЗКИ

Жадный лама

Озным зимним вечером бродячий лама шёл по долине. За плечами у него был старый мешок с божественными книгами. Лама посматривал на юрты, над которыми вились дымки от костров, и принюхивался, откуда пахнет вкуснее. Главное — не ошибиться в выборе юрты: святого человека

люди накормят сытным ужином, спать уложат возле жаркого костра...

Вдруг запахло пшённой кашей. Лама принюхался, откуда ветер наносит этот вкусный запах, и побежал к жилью.

У дверей юрты лежала собака, тоже принюхивалась к запаху пшённой каши и тихо скулила: боялась, что ей ничего не достанется.

И вот появился бродячий лама. Не первый раз он идёт в юрту: после него всегда остаются пустые котлы.

Собака с громким лаем бросилась на ламу и сбила его с ног.

Лама грохнулся в снег и закричал:

— Люди добрые, спасите!.. Спаси-и-ите-е...

Отбивался от собаки ногами, а сам всё глубже и глубже зарывался в рыхлый снег. Собака хватала его за ноги и лаяла, как могла, громко.

Из юрты выбежала хозяйка, отогнала собаку и увидела, что из снега торчат две ноги. Она ухватилась за ноги, вытащила человека из снега и ахнула: перед ней дрожал от испуга старый лама.

Хозяйка бросила в собаку большой ком снега:

— У-у, глупая!.. Святого человека напугала.

— Чуть богу душу не отдал...— пробормотал лама, подымаясь на ноги.

Хозяйка упала перед ним на колени и у своей груди сложила руки — ладонь к ладони.

— Святой человек, простите нас... Мы не знали, что это вы идёте...

Получив прощение, она вскочила и широко распахнула дверь:

— Входите. Входите, святой человек... После долгой дороги вам, наверно, спать хочется?..

Она постелила возле костра пёстрый войлочный ковёр.

— Ложитесь, святой человек, отдыхайте...

Но лама не ложился. Жадными глазами он смотрел на котёл, в котором доваривалась пшённая каша.

Лама сел на ковёр, достал свои старые книги и начал читать молитвы.

У стены на низкой деревянной койке лежал мальчик Сундуй. Он прислушивался к каждому слову святого человека.

А бродячий лама бормотал свои молитвы:

— Ба-ам, ба-ам, барабан, и-и-и... Па-а-ал, па-а-ал, бала-лайка, и-и-и...

Лама провёл языком по губам, поднял глаза и уставился на котёл, в котором, довариваясь, сладко вздыхала густая пшённая каша.

Вода пальцем по книге, лама продолжал протяжным голосом:

— Ка-а-а, ка-а-аша, ка-а-ашенька. А-а-а, ка-шенька! Спешу, спешу! У-у-у, ух! Хозяйка, хозяйка бога побойтся и каши мне побольше даст, и-и-и...

Сундуй долго слушал, что напевает лама, а потом улыбнулся, вскочил со своей лежанки и дёрнул мать за рукав:

— Мама, этот дяденька каши хочет.

Мать оттолкнула сына.

— Молчи. Иди спать. Ты ещё ничего не понимаешь...

Лама всё это видел и слышал. Но, как у всякого ламы, стыда у него не было, и он не покраснел. Он уткнулся в книгу и продолжал читать свои молитвы про кашу. Он спел даже про то, как в других юртах святого человека угощают не кашей, а самым жирным мясом. Сегодня он ошибся, что зашёл ночевать к скупым людям.

Хозяйка хотела поправить его: «Мы не скупые, а бедные», но раздумала: «Нельзя сердить святого человека». Она продолжала молча хлопотать у костра. Помешала кашу деревянной поварёшкой, попробовала, потом сняла котёл и поставила к себе на женскую половину юрты.

Лама покосился на неё и запел молитву про скупых людей, которых бог отдаёт на мученье злым чертям.

— Хитрый! — рассердилась хозяйка. Она поставила на землю самую большую чашку: пусть не обижается святой человек.

Лама не заметил, как проглотил кашу. Все наелись, а он не наелся. Хотел ещё попросить, но постеснялся: даже у бродячего ламы иногда бывает стыд. Он сидел и смотрел, что делает хозяйка. А она остатки горячей вкусной каши переложила из котла в чайник и поставила его на верхнюю полку шкафа. Лама заметил место, где стоял чайник.

Чтобы хозяйка скорее легла спать, лама решил напугать её.

— За мной гнался один рыжий чёрт,— сказал лама.— Давно ищет меня. Днём боится нападать, а ночью может попробовать... Давайте скорее ложиться спать, чтобы рыжий чёрт не догадался, что я здесь...

— А если он придёт...— испугалась хозяйка.— Что нам делать? Как спасти вас? Молитв мы не знаем, с богом разговаривать не умеем... Можем обороняться одним топором...

— Вот и хорошо,— успокоил лама хозяйку, чтоб она скорее ложилась спать.— Бейте топором. От топора рыжий чёрт сразу подохнет.

Все легли спать, но долго не могли заснуть: мать с сыном оттого, что боялись рыжего чёрта, а лама оттого, что боялся — остынет пшённая каша. Он уже ругал себя за то, что так неумно напугал хозяев.

Когда хозяева заснули, бродячий лама тихо поднялся со своего войлочного ковра, прошёл на женскую половину юрты, куда мужчинам вход запрещён, и стал нащупывать чайник с кашей. Чайник был ещё тёплый. Лама обрадовался. Он сунул руку поглубже, где каша была ещё горячее, и захватил полную горсть. Но кулак у него был костистый и застрял в отверстии чайника. Жестяных дел мастер, наверно, не думал, что из чайника будут горстями доставать горячую кашу, и сделал его таким неудобным.

Лама пробовал и так и этак, но кулак застревал всё крепче и крепче, а каша жгла ему ладонь и пальцы. Чтобы освободить руку, надо было разжать кулак, но лама не мог остаться без каши. Он поставил чайник на землю, прижал его ногами, попробовал левой рукой высвободить правую, но это не помогало. А каша всё жгла и жгла. Лама стиснул зубы от боли, извивался, как червяк, но терпел,— всё надеялся, что достанет полную горсть вкусной каши.

Но вот жар дошёл до костей, и лама не выдержал. Чтобы освободиться от этого проклятого чайника, он решил с размаху ударить им обо что-нибудь твёрдое. Размахнулся и ударил о шкаф с посудой. Посуда загремела, а чайник остался на рузе.

Лама уже не мог терпеть. С глухим криком и стоном он побежал вокруг потухающего костра, размахивая рукой. Чайник с грохотом ударялся то о стену юрты, то о железный треножник, на котором недавно стоял котёл с кашей. Зола из

костра взметнулась и закружилась, как вихрь в поле, искры взлетели до самого дымового отверстия.

Хозяйка проснулась в страшном испуге.

— Рыжий чёрт прибежал!..— крикнула она.

А лама в это время пробегал по женской половине юрты. Кто же, кроме чёрта, осмелится ступить на женскую полови- ну? Да и в отблесках искр он казался красным, как раскалён- ная жечь. Хозяйка крикнула гостю:

— Святой человек!.. К нам рыжий чёрт прибежал!..

Проснулся мальчик Сундуй и, припомнив разговор, крик- нул матери:

— Топором бей!..

Мать схватила топор.

Лама испугался и бросился в дверь. Но запнулся за по- рог и упал лицом в снег.

Хозяйка налетела на него и ударила топором по голове...

Когда всё затихло, она вернулась к огню и решила по- хвастаться перед святым человеком:

— Я рыжего чёрта убила!.. Скажи об этом богу...

Но ламы не оказалось на пёстром войлочном ковре.

— Хитрый! — рассердилась хозяйка.— В другую юрту ушёл, чтобы мы тут одни с рыжим чёртом управлялись...

Она уложила сына и сама снова легла спать.

Проснулась она на рассвете и пошла посмотреть погоду. Только открыла дверь, видит: лежит мёртвый лама.

Она с криком вернулась в юрту:

— Сундуй, смотри, что мы наделали!..

Мальчик Сундуй встал, вышел из юрты и пинком ноги сбил с мёрзлой руки жадного ламы свой чайник.

— Ничего, мама,— сказал он.— Дяденька больше не будет чужую кашу горстями таскать.

В то утро дул большой буран, и никто в долине не видел, как мать с сыном оттащили труп жадного ламы в густой лес. Так поступали здесь со всеми умершими: отдавали волкам да бродячим собакам на съедение. Но ни волки, ни бродячие со- баки не тронули труп ламы, и хозяйка юрты сказала сыну:

— Видать, не святой он человек, а поганый...

Сундуй согласился с матерью.

— Лама сам не работал, а чужую кашу ел. Вот и стал поганым...

Лисица и охотник

Жил в нашей стороне жадный и злой хан. Люди знали, что все ханы злые и все жадные. Никто этому не удивлялся: чем у человека больше богатства, тем у него жадности больше и злости. Но такого злого хана ещё свет не видел.

Каждое утро хан отправлял своих прислужников по стойбищам — с бедных людей дань собирать.

Ханские прислужники у наших людей последнего коня забирали, последнюю корову угоняли, последнего барана себе на обед резали.

Когда настанет конец ханским поборам, никто не знал.

Табунам своим хан счёта не знал. Стада коров по долинам, как тучи по небу, тихо передвигались. Отары овец на белые облака походили — конца им не было.

От голода все люди к хану в пастухи ушли. Остался один охотник Калзан, да и тот был старым и дряхлым — на охоту редко ходил.

В лесу развелись хищные звери. Волки каждую ночь лошадей, коров и баранов резали. Медведи им помогали. Они съедали много скота.

Хан испугался. Если дальше всё так пойдёт, то у него не останется ни одного копыта.

И вот хан объявил всему народу:

— Кто принесёт мне пять шкур медведей, десять шкур волков и три шкуры лисицы, тому отдам лучший табун лошадей и большую отару баранов.

Услышал об этом охотник Калзан, взял ружьё и отправился в лес. На маленькой поляне он увидел лисицу и вскинул ружьё.

Лисица испугалась и крикнула человеческим голосом:

— Ой, ой!.. Не стреляй меня, храбрый охотник! Я с тобой дружить буду, всё, что хочешь, для тебя сделаю...

Калзан опустил ружьё.

— Что ты можешь сделать?

— Всех зверей для тебя обману...

— Зачем же всех? Мне надо десять волков и пять медведей. И ещё надо... — Калзан не мог выговорить, что ему надо ещё три лисьих шкуры,

Лисица сказала:

— Это совсем не трудно... Завтра приходи сюда...—
И убежала в лес.

Бежала она, бежала — столкнулась с волком.

Волк спросил её:

— Ты куда так торопишься? Запыхалась, язык у тебя болтается...

— Ой, беда пришла!..— вскрикнула от горя лисица.—
Разве ты не слышал, что по приказу хана все охотники от-
правились в лес? Бьют всех, кто мясо ест. Медведей бьют,
вас, волков... И даже нас, лисиц, не щадят... Вот я бегу от них
на неприступную гору Спасения...

— А далеко гора Спасения? — спросил волк.

— Близо, но надо знать туда дорогу,— ответила
лисица.

— Возьми меня с собой...

— Что же я тебя одного поведу? Ты собери десяток вол-
ков да полдесятка медведей, тогда я смогу денёк на вас по-
тратить...

Волк побежал собирать зверей, а лисица легла под ста-
рую сосну и уснула.

Утром медведи и волки собрались на полянку, и лисица
сказала, что сейчас поведёт их на гору Спасения, но дорогу
туда никто не должен знать и потому всем нужно зажмурить
глаза.

Звери встали в ряд — шерсть к шерсти. Лисица коман-
довала:

— Вперёд!

Все с закрытыми глазами двинулись вперёд.

Лисица подала новую команду:

— Налево! Опять — вперёд!

Волки и медведи идут, ничего впереди себя не видят. А ли-
сица успокаивает их:

— Подходим к горе Спасения...

Звери обрадовались и пошли быстрее. Лисица ещё раз
повернула их налево и остановила:

— Сейчас по моей команде все прыгнете на гору Спасе-
ния. Только старайтесь прыгать дальше, а то не допрыгнете
до горы.

Она начала считать: «Ра-а-аз, два-а». По третьему счёту

все звери прыгнули так далеко, как только могли. Прыгнули и... повалились в пропасть.

Высоко над обрывом стояла лисица и хохотала.

Охотник обошёл гору и в пропасти увидел зверей мертвыми. Он снял с них шкуры и отправился к хану. Лисица шла следом.

Хан взял шкуры, а охотника выгнал, даже пригрозил голову снять.

Лисица у ханской юрты стояла и всё слышала.

— Мы за всё отплатим ему,— сказала она охотнику.— Садись по правую сторону двери, а я притаюсь на левой стороне.

Они так и сделали.

Хан был пьяный. Ночью он вышел из юрты покачиваясь. Лисица прыгнула ему на грудь и вцепилась в горло. Охотник стукнул его по затылку.

Хан упал без движения.

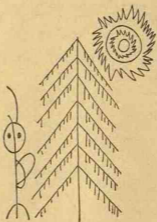
Награбленный скот бедные люди из ханских табунов и отар обратно к себе угнали.

Охотник Қалзан с лисицей стали в дружбе жить. Мясо они поровну делили, на охоту вместе ходили.

**ШОРСКИЕ
СКАЗКИ**

Б

Как птицы огонь добывали

было это, когда добрый Ульгень горы и реки, деревья и травы сотворил, людьми, зверями, птицами, рыбами землю и воду населил. Птицам в их гнёздах тепло и уютно жилось, перьями и пухом они были одеты. Зверям в берлогах и норах тоже вольготно было, их шерсть густая от холода укрывала.

О рыбах и говорить нечего. У всех еды было вдоволь, добывать её легко было, словом, всем хорошо жилось.

Одному человеку было плохо: он голым был, в жилище его огня не было, чтобы согреться возле него в зимние холода, мясо или коренья на нём сварить или зажарить. Холодно и голодно людям было. И стали они птиц просить-умолять:

— Вы, птицы, вокруг всей земли летаете, в небо — к солнцу и звёздам поднимаетесь, горы огнедышащие переваливаете, — только вы и можете добыть и принести нам огонь...

Птицы во все концы земли разлетелись, в небо взвились.

Журавль, в небесное жилище Ульгена поднявшись, сказал:

— Тобою созданные люди на земле от мороза коченеют, от голода погибают, дай огонь им!

Ульген разгневался и на людей и на журавля, даже искорку огня из своего очага отказался дать, как журавль ни упрашивал, выгнал его из жилища, а сам спать улёгся.

Подождал журавль, пока Ульген хорошенько заснёт, потихоньку к очагу подобрался, длинной своей ногой из очага пылающий уголёк выхватил, в длинном клюве своём уголёк зажав, стремглав на землю опустился, огонь людям принёс...

Другая птица — орлица, над высокими горами пролетая, на скалу подоблачную отдохнуть присела. Лишь коснулась своими когтями скалы, камень от неё отломился, вниз покатился и, ударившись о другой камень, искры высек, от которых сухие деревья загорелись. Орлица, осколок скалы в своих когтях зажав, в долину к людям вернулась, сказала:

— Если два камня друг о дружку ударить — искры посыплются, огонь можно разжечь...

С тех пор и научились люди из камня огонь высекать.

Догадливая выдра

Поглядишь, так зверям и птицам вроде совсем вольно и беззаботно живётся: нет среди них ни родовитых князьков, владеющих самыми обильными и добычливыми угодьями, ни богатей, жадных и хитрых, закабаляющих вечно своих бедных

родичей долгами и обманом. А всё-таки и им приходится ежегодно и выкуп за себя выплачивать и дань в срок приносить: птицам — своими перьями, а зверям — шерстью. Ведь каждую весну все звери-птицы линяют — скидывают с себя тёплые пушистые шубы или своё зимнее оперение. Вот этой одежкой или украшениями своими они и платят албан — дань и повинность духам — хозяевам земли и воды. Живущие на суше звери и птицы хозяевам гор и тайги албан выплачивают, обитающие в воде — хозяевам рек и озёр дань несут...

Из зверей только одна выдра ни горному, ни водяному хозяину албан платить не желает, хитро от него увёртывается. Она ведь попеременно то на берегу, то в воде живёт. И когда хозяин горы её спросит:

— Где ты, зверюга, проживаешь? — выдра лукаво отвечает: — В воде живу!

А когда хозяин реки допрашивает:

— Где ты, красавица, обитаешь? — она в ответ:

— В тайге, на горе жилище моё!..

Когда хозяин горы сердито её к ответу требует:

— Кому ты, непокорная, албан платишь? — выдра, посмеиваясь в усы, говорит:

— Хозяину реки должна платить! — а спрашивающему о том же хозяину воды дерзко отвечает: — Хозяину горы я должна дань приносить!..

Так ни тому, ни другому албана и не платит. Поэтому выдра весной и не линяет — красивой и пышной своей шерстки не меняет...

Чагыс

Давным-давно это было. На свете одинокий юноша жил и имя такое носил — Чагыс¹. Однажды неподалёку от его стойбища трое рыбаков на озере рыбу ловили, все трое одну лишь щуку поймали. Чагыс рядом овцу пас. Юноше Чагысу три рыбака щуку принесли. Говорят ему:

¹ Чагыс — одинокий.

— За щуку нашу овцу не отдашь ли?

— С единственной моей четырёхножкой скотиной как расстанусь? — юноша отвечает.

Подумал, подумал и на обмен согласился. Рыбаки его овцу взяли, Чагыс щуку в мешок положил, в гору отправился. По дороге щука, ещё живая, прорвала мешок, на землю прыгнула. Чагыс её камнем по голове ударил, снова в мешок сунул. А щука вскоре мешок опять продырявила, на землю вывалилась.

Юноша снова щуку камнем оглушил, в мешок завязал. Когда к своему жилищу подошёл, щука снова из мешка вырвалась. Юноша рассердился и бросил щуку в озеро. А сам в жилище своё вошёл, спать улёгся...

Рано утром его незнакомый человек разбудил.

— Подымайся скорее, тебя Хозяин воды к себе зовёт.

На берег того озера, куда Чагыс щуку бросил, они пришли.

— Как же я в воду войду, на глубину спущусь? — юноша спрашивает.

— На спину мне навьючивайся, вместе нырнём, — незнакомец говорит ему.

Как только Чагыс на плечи ему уселся, человек в воду прыгнул. Быстро они дна достигли. Чагыс даже вымокнуть не успел. По дну озера, как по солнечной земле, идут, как по дневному миру путешествуют.

Проводник юноше говорит:

— Вчера сын Хозяина воды по озеру плавал, в рыбачьи сети попал и на берег вытащен был. Ты душу его спас, в озеро вернул.

Юноша вчерашнюю щуку вспомнил и всё понял...

— Хозяин воды тобою доволен, поэтому тебя к себе призывает, хочет тебя отблагодарить. Будет тебе дорогие камни и золото предлагать — отказывайся. В подарок собаку хозяйскую художёрстную попроси, много добра от неё будет...

Так незнакомец юношу поучал.

К обиталищу Хозяина воды подошли. Хозяин воды на встречу вышел. Чагыса за руку взял, в своё жилище ввёл, посредине усадил. Сын Хозяина воды на печи лежит, голова платком перевязана. Юноша вспомнил, как вчера щуку камнем по голове бил, — испугался, думал, Хозяин воды за сына

его накажет. А Хозяин воды перед ним дорогие камни рассыпал, золотые и серебряные слитки разложил.

— Лучший из этих камней себе выбери, сколько хочешь, слитков возьми,— Хозяин воды говорит.

Чагыс от дорогих камней отказался.

Хозяин воды перед ним золотые монеты рассыпал: сколько унести сумеешь, столько и возьми...

Юноша и от монет отказался, Хозяину воды говорит:

— Если меня одарить хочешь, лучше собачонку свою художёрстную мне отдай, она мне другом на земле будет.

Хозяин воды сначала засмеялся, потом горько заплакал, собачонку на руках принёс, ещё горше заплакал. Однако собачонку юноше отдал. Чагыса богато угостил и на землю отпустил. Чтобы на поверхность его проводить, давешнего посланца вызвал.

— Гостя, спасителя сына моего, к его стойбищу отведи, наверх подыми так, чтоб ни один волосок на нём не намок...

Юноша, взяв собачонку, на провожатого уселся, мигом на берег принесён был так, что ни он, ни собачонка вымокнуть не успели.

Вечером той же пищей, что и сам ел, из той же посуды он и собачку накормил, подле себя спать уложил.

Утром пробудился, глазам не верит: чашка его деревянная золотой стала, тонкой резьбой украшена.

Вечером пищу себе и собачке приготовил, из одной посуды поужинали; спать собачку в ногах у себя уложил.

Утром видит: вся утварь в его жилище золотой и серебряной стала.

На следующую ночь, спать укладываясь, собачку он за пазуху себе положил, на груди своей отогрел. На заре Чагыс проснулся — собачки за пазухой нет. И тут же юноша слышит: в его очаге огонь весело потрескивает, посудой кто-то позванивает. Глаза Чагыс открыл и видит: у очага девица-красавица стоит с волосами, как медь, сверкающими. Чагыс с лежанки своей вскочил, к девице подбежал, обнял её. Девица ему говорит:

— Экой ты нетерпеливый. Завтра сюда сын Хозяина воды придёт, с тобой спор из-за меня затеет.

Назавтра утром, точно, сын Хозяина воды явился, в жилище юноши заглянул, к отцу вернулся.

— Зачем одинокому юноше невесту мою отдал? — отцу он говорит. — Если девицу мне не вернёшь, отцом тебя считать перестану.

Хозяин воды говорит:

— К Чагысу иди, в прятки с ним поиграй, кто кого обманет, тому и девица достанется.

Сын Хозяина воды в жилище Чагыса пришёл, в прятки с собой играть позвал.

— Если ты в прятки играть желаешь, ты первым и прячься, а я искать буду, — Чагыс ему говорит.

Сын Хозяина воды прятаться побежал. Чагыс в жилище своём остался. Девица ему и говорит:

— Что же ты не идёшь искать его?..

— А где мне его искать, не скажешь ли?

— Вдоль берега озера иди, скотный загон увидишь, внутрь его входи. Внутри три барана лежат. Как только они тебя увидят, как медведи на тебя кинутся, ты не пугайся. Среди баранов есть один с закрученными и раздвоенными рогами. Его за рога хватай, голову выворачивай, он голос подаст — это и есть сын Хозяина...

Чагыс в загон вошёл, как девица его учила, поступил. Когда он барану шею перекрутил, тот голосом сына Хозяина воды взмолился:

— Ой, больно, ой, шея моя!

Чагыс быстро в жилище своё вернулся, у девицы спрашивает: куда ему самому спрятаться...

Она сидела, волосы свои медно-золотые расчёсывала. Чагыса в гребень свой обратила. Сын Хозяина воды прибежал, за стол уселся, большую книгу из-за пазухи вынул, стал читать. Обо всех корнях, какие в земле произрастают, — он прочитал, обо всех речных гальках, сколько их на берегах и на дне рек водится, — прочитал, обо всех звёздах, какие на небе есть, — прочитал. Всю книгу он прочитал, а где юноша Чагыс спрятался — книга ему не ответила. Когда сын Хозяина книгу закрыл, девица гребень свой уронила. Чагыс поднялся и крикнул:

— Я здесь!

Сын Хозяина воды снова прятаться отправился, Чагыс подле девицы остался.

Она его поучает:

— По степи ты сейчас пойдёшь, на стадо быков наткнёшься. Стадо, тебя завидев, с мычаньем за тобой кинется — не бойся. Быки, догнав тебя, с рёвом окружают — не пугайся. Будет там один бык — самый огромный в стаде, рога у него прямые, как стрелы. Смело за рога хватай, шею ему перекручивай, он пощады попросит.

Всё, как предсказывала она, у Чагыса получилось: сына Хозяина воды отыскав, юноша в своё жилище вернулся. Девушка за шитьём сидела. Как только сын Хозяина к их жилищу прибежал, она Чагыса в напёрсток превратила и на свой палец напёрсток надела.

Сын Хозяина воды новую книгу открыл, стал читать. Обо всех деревьях, какие на земле растут, — он прочитал, имена всех рыб, какие только в водах водятся, имена всех птиц и зверей, какие в тайге обитают, — он перечитал, нигде Чагыса не обнаружил.

Потеряв надежду найти его, сердито вскричал:

— Явись!

Девушка напёрсток на пол уронила — Чагыс вскочил.

— Я здесь, — сказал.

В третий раз сын Хозяина воды спрятался. Девушка Чагысу говорит:

— Берегом моря иди, грудю крупных камней увидишь, за нею россыпь гальки найдёшь. На гальке множество птиц разгуливает, среди них одну с золотым гребешком увидишь. Всю ловкость собери, птицу поймай, легонько шею ей перекрути — птица человеческий голос подаст...

Так Чагыс в третий раз сына Хозяина воды отыскал. Когда он появился, девушка Чагыса в иглу превратила.

Сын Хозяина воды, сев за стол, снова книгу раскрыл, долго читал: всех людей, на земле живущих, называл поимённо; обо всём, что на поверхности и в глубине земли, — читал, читал, а Чагыса отыскать не мог, чуть не плача, закричал: «Явись!»

Девушка иглу на пол тихонько бросила.

Чагыс с полу вскочил.

— Я здесь! — сказал.

Так ни с чем сын Хозяина воды домой и отправился.

— Больше он сюда не придёт, — девушка Чагысу сказала, — меня добиваться больше не посмеет, станет тебя

бояться. Спасибо тебе, Чагыс, что меня из неволи выручил, теперь я верной подругой тебе стану...

Дружно и долго они вместе жили, Чагыс своему счастью не мог нарадоваться...

Счастливым Неккер

Задолго до наших дней жили в тайге три брата-анчи, на зверей и птиц в одних угодьях охотились, в одной реке рыбу ловили.

Однажды у старшего брата сын родился, дали ему имя Неккер. Когда мальчику исполнился год, младший из братьев решил племяннику подарок «на зубок» — сый — преподнести. В тайгу отправился, чтоб редкого зверя добыть или самую красивую птицу поймать. С восхода до заката по тайге проходил — ничего не добыл. Назавтра снова в тайгу пошёл, опять без добычи вернулся. И третий день ему удачи не было, даже рябчика не мог подстрелить. Тогда младший брат старшему и говорит:

— Видно, сыну твоему счастья на свете не будет, однако ему и такое имя надо дать — Ырызы — Несчастливец.

Так и стали чаще звать маленького Неккера — Несчастливца. Рос же он веселым, ловким, в играх с ровесниками время своё проводя. И всегда ему в играх удача, всех ребят Неккер обыгрывает, а те его всё-таки Несчастливцем зовут.

Однажды Неккер в бабки всех ребят обыграл. А мальчики из зависти стали его дразнить:

— Ырызы, Ырызы, Неккер-Ырызы, Несчастливца!..

Неккеру стало обидно. Горько плача, он к отцу прибежал и говорит:

— Из-за вас, мой дорогой отец, меня так травят. Разве другого имени не могли мне дать? Я больше терпеть его не могу, носить не стану...

С этими словами мальчик горько зарыдал, на землю упал, никакие уговоры его утешить не могли.

На заре следующего дня мальчик раньше всех с постели

поднялся и тайно ушёл из дому. Из улуса родного, куда глаза глядят, Неккер пустился.

Так он шёл несколько дней, много ли мало ли прошёл, куда идёт — сам не знает того. Встретится добрый человек — мальчик у него еды попросит, неприветливых, сердитых людей Неккер стороною обходит...

Так он шёл и шёл. Вдруг голос нежный за собой слышит. Оглянулся и видит: девочка, по летам ему ровесница, его окликая, бежит, догоняет. Неккер остановился, девочку подождал.

— Куда ты, мальчик, один идёшь, не заблудился ли? — девочка его спрашивает, за обе руки его взяла, в глаза ему заглянула. — Зачем отцовский улус покинул?

— Плохое имя мне носить надоело, — ответил Неккер. — Как мне в отцовском улусе жить, если меня и старый и малый этим именем дразнят. Лучше уйти мне, куда глаза поведут...

— Ээе, глупый ты мальчик! — девочка говорит. — Сам ты счастливым будешь, имени своего нечего стыдиться. Надо тебе в родной улус вернуться, хочешь, и я с тобой пойду? У меня никого родных нет, кроме старой бабушки...

— Нет, домой я не вернусь, меня там совсем засмеют, а отец ещё и побьёт за побег...

— Тогда пойдём к нам жить, друзьями с тобой будем, друг другу помогать будем, вместе будем счастье добывать...

Сколько Неккер не отказывался, девочка на своём настаивала, руки его из своих рук не выпуская, за собой повела. Вечером они до земляной избушки добрались, из трубы землянки чёрный дым поднимается. Девочка первой в землянку вбежала, Неккер за нею несмело вошёл. Видит — у очага чёрная, как пенёк, старушка сидит, что-то в котелке помешивает и бормочет. Как увидела Неккера, разогнулась и сказала:

— Здравствуй, здравствуй, мой зятёк Ырызы Неккер, давно тебя мы ждали...

Удивился Неккер, откуда старухе его имя известно и почему она его своим зятем называет, страшновато ему стало.

— Вот, бабушка, теперь у нас в доме, хоть маленький, да мужчина будет, — девочка говорит. — Теперь мне есть с кем играть, есть кому нам еды и дров припасти...

А старуха больше ни слова не говорит, в котелке помешивает, что-то бормочет себе под нос...

Когда старуха с девочкой спать легли и уснули, Неккер тихонько из землянки выбрался и что есть духу прочь побегал. К восходу солнца он уже далеко от этого места был, целый день без передышки шёл, куда его глаза вели. Под вечер вой ветра за спиной услышал, всё сильнее ветер, всё громче его гуденье. В гудении ветра Неккеру голос вчерашней девочки послышался. Неккер с дороги свернул, на вершину густолистственного дерева быстро взобрался, чтоб спрятаться — снова встречаться с девчонкой ему не хотелось. А ветер на дерево налетел, Неккера, как пёрышко, с вершины сорвал, но бережно на землю его опустил. Смотрит Неккер, а перед ним вчерашняя девочка стоит и говорит ему:

— Ой, Ырызы Неккер, зря ты от меня убегаешь, всё равно я тебя догоню, везде разыщу, бабушка моя мне поможет. Больно ты мне поглянулся, хочу я счастливым тебя сделать...

— Никогда я счастливым не стану, — Неккер говорит, — видно, теперь мне и домой не вернуться, раз вы с бабушкой-колдуньей на моём пути встретились...

— Если ты меня слушаться будешь, счастливым домой вернёшься, все тебе завидовать будут, никто твоего несчастливому имени даже не вспомнит, — так девочка Неккера уговаривала.

Как Неккер ни сопротивлялся, девочка его за руку взяла и за собой повела. Ночь их в пути застала. Девочка привела Неккера в пещеру, а в ней у костра та же старуха сидит, в котле какое-то варево помешивает и под нос себе что-то бормочет. И опять старуха Неккеру сказала:

— Здравствуй, здравствуй, мой зятёк Ырызы...

Когда утром Неккер проснулся, старухи в пещере уже не было.

Девочка Неккеру пару чирков¹ сыромятных подаёт и говорит:

— Твоя обувь совсем износилась, возьми новые чирки надень, большой путь тебе предстоит...

Когда Неккер переобулся, девочка ему плётку, из трёх таловых прутиков сплетённую, подала и сказала:

¹ Чирки — мягкая обувь, обычно шьётся из сыромятной кожи.

— Когда от правильного пути, который я тебе укажу, вздумаешь отклониться, эта плётка тебя подстегнёт, не собьёшься с дороги...

— Куда же ты меня отправляешь? — Неккер спрашивает.

— За счастьем своим пойдёшь, — девочка отвечает. — В нескольких днях пути отсюда, у слияния девяти рек полуостров есть. На полуострове широкий и чистый луг есть. На дальнем краю луга медный шатёр стоит. Войди в этот высокий шатёр, по девяти ступеням в девятую комнату подымись. Из неё по сорока ступеням на дно озера спустишься и там золотой шатёр увидишь. В этом шатре посредине золотой стол стоит, за которым сам бог обедает. Когда к столу золотому присядешь, шапку сними и поздоровайся. После этого на столе разные кушанья появятся — ешь их, не переставая. Во время обеда к столу все черви и рыбы озера соберутся, будут вместе с тобою угощаться, ты на них не гляди, продолжай еду. Последней к столу чёрная жаба явится, не гляди и на неё, покуда она не насытится. А когда она к дверям прыгнет, собираясь уйти, ты её шапкой своей накрой. Что дальше будет, сам увидишь...

— Однако на гибель ты меня посылаешь! — испугался Неккер. — Уж лучше мне в свой улус вернуться, чем на такие дела идти...

— Домой ты со счастьем своим вернёшься, — девочка говорит. — А счастье это сам добыть должен. Не упрямясь и не бойся, Неккер, если хочешь от своего несчастливого имени освободиться...

Встал на ноги Неккер, и, словно крылья у него за спиной выросли, тело лёгким вдруг стало. Из пещеры он вышел, а ноги его сами тотчас вперёд понесли.

— Видишь, какие чирки тебе бабушка моя подарила, — девочка говорит. — Быстро тебя донесут куда надо. Когда сделаешь всё, что я тебе наказала, прямо домой к себе отправляйся, там с тобой встретимся...

Неккер в путь отправился. Ноги его втрое быстрее, чем прежде, несут, чирки им такую скорость дают. Ни твёрдокопытный марал, ни быстролётная птица за ним не могут угнаться. Когда же вздумал Неккер в сторону дома свернуть, таловая плётка его тотчас по спине больно хлестнула, когда

усталость и сон его одолевать стали, он плёткой таловой себя легонько подстегнул, чирки пуше прежнего помчались...

Много ли мало ли он пробежал, впереди синее озеро показалось, в которое девять рек, как в чашу, вливаются, зелёный полуостров вдаётся. Неккер на полуостров прибежал, медный шатёр нашёл, по сорокаступенчатой лестнице на дно озера спустился, в золотой шатёр вошёл. Посредине его круглый золотой стол стоит. Неккер за стол сел, шапку снял, поздоровался, и тотчас на столе кушанья разные появились. Неккер за еду принялся. Невиданные рыбы и черви, длинные, как змеи, вокруг появились, все к столу тянутся. Неккер, не глядя на них, за обе щеки яства уплетает. Спустя немного, большая чёрная жаба появилась, на золотой стол прыгнула, за еду принялась. Неккер и виду не подал, что её видит. Чёрная жаба, насытившись, на пол спрыгнула, к дверям направилась, а золотой стол за нею двинулся. Неккер шапкой своей жабу накрыл, а шапку из рук не выпускает. Жаба, как хороший конь, помчалась, со дна озера Неккера мигом на поверхность вынесла.

Глядит Неккер — и золотой стол тут же, под солнечными лучами сверкает. Тут чёрная жаба человеческий облик приняла — бабушкой девочки, что Неккера сюда послала, оказалась.

— Эзе, эзе, мой зятёк, Несчастливец Неккер, теперь ты самый счастливый человек на свете; у самого водяного бога — Эзи-Суг ты золотой стол увёз, стал хозяином его. Теперь домой отправляйся, там тебя с радостью встретят. Только внучку мою не обижай, от дружбы её не отказывайся, во всём её слушайся.

Так сказав, старуха исчезла, будто сквозь землю провалилась или в озере растаяла.

Неккер, стол золотой на спину взвалив и ног под собой не чуя, домой помчался. Чирки его, почти земли не касаясь, прямо по воздуху летят. Неподалёку от родного улуса Неккер гудение ветра у себя за спиной услышал, догадался, что это его девочка догоняет.

За высокое дерево ухватившись, Неккер, остановился, а рядом уже и девочка лесная стоит, смеётся:

— Ну, вот, мой хороший Неккер, теперь тебе и домой не стыдно будет вернуться, к золотому столу всех своих род-

ственников созовёшь, всех своих ровесников пригласишь, как следует угостишь, никто тебя Несчастливцем не назовёт...

— Спасибо тебе, хорошая девочка,— Неккер говорит,— хоть имя мне своё скажи, чем отблагодарить тебя я могу, мне скажи...

— Имени у меня нет, если хочешь, Дружкой меня зови. Благодарить меня незачем, а если тебе помощь какая нужна будет, на ту дорогу, где мы с тобой в первый раз встретились, выйди, меня покличь, всегда рядом с тобою буду. Когда ты вырастешь, взрослым станешь, тогда мы с тобой снова встретимся, если меня не забудешь...

Сказав это, лесная девочка вдруг исчезла, лёгкий ветерок лишь в листве деревьев прошелестел...

Когда Неккер в отцовский улус вернулся, все родные и ровесники его как дорогого гостя встретили, за золотым столом всем места и яств хватило.

И никто в улусе с тех пор Неккера Несчастливцем не называл...

Отчего у глухаря глаза покраснели

Давно-давно это было. Однажды осенью, когда листья с деревьев облетели, трава от инея завяла, все птицы тайги на собрание слетелись, чтобы обсудить и назначить один для всех срок, когда надо улетать в тёплые края, на чужие земли. Все пернатые на собрание явились, на всех птичьих голосах и языках между собою переговорили, договорились. Только глухаря не было. Он в густой тайге свои песни пел, ничего не слышал.

В назначенный день, лишь светать начало, все птицы поднялись, опять на то же место, где собрание было, слетелись, переключку по стаям устроили, и все вместе, полнеба крыльями своими закрыв, в тёплые страны отправились.

А глухарь опять ничего не слышал и не видел, всё свои песни распевал.

В тайгу зима пришла, снегом землю припорошила. Тут

огляделся глухарь, облетел всю тайгу, понял, что один-одинёшенек в морозной тайге остался. Сильно опечалился он, горько заплакал. Слёзы из глаз ручьями текли, брызги их на лету замерзали. Тут и покраснели глаза у глухаря, с тех пор он один и зимует в тайге...

Как созвездие Кан-Ергек появилось

В прежние, давние времена на земле богатырь жил, звали его Кан-Ергек, ездящий на бело-сивом коне. Однажды Кан-Ергек на своём бело-сивом скакуне, с девятью своими охотничьими собаками, за могучим ветвисторогим лосем погнался. В погоне три раза всю землю обскакал, настигать лося стал, из лука прицеливаться в него начал, собаки в задние ноги лося уже вцепиться норовили. И тут лось могучим прыжком в небо взвился. Кан-Ергек на своём коне, с тремя собаками, во след лося в небо прыгнул.

На небе продолжалась погоня. Лось как на крыльях мчался. Бело-сивый конь под богатырём запалился, от лося отставать стал. Кан-Ергек с коня спрыгнул, тот повалился с ног и в звезду неподвижную превратился. Богатырь, рассердившись, из лука стрелу в лося пустил, на бегу его поразил, и лось звездою на небосклоне замер. Сам Кан-Ергек и три его гончих пса, стрела, пронзившая лося, тоже звездами на небе засняли. Так и появилось созвездие, которое зовут на земле Кан-Ергеком (Орион).

*В поздний час, когда кругом всё спит,
Ветка ни одна не заскрипит, —
Вслушайся: услышишь, может, в небе
Лай собак и частый звон копыт?*

Темир-Тау — Железная гора

Было это давным-давно, когда тайга и горное эхо, золоторогий олень и пушистый соболь не слышали ещё выстрелов из ружья, не знали лязга железных капканов...

Стрелы и лук, деревянный сидок — шергей — вот и всё, с чем охотник шёл на зверя и птицу.

В тайге, на берегу быстроструйного Мрас-Су, жили трое братьев охотников — шор-анчи. Добыча двух братьев была богатой — белка и соболь будто сами набегали на охотников. А третьему брату удачи не было. Он возвращался в свой шалаш с пустой суминой. Питался лишь кореньями кандыка и стеблями ревеня.

«Видно, хозяин тайги на меня прогневался», — думал охотник и остатками пищи угощал своего деревянного божка Шалыга — злого духа тайги. Недаром когда-то добрый Ульгень загнал Шалыга под землю вместе с его женой и камнем тяжёлым завалил выход из подземного мира. Но под землёю Шалыг породил сына-богатыря, и сын отвалил камень. Вновь на земле появился Шалыг, с тех пор он ещё злей стал.

Сын Сарыг-хана
с палкой из жёлтой акации,
с жёлтою бородой,
с выпуклыми жёлтыми глазами,
почтенный хан Шалыг,
за что на меня гневаешься,
почему удачи меня лишил?..

*Видишь, там созвездие зажглось,
Высоко на небе поднялось?
А теперь садись, послушай сказку,
Как бежал по звёздам старый лось...*

Так уговаривал шор-анчи злого божка. Остатками чая он брызгал на костёр, чтобы и Мать-огонь на него не гневалась. Но и после молений не приходила удача к охотнику. Совсем опечалился шор-анчи. Однажды ночью, большой костёр разведя, он сидел и, тоскуя, играл на комысе, печально пел:

Из кедра сделанный мой комыс разохся,
скоро совсем развалится.
Голос мой тихий скоро умолкнет.
В землю лицом упаду я...

В полночь по тайге ветер пронёсся. Возле костра шор-анчи незнакомый человек вдруг появился — с зелёными волосами, с зелёными глазами и в каменных сапогах. Незнакомый пришелец у огня присел и сказал:

— Пой свои песни, я посижу, послушаю.

Охотнику стало страшно, но он потихоньку запел.

— Птицу и зверя ты не можешь добыть, оттого и печальешься,— сказал незнакомец.— Пойдём со мной — богатым будешь...

Охотник пошёл за ним. Они поднялись на вершину одной горы, перед ними каменные двери открылись. «Видно, это Хозяин гор»,— охотник подумал, совсем испугался.

Хозяин гор его внутрь горы повёл. Пришли они в подземный дворец. На одной половине его много висело шкур соболиных, лисьих и горностаевых, на другой половине грудами лежали блестящие камни. А посредине стоял большой котёл, наполненный хмельной водой. Хозяин гор, угостив охотника жгучей водой, взял большой мешок, насыпал в него блестящих, красных, как кровь, камней и сказал:

— Этот подарок мой даст тебе силу и славу.

Охотник же глядел на звериные шкуры и думал про себя: «Если бы дал он хоть немного этих мехов, я сразу разбогател бы. Зачем мне камни? Разве камни дают богатство?»

Хозяин гор дал в руки охотнику второй мешок и велел его наполнить мехами. Шор-анчи набил мешок соболиными шкурками,— на стенах дворца их не убавилось.

— Унесёшь ли оба мешка? — Хозяин гор спросил.

— Разве я не мужчина, чтобы не унести,— унесу! — ответил охотник.

— Смотри, мешок с камнями не бросай, камни тебе великую силу дадут, — сказал Хозяин гор и вывел охотника из подземного дворца.

«Мне бы меха до своего стойбища донести, зачем я эти тяжелые камни буду тащить на себе, разве их мало в горах, всегда смогу набрать сколько угодно!» — подумал охотник и по дороге бросил мешок с камнями.

На свою землю придя, охотник пушнину распродал, сразу богатым стал, сам торговать начал разными товарами. О мешке с камнями даже не вспомнил, никому о нём не сказал. Сам на охоту ходить отвык — ему приносили свою добычу бедные шор-анчи в уплату долгов. Из охотника он превратился в купца.

Хозяин гор, найдя в тайге мешок с подаренными им камнями, сильно разгневался на охотника, мешок в горы унёс и снова глубоко под землю упрятал. По дороге он обронил один камешек.

Однажды один молодой шор-анчи, блуждая по тайге, на этот камешек наткнулся, подобрал его. «Такого тяжелого и красного, как бычья кровь, камня мне ещё не доводилось видеть и подымать», — подумал шор-анчи и принёс его в своё стойбище.

Увидев этот камешек, люди тоже удивились. Решили испытать его огнём.

Молодой охотник бросил камень в жаркий очаг, и скоро из раскалённого добела камня потекла огненная жидкость. А застыв на земле, она стала гибкой и твердой и больше не плавилась.

Тогда люди и поняли, что это был камень, рождающий железо, из которого всё можно сделать: и топор, чтоб дерево рубить, и котёл, чтобы в нём пищу варить, и наконецник для стрелы, чтоб зверя и птицу добывать, и много других полезных вещей.

Люди отправились к горе, возле которой охотник подобрал чудесный камень, стали долбить и рыть эту гору, ища железо. Хозяин гор, заслышав это, рассердился, ещё глубже свои богатства запрятал, сплошным камнем завалил, перед которым бессильны были людские руки. Но люди продолжали упорно долбить гору, рыть ходы в глубь её недр. Хозяин гор на людей сильные ветры напустил, чтобы с гор их

смахнуть, обвалы каменные с вершин на них не раз обруши-
вал,— ничем не мог заставить людей отступить, бросить по-
иски. Они всё-таки добрались до подземной кладовой, таив-
шей камень, рождающий железо.

И гору эту называли Темир-тау — Железной горой.

Хозяин гор, силу и упорство людей увидев, своё бессилие
перед ними понял; зверей и птиц своих собрал и в глубь тайги
от Темир-тау увёл. А может, и совсем куда-то запрятался, по-
тому что люди перестали в него верить и не боятся его.

А у подножья Темир-тау теперь гремит и сверкает огнен-
ный город, из которого течёт огненная река железа.

Анчи Абышка и Кара-Молат

Давно-давно жил в густой тайге старый охотник по име-
ни Абышка, жильём ему был шалаш из молодых деревьев. Со
старой женой своей жил анчи Абышка бездетно и одиноко.
Весь век свой прожив в тайге, они ни разу людей не видели, не
знали, что, кроме них, ещё на свете много людей живёт.

Анчи Абышка у подножья Чёрной горы охотился: сорок
шергеев имел на зверей, сорок силков ставил на птиц, а в Бе-
лом озере тридцатью мордами рыбу ловил. Так они со стару-
хой и жили.

Однажды анчи Абышка свои силки посмотреть пошёл и
видит — все силки уничтожены. Анчи Абышка перепугался:
«Весь век свой охотился в этой тайге, ни разу такой беды не
случалось», — подумал старик. Силки кое-как поправив, анчи
Абышка к Белому озеру отправился, на морды взглянуть.
К берегу подошёл и видит — все морды его кем-то из воды вы-
брошены, переломаны.

— Экое диво! — совсем старый анчи встревожился.

Снасть разрушенную починил, опять в воду поставил.

Домой без добычи вернулся, старухе своей говорит:

— Великое диво я видел, большая беда к нам нагрянула.

Весь век я в тайге прожил, такого несчастья со мной не слу-
чалось. Или какой-то дикий зверь появился, чтоб нас с тобой

сожрать, или смерть наша приближается, и нас поторапливает век доживать. Все мои снасти кто-то разрушил...

Старушка горько заплакала: видно, не будет больше житья в тайге, видно, придётся от голода умереть. Вместе старики загоревали. Три дня прошло, снова анчи Абышка пошёл силки осматривать. Опять все силки испорчены. К Белому озеру пошёл — все морды кто-то опять переломал и на берег выбросил.

Стоя на берегу, бедный анчи заплакал, слёзы на грудь ему падают.

«Что я теперь старухе скажу? — старик думает. — Пищи у нас нет, добывать зверей и птиц теперь нечем. Большое горе на голову мне свалилось...»

Вышел старик на яр, сел и думать стал о своей судьбе.

Вдруг под яром он голос тихий услышал. Насторожился анчи, ушам своим не поверил: если голос принадлежит человеку, откуда здесь человеку взяться? Если зверь какой-нибудь близко — звериных таких голосов анчи никогда не слышал...

Абышка, ружьё наготове держа, стал с яра спускаться к воде. И тут он большую нору увидел, на зев печи похожую. Из норы прежний голос слышится. Старик к норе тихонько подполз, в нору заглянул — ничего не видно. Незнакомый голос тотчас умолк. Анчи в сторону отполз, стал за норой наблюдать. Снова рёв из норы послышался.

«Наверное, этот мошенник мои силки попортил? Сейчас я с тобой разделаюсь», — анчи Абышка подумал. В нору ружьё нацелив, приблизился, громко крикнул:

— Эй, человек ты или зверь, выходи, не то стрелять буду!..

Снова в норе стало тихо.

— Выходи, ещё раз говорю, сейчас стрелять буду! — опять анчи закричал.

Тут из норы показалось что-то чёрное, мохнатое — медвежонок выполз и вдруг по-человечьи заговорил:

— Погоди, погоди, анчи, не стреляй, — медвежонок сказал. — Зачем ты в меня нацелился? Лучше с собой уведи, может, тебе пригожусь когда-нибудь...

Старик удивлённый ружьё опустил.

— Раз ты со мной хочешь идти, впереди иди, я дорогу буду указывать, — анчи Абышка сказал.

Когда старик с медвежонок в шалаш вошли, старуха испугалась, закричала и в тёмный угол запряталась.

— Не бойся, старуха,— Абышка сказал.— Хотел я его застрелить, а он в сыновья к нам напрашивается, помогать нам в работе хочет. Нам, старым, подмогой будет...

Медвежонок сразу повеселел, ласково говорит:

— Не бойтесь, мама, меня, хоть я и медвежьёю шкуру имею, но от человека родился. Отец мой проклял меня, и я в медвежонок превратился, среди зверей обречён был жить. А мне с людьми веселее. Вы бездетные, лишним в семье не буду, что прикажете, всё буду делать...

Согласились старик со старухой его в сыновья взять.

— Живи с нами, дитё,— анчи Абышка сказал.

Вечер настал, медвежонок, как щенок, у порога заснул.

Утром чуть свет медвежонок поднялся, что-то сам с собой залепетал, потом старику говорит:

— Ну, отец, пойдн взгляни вокруг шалаша, чёрный туесок там найдёшь, сюда его принеси.

Анчи Абышка из шалаша вышел, кругом его обошёл и чёрный туесок нашёл. Никогда здесь этого туеска не было. Старик в шалаш туесок принёс. Медвежонок ему говорит:

— Теперь три раза по туеску постучи, крышку сними и скажи: «Сколько кушаний есть в тебе, всё выкладывай».

Так старик и сделал. Посреди шалаша вдруг белая скатерть раскинулась, на скатерти множество кушаний появилось, да всё такие, каких анчи никогда и не пробовал. Только молока куриного нет, а вина и кушаний сколько хочешь.

— Эзе, эзе, мои отец и мать, что вы на лицу глядите, за еду не принимаетесь? — медвежонок старикам говорит.— Теперь, мой отец, на охоту тебе ходить не придётся, снасти в Белое озеро закидывать незачем. Ешьте сколько угодно, еды не убавится, на всю жизнь хватит...

Сели старик со старухой по одну сторону скатерти, сын их приёмный — против них. Пир богатый в шалаше начался.

Сколько ни ели все трое — кушаний не убавилось.

Старик со старухой совсем запьянели.

— Пусть твой век долгим будет, приёмный наш сын,— медвежонок они говорят.— Богатой пищей ты нас угостил. Хоть и звериную шкуру имеешь ты, а ум, видно, у тебя человеческий. Сердце, видать, у тебя доброе...

До ночи старик со старухой радовались, веселились, так и не кончив еды, не подымаясь с места, уснули. Утром, проснувшись, опять за еду принялись, снова до вечера пиروвали.

На третий день пробудились утром, видят — кушаний как не бывало, чёрный туесок кружком плотно закрыт. Старики встревожились.

— Ээе, ээе, мой отец и моя мать,— медвежонок их успокаивает,— когда захотите есть — снова туесок откроется. Я среди зверей и птиц вырос, с друзьями надо мне повидаваться. После еды туесок закрывайте, без меня никому туесок не показывайте, никого едой из него не кормите. Три дня меня дома не будет, по земле родного отца моего похожу.

Старик со старухой медвежонок проводили, вдруг у них на глазах он исчез, сказать, что убежал — звука шагов старики не слышали, сказать, что улетел — хлопанья крыльев не слышали. Как в землю провалился.

Вдосталь насытившись, старики из шалаша вышли и видят — красавец конь вороной к шалашу спешит. На коне человек незнакомый сидит, такой же сморщенный и седой, как сами анчи и старуха. Едет старик с закрытыми глазами, еле в седле сидит, качается, руками за гриву коня держится. В богатые одежды старик одет. Лицо у старика суровое. Конь, словно боясь уронить его, не бежит, а плывёт: спина коня не шелохнётся. К шалашу всадник подъехал, остановился, глаза открыл и сказал:

— Ну, теперь, может, и живым останусь, а то совсем умирать собрался.— Вздохнул тяжело старик и с просьбой к анчи Абышке обратился: — Дай приют мне в твоём шалаше, накорми скорей, от голода я умираю...

Сняв старика с коня, анчи Абышка со старухой его в шалаш ввели, постель ему приготовили и на неё старика положили. Незнакомец тотчас уснул, немного поспал и, проснувшись, еды попросил.

— Век свой охотой кормился я,— анчи Абышка ему говорит,— теперь удача мне изменяет, нечем, путник, тебя покормить.

Со слезами пришелец пищу выпрашивать стал. Абышку стоны старого человека разжалобили, у старухи глазами совета он спрашивает. Сердце старухи не выдержало. Из тёмного уголка анчи волшебный туесок вытащил, прячась от

старика, открыл. Из туеска разной пищи вынул и подал плачущему старику. Полдня ел старик — встал насытился, сразу помолодел и повеселел. У анчи Абышки спрашивает:

— Кто ты такой, хозяин, что столько пищи имеешь?

— Бедный анчи Абышка, в чёрной тайге живущий, — анчи отвечает.

— Слышал я о тебе, Абышка, — старик говорит. — А я Чашкан, хозяин этой тайги. Поохотиться думал, да вот заблудился, шесть дней плутал, чуть от голода не погиб...

Так говоря о себе, Чашкан от анчи не отстаёт: откуда берёт Абышка столько кушаний сладких, кто их ему готовит?

Абышка гостю не отвечает, отмалчивается. А Чашкан всё настойчивее расспрашивает, сердиться начинает.

Не выдержал анчи, волшебный туесок гостю показал:

— Только руками к нему не притрагивайся. Мой сын, туесок мне давший, строго запретил туесок показывать, в чужие руки давать не велел.

— Зачем тебе бедному, старому такой туесок?.. — Чашкан говорит. — Отдай мне его, Абышка.

— Сын не велел никому отдавать, хоть ты и хан этой тайги, отдать туесок тебе не могу, — старый анчи отвечает.

Тут Чашкан совсем рассердился, с постели вскочил, затопал, заругался:

— Лучше добром отдай, не то силой возьму, тебя и старуху жизни лишу...

Анчи Абышка туесок из рук не выпустил. Чашкан на него набросился, туесок вырвал, из шалаша вон побежал. Анчи со старухой, за полы его держась, за ним потащились. Хан, стариков оттолкнув, на коня вскочил и мигом в тайге исчез.

Старый анчи и его жена слезами горькими залились, с земли не подымаясь, весь день горевали.

Сын-медвежонок из тайги возвратился, спрашивает:

— О чём вы слёзы льёте, отец мой и мать моя?..

— Богатому человеку мы доверились, твой туесок ему показали, а он его отобрал у нас...

— У богатого полон живот, да глаза не сыты, всегда так бывает, — сын-медвежонок сказал. — С богатым поделились — вот и наказаны. Плакать и убиваться бросьте, — Чашкан от меня далеко не уйдёт...

Начал тут сын-медвежонок что-то по-своему бормотать,

глаз с тайги не сводя. И вот Чашкан из тайги показался, к шалашу покорно подъехал. Голову хан повесил, глаз от земли не в силах поднять, тихим голосом просит:

— По вашим дорогам ходить не буду, в пути вам никогда не встречусь — только жизни не лишайте.

Анчи Абышка туесок от седла отвязывает и говорит:

— Про сына я тебе ничего не сказал, думал: сам о моём могучем сыне узнаешь.

— Откуда сюда приехал — туда возвращайся! — сын-медвежонок Чашкану сказал. — Бедных охотников не обижай, у голодных куска не отнимай, не то худо тебе будет.

Чашкан свои сорок зубов сомкнул, слова не вымолвил, коня повернув, прочь поскакал.

Анчи со старухой обрадовались, приёмьша благодарят. Спокойно и счастливо зажили. Анчи на охоту не ходит, старухе у очага нечего делать, — хорошая пища всегда под руками, стоит лишь туесок волшебный открыть.

Сын-медвежонок растёт, всё сильнее становится. Однажды он старикам говорит:

— Жить мне так скучно, жениться надумал я.

— Пий-пай,¹ наш сын, если жениться тебе время пришло — зачем дело стало? Нам, старикам, веселее жить со снохою будет. Невесту сам себе выбирай, твой молодой ум наших старых умов лучше. — Так старик со старухой ответили.

Сын-медвежонок им говорит:

— Вдали от нас, на устье Чёрной реки, Кара-каан живёт. У Кара-каана есть дочь по имени Кара-Торгу. Хочу к ней посвататься.

— Пусть по-твоёму, сын, будет. Да только пойдёт ли дочь хана за тебя, сына анчи-бедняка?

Утром анчи Абышка и сын-приёмьш, волшебный туесок взяв, в путь отправились. Много ли, мало ли шли, до устья Чёрной реки добрались, на берегу белый дворец с золотыми воротами увидели. У золотых ворот их страж останавливает:

— Куда и зачем идёте?

— Если Кара-каан дома, хочу с ним повидаться, — анчи Абышка отвечает.

¹ Пий — уважаемый, почтенный. Пий-пай — ласкательное обращение.

Страж золотые ворота перед ними распахивает, дорогу указывает. Анчи с медвежонком во дворец вошли. Кара-каан за столом золотым сидит, сердито спрашивает:

— Что тебе надо, анчи Абышка?

— До меня слух о твоей дочери Кара-Торгу долетел, пришёл я её посватать за сына единственного моего.

Не дав Кара-каану слова вымолвить, анчи Абышка пятьсот слов уже выпустил. Рассердившийся было Кара-каан рта раскрыть не успел, как старый анчи по волшебному туеску постучал, говоря:

— Ну-ка, чёрный мой туесок, выкладывай кушанья такие, каких и ханы не видывали, не отведывали...

Открыл анчи туесок — на столе перед Кара-кааном такие яства вдруг появились, что хан на них, как на чудо, глядит. Только куриного молока нет среди этой снеди.

Ничему не удивлявшийся, Кара-каан от удивления рот раскрыл, никого не боявшийся, на этот раз испугался: откуда у такого бедного анчи такие богатства, не злые ли духи с анчи Абышкой явились? А яства, расставленные на столе, у Кара-каана обильную слюну вызвали. Не утерпел Кара-каан, за кушанья принялся. От сладкой еды он расслабел, от крепкого вина захмелел. Никогда не соглашавшийся, Кара-каан дал согласие дочь замуж за медвежонка выдать. Три дня Кара-каан с гостями угощался, три дня пировал.

Когда жених с невестой наедине остались, медвежонок у Кара-Торгу спрашивает:

— Расскажи мне, Кара-Торгу, что ты на свете знаешь?

— Что мне, девице, знать, — Кара-Торгу отвечает, — за меня мой отец Кара-каан всё знает...

— Что ты делать умеешь, Кара-Торгу? — медвежонок спрашивает.

— Зачем мне что-нибудь делать уметь, — Кара-Торгу надменно отвечает, — у моего отца слуг достаточно, которые всё для меня делали, отец мой Кара-каан богат, всё, что мне надо, для меня добудет...

— Если ты сама ничего не знаешь, если делать ничего не умеешь, во всём на отца своего надеешься, с ним и оставайся, мне такой подруги не надо, — сказал медвежонок.

Кара-каан, об отказе жениха узнав, сильно разгневался, анчи Абышку и медвежонка велел прогнать.

— Ничего, мой старый отец, неудачей не огорчайся,— медвежонок старику сказал, когда они домой возвращались.— Не богатая и знатная мне жена нужна, умную и трудолюбивую подругу хочу иметь...

— Дело твоё, сынок, тебе с женою век жить, сам невесту себе выбирай,— аичи Абышка ему ответил.

Однажды медвежонок старикам говорит:

— Вдали отсюда есть Жёлтое озеро. На берегу этого озера Сарыг-каан живёт, у него дочь, по имени Сарыг-Торгу есть. Хочу к ней посвататься. Теперь я один пойду...

— Не нам тебя учить, ты лучше нас знаешь, что делать надо,— так старики ответили.

Волшебный туесок с собой взяв, медвежонок в путь отправился.

Скупой и жадный Сарыг-каан сердито медвежонка встретил, хотел своих собак на него натравить, сам за семью дверями спрятавшись, медвежонка поносил. Однако человеческий голос его услышав, богатые яства, из волшебного туеска добытые, увидав, Сарыг-каан вмиг подобрел, двери открыл, медвежонка в жилище пригласил. Жадно на яства накинувшись, быстро половину их съел, половину про запас упрятал, только тогда дочь показал.

— Скажи мне, красавица Сарыг-Торгу, что ты на свете знаешь? — медвежонок к девице обратился.

— Зачем мне, девице, многое знать,— Сарыг-Торгу беспечно ответила,— выйду замуж — пусть муж за меня думает, что надо мне — знает...

— Что делать умеешь ты, Сарыг-Торгу? — медвежонок спрашивает.

— Всё, что мне надо было, для меня родители делали, выйду замуж — пусть муж делает,— ответила девица.

— Нет, подруги такой мне не надо, такая невеста мне не подходит,— сказал медвежонок и дом Сарыг-каана покинул, огорчённый к своим старикам вернулся.

Однажды медвежонок старикам говорит:

— Зачем вдалеке от родной земли невесту искать, к богатым и знатым в двери стучаться? Неподалёку от нас, на берегу Белого озера старый Ак-каан живёт, у него дочь Ак-Торгу есть. Пойдём, отец, попробуем к ней посвататься...

Волшебный туесок с собой прихватив, аичи Абышка с

медвежонок на берег Белого озера отправились, в дом к Ак-каану вошли. Старый Ак-каан приветливо гостей встретил, как равный с равными разговаривал. Ак-Торгу к гостям вышла, вежливо поклонилась. Медвежонок к ней обратился:

— Расскажи нам, красавица Ак-Торгу, что знаешь, что делать умеешь?

— Чего сама я ещё не знаю, добрые люди узнать помогут, чего ещё делать не научилась, хорошие люди тому научат,— скромно Ак-Торгу ответила.

Ответ её медвежонку понравился, Ак-Торгу ему сразу приглянулась. Старый Ак-каан упрямитесь не стал, отдать дочь замуж согласился. Тут анчи Абышка волшебный туюсок открыл, богатые угошенья появились. Три дня старики пировали, три дня Ак-Торгу с медвежонок по лесу гуляли.

Кто землю родную любит, тот по ней и скучает,— на четвёртый день анчи Абышка с Ак-кааном простился, домой собрался. Сын-медвежонок с невестой Ак-Торгу за ним пошли.

В честь свадьбы старики богатый той устроили, девять дней вчетвером угошались и веселились. На десятый день медвежонок сказал:

— Ээе, мои дорогие отец и мать, меня под своим кровом приютившие, моя славная жена Ак-Торгу, пора мне свой облик переменить. Теперь, когда я снова среди людей живу, хороших родителей и жену себе славную отыскал, вышел мне срок имя своё иметь, человеческий облик себе вернуть. Буду я имя носить — Кара-Молат¹.

С этими словами медвежонок в тайгу убежал и скоро стройным красавцем-богатырём вернулся.

Нельзя рассказать, как старый анчи Абышка со старухой обрадовались, на сына-красавца глядя, от счастья плакали. Молодая Ак-Торгу своим мужем-богатырём не налюбуется.

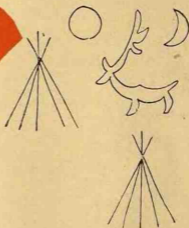
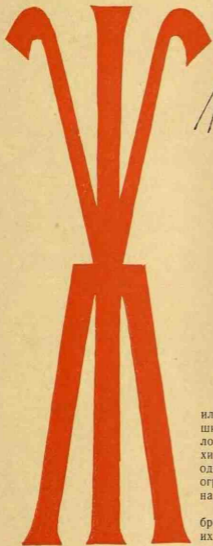
А Кара-Молат тотчас за работу принялся — высокий и белый дом строить начал. Девять дверей и девять окон в том доме светлом было. Одну половину дома Кара-Молат своему отцу анчи Абышке отдал, в другой половине с женой красавицей Ак-Торгу поселился. Зажили они счастливо.

Жаль, до наших дней не дожили, мы, на них глядя, порадовались бы!..

¹ Кара-Молат — Чёрная сталь.

**ДОЛГАНСКИЕ
СКАЗКИ**

Заря

или три брата. Жили в хороших тёплых чумах. У них было много оленей. Когда пастухи собирали всех оленей в одно стадо, оно было таким огромным, что не вмещалось на большой моховой лайде.

Вблизи чумов богатых братьев стоял худой чум их дяди. Дядя был человек

старый. Работать много не мог. Оленей у него не было, одежды хорошей сшить было не из чего. Старик жил бедно, только что не умирал с голоду. С ним жила его жена-старуха. У них был сын, которого они кормили и растили.

Однажды зимой старикам нечего стало есть. Они послали своего сына к богатым племянникам, чтобы он попросил у них мяса.

Мальчик ходил. Богатые братья вместо мяса дали ему оленью брюшину.

— Съедите брюшину, — сказали они мальчику, — дадим вам оленьих кишок. Кишки съедите — дадим легкие. Иди.

Старуха сварила оленью брюшину и накормила старика с сыном, остатки доела сама.

Прошла ночь. Утром старик вышел из своего чума и испугался. На стойбище не было ни хороших чумов, ни оленей. Богатые племянники ночью куда-то откочевали, а пастухи тихонько угнали за ними всех оленей. Старик в чум вернулся печальный.

— Ну, старуха, — сказал он, — будем умирать. Богатые племянники бросили нас одних. Нам их не догнать. Куда мы в такой мороз пойдём пешком? Будем ждать смерти.

Старухе стало жалко сына. Она заплакала. Заплакал старик.

Погоревали-погоревали, потом все трое залезли в спальный мешок, завернулись и голодными уснули. Старик проснулся первым. Он вылез из спального мешка и себе не верит. Откуда зимой в худом чуме такое тепло? Старик хотел выйти из чума, приподнял с двери покрывало и от страха уронил его. Он разбудил старуху и тихонько сказал ей:

— Наш чум обогнула большая многоногая гусеница. Она пришла к нам за данью. Что мы ей дадим? У нас ничего нет. Теперь она нас не выпустит из чума и всех съест.

Гусеница лежала, как мёртвая, но слышала всё, о чём шептались в жилище.

Старик взял рогатину, отдал сыну и откинул с двери покрывало. Гусеница открыла глаза. Старик стал ей говорить:

— Знаю, что ты пришла за данью, да нечего тебе дать. Есть у нас со старухой один маленький сын да рогатина. Хочешь, бери их.

Гусеница схватила ртом мальчика и улетела с ним на

небо. Старики остались одни. Они сидели в чуме и горевали о сыне.

Гусеница летела долго. Наконец прилетела на край неба, села и выпустила изо рта мальчика, который крепко держал в руках отцовскую рогатину. Мальчик увидел перед собой такие же леса, горы, болота, как на земле.

Мальчик стал жить с гусеницей-великаном. Гусеница поила его, кормила, а сама о чём-то всё думала, печалилась. Мальчик ничего не понимал, он только заметил: когда гусеница лежала на животе, то кругом была ночь; когда переворачивалась на бок, начинался рассвет, когда же показывала живот, то становилось светло, как днём. Живот у гусеницы был красный и блестел, как огонь.

Однажды к светлой гусенице прилетела другая, такая же огромная, но только вся чёрная. Она села, и всюду стало темно. Чёрная гусеница вцепилась в светлую и начала её душить. Стали они драться. Схватятся за дерево — дерево вырвут с корнями, уцепятся за сопочку — с землёй её сравняют, поймаются за камень — камень в песок раздавят.

Гусеницы дрались, а мальчик с рогатиной стоял и смотрел на них. Перед ним мелькали то свет, то мрак. Наконец чёрная начала одолевать огнебрюхую гусеницу. Мальчик спохватился.

— Что же я стою с рогатиной и не помогаю в бою своей светлой гусенице? Попробую. Всё равно погибать!..

Мальчик подбежал к чёрной гусенице и рогатиной прокол ей сердце. Сразу же сделалось светло, как днём.

Огнебрюхая гусеница схватила мальчика и полетела с ним обратно на землю. Прилетела к чуму, выпустила мальчика и говорит старикам:

— Берите своего сына. Он помог мне убить чёрную гусеницу, которая хотела съесть меня за то, что я свечу людям каждое утро. Она хотела сделать так, чтобы на земле была вечная ночь. Теперь этого не будет. Я вернусь на небо, лягу на край и стану медленно переворачиваться. Когда повернусь к вам спиной, у вас будет ночь; когда повернусь боком, вы увидите светлую зарю; когда открою живот — на земле будет день.

Огнебрюхая гусеница наделила мальчика оленями и улетела на небо.

Медведь и сохатый

Сохатый хвалился зверям:

— На земле нет сильнее и больше меня ни одного зверя. Был мамонт больше и сильнее меня, но его не стало. Теперь такой большой и сильный остался я один.

Все звери, кроме медведя, согласились с сохатым. Медведь сказал сохатому:

— Не рано ли ты стал хвастаться? А вот я тебя съем.

— Где тебе съест? — ответил сохатый. — У тебя короткие ноги. Зимой ты утонешь в глубоком снегу, а летом тебе меня не догнать. Ты плохо ходишь.

Медведь не стал спорить. Звери разошлись по своим местам.

Однажды медведю пришлось снова встретиться с сохатым. Он вспомнил его хвастовство и говорит:

— Ты хвалился своей силой. Давай испытаем её.

— Ладно, — сказал сохатый. — Я побегу, а ты меня догоняй.

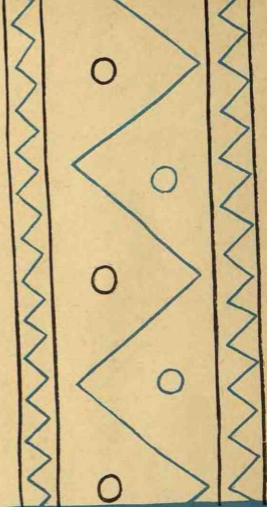
Сохатый побежал, медведь же тихонько шёл по его следу. Он вовремя заходил то с одного, то с другого бока и направлял сохатого туда, куда было надо.

Медведь выгнал сохатого из леса на голые горы и гнал его вдоль по хребту. Чем дальше бежал сохатый, тем уже становился горный хребет и круче были его склоны. Сохатый подбежал к обрыву и только тут понял опасность. Он повернулся и побежал назад, чтобы проскочить мимо коротконового медведя. Но медведя не обманешь. Он начал быстро бегать поперёк узкого хребта и загородил выход.

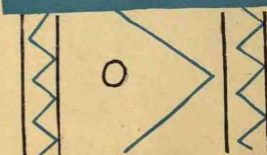
Сохатому некуда стало деваться. Он бросился с утёса и напоролся на вершину дерева, которое росло вниз.

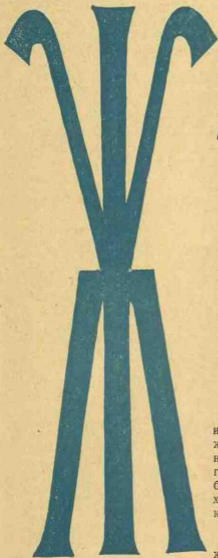
Медведь не торопясь спустился вниз, залез на дерево и стал есть сохатого. Ест и приговаривает:

— Напрасно хвастался ты своей силой и длинными ногами. Ты большой, и ноги у тебя длинные, да ум короткий.

**ХАКАСКИЕ
СКАЗКИ**

Правда

ил один бедный хакас, всю жизнь правду искал — найти не мог — умер. Осталось у него три сына. Старший сын был трудолюбивый, средний — храбрый, младший — сильный, как богатырь.

Мать сказала сыновьям:

— Ваш отец всю свою жизнь правду искал — найти

не успел. Правда есть на земле. Есть. Но где она — никто не знает. Сделайте, сыновья мои, то, что не успел сделать ваш отец: найдите правду и покажите бедным людям дорогу к ней.

Перед своей смертью она каждому сыну дала по платочку с маленькими узелками.

— Когда вам будет трудно, — сказала мать, — развяжите узелки, взмахните платочками, и ваши желания исполнятся.

Братья похоронили свою любимую мать, стали жить одни. Последнее мясо они съели, сухие корни лесной травы съели, кору берёзовую в ступке истолкли — с чаем выпили. Видят братья: надо самим пищу себе добывать.

Старший брат пошёл к богатому человеку.

— Что тебе нужно? — спросил богатый.

— Работу ищу, — ответил старший брат. — Я — Трудолюбивый...

— Ты дурень! — прикрикнул на него богатый человек. — Разве так разговаривают с почтенными людьми? Встань на колени. Шапку сдёрни.

Старший брат всё так сделал. А богатый человек ещё больше рассердился, длинной плетью взмахнул.

— Сгибайся ниже. Ползи по земле. Так, так. Теперь говори: «Работу ищу, милостливый человек. Пожалей меня, не дай от голоду умереть...» Так, так...

Богатый человек опустил свою плетль, руки на опояску положил, жирный подбородок высоко поднял.

— Работу ищешь? — переспросил он. — Найдётся у меня работа. Но сначала надо проверить, что ты умеешь делать. Вон иди к тому человеку, — указал на своего брата. — Он тебя на работу поставит.

Трудолюбивый стал работать. Ночью он десять табунов сторожил, днём за десятерых сено косил. То, что человек может в месяц сделать, он делал в один день. А сколько за работу получит, не знал. Однажды он спросил брата богатого человека. Тот ответил:

— Жди, когда хозяин сам скажет. Он твоей работой доволен.

Но Трудолюбивый осмелился спросить хозяина о плате. Богатый человек рассердился, схватил палку и поколотил Трудолюбивого.

— Вот тебе плата,—приговаривал он.— Вот тебе плата... Трудюбивый заболел от побоев: день лежит, два лежит, головы поднять не может.

Богатый человек подошёл к его постели.

— Ты почему, лентяй, лежишь? Ты работать не хочешь?..

— Заболел я, милостливый человек,—ответил Трудюбивый.

— Вставай! Живо! — прикрикнул на него богатый и носком сапога пнул в живот.

Трудюбивый встал, живот от боли руками обхватил.

«Пока жив, надо уходить отсюда»,— подумал он.

Средний брат Храбрым звался: ни волков, ни медведей не боялся. Решил он в тайгу на охоту отправиться. Но ружья у него не было, пороху и свинца не было, пистонов не было. Пошёл он всё это у купца просить.

Купец сказал:

— Всё тебе дам. Но половину добычи ты мне будешь даром отдавать.

Согласился средний брат, пошёл в тайгу. А тайга принадлежала старому шаману. Шаман за охотником ходил, у костра трубку свою курил, потихоньку в бубен бил, охотнику объяснял:

— Это я тебе зверей загоняю, глаза твои на медвежьих берлоги направляю...

Половину добычи Храброго шаман себе забрал.

Смотрел, смотрел Храбрый и не стал давать пушнины ни купцу, ни шаману.

Купец с шаманом охотника бить принялись, но силы у них не хватило, они солдат позвали.

— Охотник бунтовать задумал,—сказали они.

Храброму руки-ноги переломили, в глубокую яму его бросили.

Когда кости срослись, Храбрый из ямы выбрался, домой пошёл. Что дальше делать, он не знал.

Младший брат решил землю пахать, хлеб сеять. Суковатое дерево сломил — соху сделал. Вместо коня сам запрягся.

Хлеб у младшего брата вырос хороший, но богатые соседи табуны свои пригнали, весь хлеб потравили.

Осенью из волости приехал начальник, подать потребовал. Денег у младшего брата не было — начальник шубу забрал, шапку с него снял да ещё плетью пригрозил.

«Что теперь делать? Как дальше жить?» — младший брат думал, братьев своих поджидал, во все стороны поглядывал.

Вот сошлись все три брата. Видят: скота у них нет, юрт у них нет, шуб на плечах у них нет. Что им дальше делать?

— Надо правду искать, — сказал старший брат. — Есть правда на земле.

Вспомнили они про подарки матери и пошли правду искать.

— Наши желания исполнятся, — сказали они друг другу.

День шли, два дня шли, на третий день на развилке трех дорог остановились. Видят: идут к ним по трём дорогам поп, шаман и богатый человек.

Старший брат спросил:

— Скажите, добрые люди, где нам правду искать?

— На седьмом небе правда, — ответил поп, рукой вверх показал. — У господ бога...

— Нет, — возразил шаман, — правда у чёрта в руках. Под землёй ищите правду. Чаше ко мне приезжайте, лошадей в жертву приносите, я вам помогу правду добыть.

— Я знаю тебя, — сказал средний брат. — Мы сами правду найдём.

Младший брат спросил богатого человека:

— А ты что скажешь? Где правда?

— На том свете, — ответил богатый человек

Братья пошли по трём дорогам.

Раньше всех развязал узелок на своём платочке старший брат. Платком махнул — вихрь поднялся, от земли его оторвал, вверх так подбросил, что в глазах помутилось.

Очнулся старший брат на седьмом небе, видит: звёзды табунами ходят, луна между ними проплывает.

Пошёл старший брат господа бога искать. День идёт, месяц идёт, год идёт — никого на небе не видно. Бога нигде нет, помощников его нет — про правду спросить не у кого.

Обыскал старший брат все углы, с горя рукой махнул и назад на землю отправился.

Средний брат развязал свой узелок, платком взмахнул: земля задрожала, пыль до неба поднялась, дымом запахло. У Храброго голова закружилась, глаза крепко закрылись, ноги-руки ничего твёрдого нащупать не могли.

Очнулся он под землёй, пошёл юрту чёрта искать. День шёл, месяц шёл, год шёл — всё без толку. Чёрта нигде нет, помощников его не видно — про правду спросить не у кого.

Обыскал средний брат все углы под землёй, с горя рукой махнул и по маленькой тропинке стал подниматься на поверхность земли.

Младший брат последним развязал свой узелок, платком махнул — ничто не изменилось, только дороги исчезли, а впереди открылась пустыня.

Пошёл младший брат по серой пустыне, ящерку спросил, быстроногую козочку спросил, старого беркута спросил — никто про тот свет ничего сказать не мог. Никто там не был, никто ничего не слышал. Вдруг видит младший брат — чьи-то кости лежат.

Младший брат кости поднял, руками погладил, спросил:

— Где ваш хозяин? На тот свет ушёл?

— Нет,— ответили кости,— нашего хозяина полосатый тигр съел.

Нашёл младший брат кусочек змеиной шкуры, пыль с неё сдул, мягким голосом спросил:

— Где твоя хозяйка? На тот свет уползла?

— Нет,— ответил кусочек змеиной шкуры.— Мою хозяйку старый беркут склевал.

Нашёл маленькую частичку былинки, к глазам поднёс, спросил:

— Где твоя душа? На тот свет улетела?

— Нет,— ответила частичка былинки,— мою душу вместе с листьями и корнями съела быстроногая коза.

Младший брат день ходил, месяц ходил, год ходил,— всё без толку: тот свет найти не мог.

Рукой он махнул и назад к развилке трёх дорог направился.

Встретились братья у развилки трёх дорог, поговорили: никто из них правды не нашёл. Поп их обманул, шаман их обманул, богатый человек обманул. Узелки на платочках, подаренных матерью, они зря развязали. Сидят братья, думу думают. Что им теперь делать? Как дальше жить? Где ещё правду искать?

Видят — по дороге солдат с ружьём гонит усталого человека. На голове у того человека фуражка, из-под козырька добрые глаза остро на всё смотрят. Под землёй он видит, на небе всё видит, думы всех людей понимает. Поравнялся он с братьями, поклонился им:

— Здравствуйте, дорогие друзья!

Братья переглянулись,— никто с ними так не разговаривал. И солдат от удивления остановился, тому доброму человеку на землю присесть позволил.

Братья заговорили с ним:

— Один из нас зовётся Трудолюбивым, другой — Храбрым, третий — Сильным. А на земле нам жить нельзя. Где правда? Мы не можем найти.

— А правда с вами,— сказал добрый человек.

Братья переглянулись, плечами пожали.

Добрый человек им сказал:

— Видите, стоит старая лиственница. Вырвите её с корнем.

Старший брат подошёл к лиственнице, обнял её с одной стороны, с другой, с третьей, хотел покачнуть — ни одна хвоника на лиственнице не шелохнулась.

Лиственница была в несколько обхватов, за вершину её тучи задевали, нижние сучья её концами в землю упирались.

Средний брат подошёл, в лиственницу плечом упёрся. Дерево тихонько скрипнуло и опять на своё место встало.

Младший брат подпрыгнул, за вершину руками схватился — на дереве повис.

Добрый человек подозвал их к себе.

— Трудолюбие, храбрость, силу — всё соедините, — советовал он.

Братья обрадовались, втроём за лиственницу взялись. Дерево дрогнуло, покачнулось. У братьев силы прибавилось. Они лиственницу перекрутили, как тонкий прут, из земли с корнем вырвали, размахнулись — ветер по земле пошёл.

— Теперь знаете, где правда? — спросил добрый человек. — Вон стоит высокий голец, покрытый вечным снегом. Если народ возьмётся дружно, он может перенести эту гору за Енисей. Может передвинуть на запад, к Волге. Куда пожелает, туда и поставит.

Братья поблагодарили мудрого человека, подсели к нему.

— Этот солдат куда вас гонит? — спросил старший брат.

— В ссылку, — ответил мудрый человек. — Соседом нашим буду, друзья.

— А как вас звать? — спросил средний брат.

— Большевик, — ответил мудрый человек.

— Мы вас сейчас освободим, — сказал младший брат. —

Мы убьём солдата.

— Солдат не виноват, — ответил мудрый человек. — Виноваты те, кто вам советовал правду искать там, где её нет. Надо правду народу рассказать. В этом и вы мне можете.

Тут до них донеслись шаги. Братья взглянули на дорогу, видят: бегут жандармы, ружьями в воздухе потрясают, плетью солдату угрожают. Зачем, дескать, позволил он тому человеку с простыми людьми разговаривать. Они всю жизнь правду искали — найти не могли. Теперь для них правда открыта — богатым людям, что чужим трудом живут, попам да царю-батюшке с начальниками, всем конец придёт. В тюрьму солдата!

А мудрый человек сказал:

— Солдат не виноват. Я сам присел отдохнуть.

Пока жандармы разбирались, три брата исчезли. И солдат вместе с ними исчез.

Жандармы погнали мудрого человека в ссылку, а три брата и солдат пошли из долины в долину, из села в село, из города в город. Хакасам, русским, татарам — всем они рассказывали, как нашли правду на земле.

Когда люди узнали правду, все пошли к мудрому человеку. Он в то время уже был в большом городе. Люди помогли ему столкнуть царя. Помогли уничтожить жандармов, отобрать силу у богатых людей, прогнать попов и шаманов. Всё, что раньше скрывало от людей правду, они, как золу от потухшего костра, развеяли по ветру. И силы у всех людей прибавилось, и мудрости стало больше, и счастье стало жить в каждом доме.

Старший брат Трудолюбивый стал землю пахать, чтобы всех хлебом кормить, средний брат Храбрый стал землю охранять от врагов, младший брат Сильный стал заводы строить, разные машины делать, дороги прокладывать, чтобы всем людям жилось ещё лучше.

Серебряная книга

Жили два брата. Один бедный, другой богатый. У бедного брата было много детей. Сколько он ни работал, накормить их не мог. Сам всегда был голодным.

Богатому брату жить было легко: у него пастухи стада пасли, а сам он на мягких подушках лежал да в гости ездил. С самим ханом богатый брат дружбу водил.

Однажды бедный брат пошёл к богатому мяса для ребят попросить. Брата не было дома. А жена брата, злая и жадная, схватила палку и выгнала гостя на улицу.

Идёт бедный брат домой и думает:

«Почему я так бедно живу? Бог меня не любит и не жалует. Бог помогает только богатым...»

Дома он взял топор, вытесал из берёзы большую колодушку, взвалил её на плечо и пошёл на восток, через степи, горы и леса. По сторонам зорко смотрит — бога ищет.

На одном перевале увидел: едет старик на белом коне.

Подъехал старик, поздоровался, спросил:

— Ты куда колотушку несёшь?

— Бога-батюшку ищу, — ответил бедный человек. —

Убить его собираюсь за то, что он помогает богатым...

— Я тебе помогу, — сказал старик. — Садись на моего коня.

Они долго ездили, но бога найти не могли. Старик домой засобирался. На прощанье он подарил бедному человеку большую книгу в серебряном переплёте.

Приехал бедный человек домой, зашёл в свою юрту, открыл книгу и стал читать:

— Мясо, сметана, молоко...

Смотрят — всё это на столе появилось. Жена его и дети у стола сидят, жирное мясо едят, молоком запивают.

Бедный человек обрадовался — дальше читает:

— Хлеб, масло, мёд...

И опять всё это появилось на столе.

В книге много листов, много слов. И какое бы название пиши в книге ни прочитал, всё на столе появляется.

Пообедали они, бедный человек книгу захлопнул, и на столе стало пусто.

Узнала про книгу жена богатого брата, приехала в гости.

Первый раз к бедным родственникам приехала.

Усадили её за стол, хозяин стал книгу читать — угощениям счёт потеряли.

Вернулась гостя домой и начала мужа грызть. Возьми да возьми у бедного брата книгу в серебряном переплёте. Не отдаст — купи, не продаст — отбери. Зачем она им? К ним богатые люди в гости не приходят, хан к ним не приезжает, — они и без книги проживут.

Поехал богатый брат к бедному, стал просить:

— Продай книгу. Как родному брату, продай. Именем матери прошу, продай...

Бедный брат не устоял:

— Ну, что ж, — говорит, — купи...

— Сколько запрашиваешь?

Бедный брат не мог сразу придумать, сколько просить, — сказал:

— Триста...

— Триста рублей? — переспросил богатый брат. — По рукам!..

Ударили они рука об руку. Богатый брат заплатил деньги, схватил книгу и уехал.

Жена богатого брата всех баев к себе в гости позвала, за ханом работника отправила... Круглые сутки у них гости. Хозяин едва успевает книгу читать — гости всё съедают, к самой дорогой пище припрасиваются.

А бедный брат деньги прожил, и опять у него дети сидят голодом. День и ночь работает — накормить их не может.

Рассердился бедный человек, сделал две колотушки, взвалил их на плечи и опять отправился бога искать. На том же перевале встретил старика на белом коне. Несколько дней они вместе искали бога, хотели его побить — найти не могли. На прощанье старик подарил бедному человеку большую книгу в золотом переплёте.

Бедный человек обрадовался, дома всю семью за стол усадил, а сам книгу открыл. А книга оказалась пустой, читать в ней нечего. Из пустой книги выскочили две колотушки и стали всех колотить. Направо и налево, вверх и вниз. Все кричат и стонут от боли, готовы с жизнью распротиться.

Едва смогли захлопнуть книгу. А когда захлопнули, видят, что в юрте никаких колотушек нет — спрятались на своё место.

Узнала про новую книгу жадная жена богатого брата и потребовала:

— Привези золотую книгу. Хочу золотую книгу... Золотую, золотую...

Ни днём ни ночью покою не стала давать.

Поехал богатый брат к бедному.

— Продай золотую книгу. У вас богатых гостей не бывает, хан к вам не приезжает — зачем вам золотая книга?

А бедный брат отговаривается:

— Пригодится... Ребятишки у меня сладкие конфеты любят...

— Не продашь — силой отберу, — пригрозил богатый брат. — Сам не смогу отобрать — хану скажу: он солдат пошлёт...

— Ну, что ж, придётся продать... — сдался бедный брат.

— Сколько возьмёшь?

— А все твои табуны, стада...

Жена богатого за дверью подслушивала. Она испугалась, что хозяин золотой книги будет ещё что-нибудь просить, и крикнула мужу:

— Соглашайся скорее... Золотая книга нам всё даст. Завтра будем богаче самого хана...

Назавтра к богатому брату собрались в гости баи, князья и шаманы. Хан с ханшей приехали. Все сидят, ждут дорогих угощений из золотой книги.

Хозяин открыл книгу, и тут послышалось:

— Тох-тух! Хах-хах!..

Это деревянные колотушки били гостей. По лбу и по затылку, в темя и в подбородок.

Гром разносился по всей земле, пыль поднималась до неба.

От криков и стопа юрта разрывалась.

Наконец, хозяин пришёл в себя и захлопнул книгу. Кругом посмотрел — ужаснулся: хан под столом лежит, ханша под кровать заползла.

Хану мокрой тряпкой голову обвязали, в чувство его привели.

Хан на ноги поднялся — зло на всех зарычал, хозяина казнить приказал.

Домой хан поехал и увидел: скот бедного брата пасётся, того, кто подсунул ту золотую книгу с деревянными колотушками.

Хан рассвирепел и солдатам своим приказал:

— Отобрать скот. Самому выдумщику голову снести. Ребятишки его пусть нищими по земле бродят.

Услышали соседи и все поднялись на защиту.

Хан приказал стрелять, но солдаты стрелять не стали, а перешли на сторону народа. Они схватили злого хана, положили на чёрное бревно и его же саблей отсекли ему голову. За все страдания и горе народное; за пролитые слёзы казнили его.

Народ радовался. Всё, что баи награбили, бедным людям раздали. Все стали дружно жить и работать. Новую серебряную книгу стали вместе делать. Большую книгу. Такую большую, чтобы для всего народа хватило вкусной нищи.

Мальчик в бочке

Не в наши дни, но и не в далёкой старине у подножья Чёрной горы, около Чёрной реки, жили три бездетных рыбака.

Однажды рыбачили они, и как закинут невод, так рыбы полно. До краёв лодку рыбой завалили. В последний раз невод пустым вытащили — ни одной рыбёшки, только обнаружили в нём наглухо заколоченный бочонок.

Стали делить улов.

— Дайте мне этот бочонок и больше ничего не надо, — сказал один старик. И когда отдали ему бочонок, он отнёс его домой и осторожно открыл. В бочке оказался ребёнок.

Растил старик найденного в бочке мальчика, как родного сына. Рос мальчик не по дням, а по часам. Немного времени прошло, а он вырос в сильного юношу. Стал старик его с собой на работу брать. Как-то нанялся старик рыбачить к царю и юношу с собой взял.

И вот случилось так, что царь увидел юношу и стал требовать его у старика. Много хлеба, скота и товаров предлагал царь взамен, но старик от всего отказывался: очень юноша ему полюбился, родней родного стал.

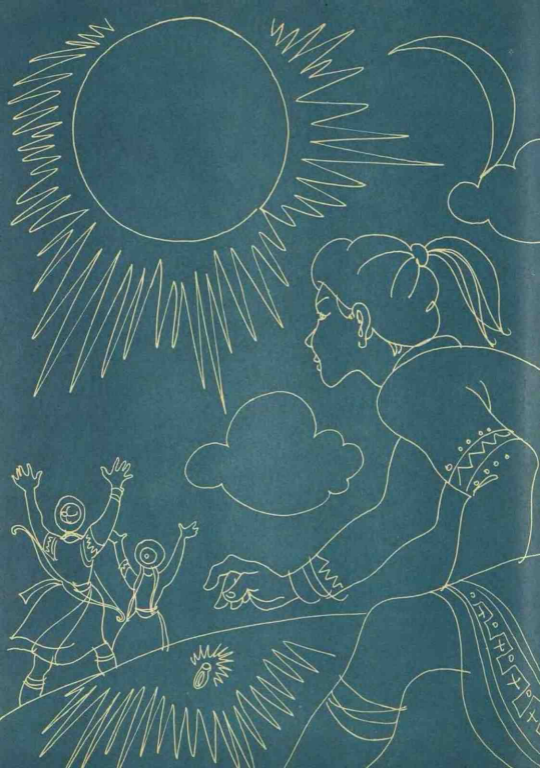
Отобрал юношу царь силою, привёз в свой дворец и всю работу определил делать: на побегушках держал да безо всякого повода тумаками награждал. А между тем видел царь, что юноша умный и смыслёный.

Однажды в той земле исчезли луна и солнце. Во всём царстве темно стало. Царь вызвал юношу, приказал ему:

— Иди луну с солнцем искать. Смотри, на землю без них не возвращайся.

*На земле в те дни царила мгла,
Не было ни света, ни тепла...
Догадайтесь, для чего мальчишке
Пёрышко из птичьего крыла?*

Юноша заплакал и вышел. Подбежал к нему чалый жеребёнок и спрашивает:

— О чём ты плачешь?..

Юноша рассказал, какую службу задал ему царь. Жеребёнок успокоил его:

— Если мы луну с солнцем не найдём, то кому их найти? Иди попроси пять сажений красного материала. По дороге встретится нам озеро. Возле озера — маленькая избушка. В той избушке живёт мать солнца. Она-то нам всё, что надо, и расскажет.

Взял юноша у царя пять сажений красного материала, сел верхом на чалого жеребёнка и поехал. Плёткой не погоняет, поводом не управляет, а жеребёнок бежит куда надо.

Долго ли, коротко, а доехали до большого озера и маленькой избушки. Зашёл юноша в избушку и увидел: на лавке старушка лежит — одно ухо под головой, а другим ухом прикрыта. Увидела старуха юношу, спросила:

— Откуда и куда путь держишь?

— Луна и солнце в нашей земле пропали, ищу их, — ответил мальчик.

— Иди расстели красную материю на берегу озера: садут на неё гуси с золотыми перьями на крыльях. Ты поймай гуся, выдерни у него золотое перо, сделай кольцо и надень на палец. Дома брось кольцо на землю, тогда луна с солнцем в ваше царство вернутся, — сказала старуха.

Сказано — сделано. Расстелил юноша материю на берегу и сам под ней спрятался, лежит, ждёт. Прилетели гуси.

Изловчился юноша, поймал одного гуся и выдернул перо. Приложил перо к пальцу, а из него само по себе кольцо сделалось. Зашёл юноша к матери солнца проститься.

*Все цветы в долинах расцвели,
Птицы в рощах пески завели,
Рады люди: Доброта и Смелость
Возвратили солнце для земли!*

— Ну как, выдернул перо? — спросила она.

— Выдернул, — ответил юноша. Попрошался, сел на чалого жеребца и поехал в обратный путь.

Недолго они ехали, скоро домой приехали.

— Нашёл то, за чем ездил? — спросил царь.

Юноша снял с пальца кольцо и бросил его на пол. Не успело кольцо упасть, как луна с солнцем на небе появились, тепло и светло стало.

Царь юношу хвалил, народ радовался. Юноша и поесть не успел с дороги — зовёт его к себе царь и новую службу назначает.

— Иди, найди мне жену, да смотри, чтобы хороша была, по душе мне пришлась. Привезёшь плохую — убью!

Вышел юноша на царский двор, стоит плачет. Прибежал чалый жеребёнок, спросил:

— О чём плачешь?

— Как же не плакать? Царь послал жену ему найти, красивую и чтобы по душе ему пришлась.

— Не плачь, — успокоил жеребёнок. — Если мы не найдём, кому же найти? Иди проси пять саженей красной материи.

Взял юноша материю, сел на чалого жеребца и отправился в путь. Ехали, ехали и доехали до той же избушки. Переступил юноша порог, мать солнца на лавке лежит.

Поздоровались.

— По какому делу? — спросила старушка.

Юноша рассказал обо всём.

— Иди к тому же месту, — говорит старушка, — добудь золотое перо.

Сказано — сделано. Расстелил юноша материю на берегу озера и сам под неё спрятался, лежит, ждёт. Прилетели гуси. Вырвал юноша у одного перо золотое, обмотал его вокруг пальца, перо в кольцо обернулось.

Поблагодарил юноша старушку, простился с ней и поехал домой.

Приехал домой, пошёл во дворец и бросил кольцо на пол. Поднялась с пола красавица краше луны и солнца. Пошла по залу. В дверях остановилась и сказала царю:

— Если привезёшь мой золотой гребень, стану твоей женой.

Снова задал царь юноше службу — погнал золотой гребень искать. Вышел юноша на царский двор, стоит плачет. Прибежал жеребёнок, спросил:

— О чём плачешь?

Рассказал юноша. Послал его жеребёнок к царю за мотком бело-голубых ниток. Принёс юноша нитки, и отправились они в путь-дорогу. Скачет жеребёнок, юношу поучает:

— Встретим мы в пустынной степи лиственницу, вершиной она до неба выросла. На неё без счастливых бело-голубых ниток не залезешь. Есть на этой лиственнице гнездо белого гуся. Ты подкараулишь его и выдернешь из крыла золотое перо, это и будет девичий гребень.

Доехали они до лиственницы. Обвязался юноша ниткой и полез. Добрался он до гнезда, спрятался и ждёт. Недолго сидел — видит: летит белый гусь в гнездо, а сам плачет, причитает:

— Уж если взяли мою дочку, зачем же гребень её золотой не взяли. Ходит она теперь, и нечем ей голову расчесать.

Сел гусь в гнездо, а юноша вырвал из крыла золотое перо и начал вниз опускаться...

— Да будет крепок сучок, на который ты ступишь, да будет твёрдо, как железо, место, где ты ногой упрёшься. Дожить тебе до белых волос, до жёлтых зубов,— закричал обрадованный гусь.

Не успел юноша домой вернуться, а уж царь его к себе призвал, кричит в гнев:

— Нашёл гребень?

— Нашёл,— ответил юноша. Бросил на стол кольцо, глядь, а на том месте гребень лежит. Царь схватил его и поднёс красавице.

Взяла она гребень и говорит царю:

— Коль сумел гребень найти, так ещё одну просьбу исполни: найди живую и мёртвую воду, тогда пойду за тебя замуж.

Послал царь юношу живую и мёртвую воду искать. Вышел юноша на царский двор, стоит плачет. Прибежал чалый жеребёнок, спрашивает:

— О чём горюешь? Отчего горькими слезами плачешь?

Рассказал юноша, в чём дело. Задумался жеребёнок и говорит:

— Тяжёлая задача. Охраняют живую и мёртвую воду сорок голодных волков. Мимо них никому не пройти, одолеть их мало кому под силу. Ну, да делать нечего, поедем... Только две бутылки возьми: одну — белую, другую — чёрную.

Поехали они к тому месту, где живая и мёртвая вода хранилась.

Напустил жеребёнок на три дня такой мороз, что скалы на вершинах гор затрещали, кругом вьюга замела, по лошинам туман поднялся. Забегали сорок волков, места себе не находят. А потом жеребёнок на три дня такой жары напустил, что забились волки в тень да заснули. Юноша набрал в белую бутылку живую воду, в чёрную — мёртвую и поехал домой.

Проснулись волки, а юноша уже далеко был, только волчий вой издали услышал.

Приехали во дворец. Юноша бутылки с водой царю отдал, а царь — красавице. Взяла она бутылки. На юношу живой водой брызнула, а на царя — мёртвой. Царь умер не сходя с места, а юноша стал ещё сильнее, ещё красивее, чем раньше был.

Вышла за него красавица замуж, и стали они жить и поживать.

Батрак Торсых

На берегу быстрой реки жил бай Хырым. У него была жена Хырха. Летняя юрта их стояла у самой воды. Жил у бая в батраках бедный человек по имени Торсых. Бай не позволял ему ставить юрту близко к реке, боялся, что будет бедняк воду бесплатно брать. Всего в хозяйстве у Торсыха была одна коровёнка, одна овца и одна собака — все чёрной масти. Жил Торсых с женой и двумя детьми. Сорок лет работал на бая, ничего заработать не мог и уйти от него не мог. Пройдёт год, придёт Торсых за расчётом, и он же должен остаётся. Всё посчитают: сколько жена Торсыха в речке брала воды, сколько навозу спалила. За долги снова работать заставляют.

Так и в этом году случилось. Всю зиму пас Торсых байские табуны и опять в должниках остался.

Весной прилетели ласточки. Попробовали вить гнёзда у бая, но жена бая прогнала их. «Нечего мусор около жилья разводить»,— сказала она птицам.

Ласточки поселились в юрте Торсыха. Жена бедняка никогда их не ругала, ещё и подкармливала.

Как-то рано утром ласточки сидели на юрте и между собой разговаривали: «Никогда мы не сорили возле жилья бая, а его жена нас выгнала, гнёзда наши разорила. Зато здесь, хоть и насорим иногда, никто не ругает, а ещё и покармляют».

Услышала сорока их разговор, и зависть её взяла.

— Я,— говорит,— у бедных ничего не ем, брезгую. Вот у богатых — другое дело.

А ласточки ей отвечают:

— Ты нечистая птица. Ты самая плохая из всех птиц. Ты отбросами богатых кормишься, лягушек и змей ешь. Ты в жаркие страны летать не можешь.

— Я чистая, я чистая,— закричала сорока.

— Мы к тебе и близко не хотим подходить. Ты лгунья. Ты летом смеёшься, а зимой плачешь,— ответили ласточки.

Не вытерпела сорока и со злостью улетела.

Однажды Хырха и Хырым увидели детей Торсыха и рассуждают между собой:

— Торсыха мы крепко держим,— сказала Хырха.— А вот его дети вырастут и не станут на нас работать.

— Надо юрту Торсыха спалить, тогда и его детей в кабану заберём. Новую юрту нелегко построить,— сказал Хырым.

Как решили, так и сделали. Ночью проснулся Торсых — двор горит. Разбудил он жену, детей, схватили вёдра и побежали на речку. Хырым и Хырха уже там стоят, воду не дают.

— Вы и так уже задолжали,— сказали они Торсыху.

Ласточки полетели к реке, воду в рот набирают и заливают пожар, а сорока сухой травы в огонь подбрасывает и хохочет:

— Ха-ха-ха, как горит весело. Пусть всё горит.

В степи на кургане волк завыл:

— Так и надо Торсыху: ни одного жеребёнка не дал нам съесть, пусть догла сгорит двор его. А корову с овцой мы задержём.

Собака Торсыха вокруг юрты бегаёт, просит:

— Хоть бы дождь пошёл, хоть бы дождь пошёл.

В табуне чалый жеребец заржал:

— Торсых нас днём и ночью никому в обиду не давал, пусть хлынет дождь и зальёт пожар.

Сорока хохочет:

— Ха-ха-ха... Если волк у Торсыха корову съест, мне кишки останутся.

Ласточки, летая, кричали:

— Пусть дождь польёт... Пусть дождь польёт...

Подул ветер, нагнал чёрную тучу, и полил дождь. Дождём быстро залило пожар...

Волк подкрался к чалому жеребцу:

— За то, что ты просил дождь, я съем тебя,— сказал волк.

— Ты сначала посчитай, сколько у меня волос в хвосте,— ответил жеребец и повернулся задом.

— Ну что же, посчитаю,— согласился волк. Подобрался к жеребцу, а жеребец как ударил задними ногами, так волчью голову на две части и расколол.

Дождь лил всё сильнее. Хырха и Хырым в свою юрту спрятались. Тут речка из берегов вышла. Хлынула волна, смыла юрту, и Хырха с Хырымом захлебнулись. Уцелела только юрта Торсыха, потому что стояла она на бугре, вдали от реки.

Смотрит утром Торсых, а от байских дворов и следа не осталось.

Ласточки поют, радуются, а сорока плачет:

— Свила я себе гнездо на низкой иве. Вода поднялась и унесла моих бедных детёнышей.

Ласточки ей в ответ кричат:

— С чёрными мыслями сорока на чёрной иве плачет. У нас нет злых мыслей, и мы радуемся. Сегодня радуемся, и завтра, и послезавтра, и всегда будем радоваться.

Торсых собрал батраков. Они поделили между собой байский скот, поставили на берегу новые юрты и стали жить хорошо.

Воробей и ворона

Давным-давно дело было. Тогда ещё воробей с ворону ростом был. Вот как-то сидели воробей с вороной и беседовали.

— Приятель воробей,— говорит ворона.— Если бы жила я среди людей, то много, много хорошего могла бы им рассказать.

Подумал воробей и не согласился...

— Пустомеля ты, пустомеля,— сказал он.— О чём хорошем можешь ты говорить? Как начнёшь каркать, так обязательно несчастье случится. Вот если бы я среди народа жил, то мог бы многое людям посоветовать.

Спорили они, спорили и подрались. Схватил воробей ворону за горло да так придавил, что она до сих пор хрипит. Вырвалась ворона, перелетела на другое дерево и прокляла воробья.

Стал воробей маленьким, таким, как теперь. С тех пор поселился он там, где люди живут, без конца чирикает и думает, что хорошие советы даёт.

Волшебный чатхан

Давным-давно жил старик пастух. Звали его Чатхан. Много скота было у хана. Много было и пастухов. Трудная служба у пастуха: одни заботы, и совсем нет радостей.

Долго думал Чатхан, чем бы облегчить жизнь пастухов, и придумал: сбил из дощечек длинный и узкий ящик, натянул на нём волосяные струны и начал играть на них. По вечерам к нему приходили послушать музыку пастухи. Так красиво звенели семь волосяных струн, что у людей сладко замирало сердце, птицы складывали крылья в полёте, звери останавливали свой бег. Очарованные рыбы замирали в реках и озёрах, в степи слушали волшебную музыку табуны коней. Лёгкой стала работа пастухов. Стоило разбиться стаду, как Чатхан

брал свой музыкальный ящик, трогал струны, и стада снова собирались. Чатхан один управлялся с бесчисленными стадами хана.

Однажды случилась беда. О волшебном инструменте узнали одноглазые разбойники. Они пришли из-за гор, убили старика, унесли музыкальный ящик, угнали скот бедняков. Только ханские стада остались в степи.

Был у старика внук. Рос он не по дням, а по часам. Когда подрос, сказал матери:

— Сделайте мне лук и стрелы.

Мать сделала ему лук из табылки¹, нарезала из тальника стрелы. Хорошим стрелком стал внук Чатхана. Направо пустит стрелу — тридцать птиц падает, налево пустит — сорок птиц убивает. Мать строго-настрого запретила сыну ходить за большую гору. А мальчику любопытно, что же там есть за высокой горой. Однажды он поднялся на вершину и увидел возле пещеры большой дом без окон. Мальчик подкрался к дому и прислушался. За стеной людские голоса, как пчёлы, жужжали. Один говорил:

— Еда кончилась...

Другой добавил:

— Нужно яловую кобылицу вызвать.

Третий предложил:

— Хорошо бы яловую корову и яловую овцу заколоть.

Вдруг в доме всё притихло и послышалась чудесная музыка. Закачались леса, затрепетали на деревьях листья. Легко и весело стало кругом. Заржала кобылица, замычала корова, заблеяла овца. Они подбежали прямо к дому и остановились. Мальчик спрятался за большой камень и стал смотреть, что будет дальше.

Из дома вышло семь чёрных людей. На левой половине головы у них было по одному глазу. Вместо лиц был один огромный рот с двумя клыками. Они зарезали животных и стали носить в дом мясо.

Давно не ел мальчик мяса домашних животных. Он протянул из-за камня стрелу и наколол наконечником конскую, коровью и овечью грудинки. Одноглазые разбойники ничего не заметили.

¹ Табылка — таволожник.

Мальчик притащил свою добычу матери. Сильно она обрадовалась, так как тоже давно не ела мяса. Скот ведь остался только у хана, а у пастухов ничего не было.

Но когда мать узнала, куда ходил сын и откуда достал грудинку, она опечалилась и сильно поругала его.

— Эти разбойники убили твоего деда. Я боюсь: не было бы новой беды, зачем ты туда ходил? — сказала мать.

— Ничего, не бойся,— ответил мальчик.

На другой день он взял лук и стрелы и снова отправился за гору.

Подкрался к дому и стал слушать. В доме сильно спорили.

— Кто съел грудинку? — спрашивал один.

— Сам, наверное, и съел,— отвечал другой.

— Ни коровьей, ни бараньей грудинки не было, вы всё потихоньку съели,— говорил третий.

Спорили они, спорили и решили пересчитать кости. Посчитали,— нет грудинок. Тогда один сказал:

— Все вы ничего не понимаете. Вырос внук Чатхана. Это его рук дело. Надо убить его.

Выбежали одноглазые из дома, спешат, толкаются. Были они почти совсем слепые. Взялись за руки и пошли с горы.

Мальчик переждал немного и пробрался в дом. Перед дверью он вырыл глубокую яму, прикрыл её ветками, присыпал ветки землёю. После этого он взял инструмент деда и заиграл.

Одноглазые услышали и побежали обратно. Только кинулись к двери, как все провалились в яму. Мальчик всех их камнями побил, а яму закопал.

Взял он чудесный ящик и заиграл на нём. Открылась пещера, заржали кони, замычали коровы, заблеяли овцы. Пошёл мальчик с горы, перебирая струны, а за ним шли стада.

Мальчик играл на чудесном инструменте и пел им о злых ханах, о добрых и могучих богатырях.

С тех пор в народе волшебный ящик называли Чатхан в честь старика, а мальчика прозвали Хайджи¹.

¹ Х а й д ж и — народный певец.

Два друга

Жили два друга, два молодых парня. Одного звали Адычак, другого — Кечок. Друг друга они любили, в преданности друг другу клялись.

Адычак часто говорил, что он походит на своего отца — храброго человека. С ним, лучшим другом, Кечоку будет не страшно даже ночью пойти через дремучий лес.

Кечок молча слушал друга и запоминал его слова.

Вот однажды они пошли по таёжной дороге. А навстречу им — медведь. Встал на задние лапы и зарычал.

Адычак первым увидел медведя, бросился к ближайшему дереву и залез на самую вершину.

Кечок остался один. Медведь хотел схватить его, но он упал на землю и притворился мёртвым.

Зверь склонился над находчивым парнем, обнюхал его голову и, убедившись, что он мёртвый, пошёл дальше.

Когда медведь ушёл, Адычак, озираясь по сторонам, спустился на землю и спросил своего друга:

— С тобой медведь, кажется, разговаривал?

— Да.

— А что он тебе говорил?

— Он сказал: «Никогда, Кечок, не ходи в тайгу с такими друзьями, которые по деревьям лазают, как трусливые бурндуки».

Адычак от стыда убежал домой. А Кечок один пошёл дальше по лесной дороге.

Ленивый мальчик и синичка

Ленивый мальчик сидел на берегу реки.

Мальчику было жарко. Его тянуло в воду. Но было лень раздеваться. Больше того, — лень было двигаться с места.

— Ох, как жарко! — вздыхал мальчик. — Искупаться бы теперь. В воде, наверно, хорошо-хорошо!..

Услышала это синичка, сидевшая на ветке, склонила голову и посмотрела вниз на мальчика.

— Искупайся, друг мой,— посоветовала она.— Ведь тебе никто и ничто не мешает.

— Да, хорошо тебе говорить «искупайся»,— обиделся мальчик.— А если я утону?..

— Держись за осоку, что растёт на берегу,— сказала синичка и спрыгнула на ветку пониже.— Вот за эту осоку.

— Да, хорошо тебе говорить «держись за осоку»... А если я руку порежу?

— Надень кожаные рукавицы,— продолжала советовать синичка.

— Да, кожаные рукавицы... А если они промокнут?

— Ты их на солнце высушишь.

— Я высушу, а они порвутся.

— Ну, если порвутся, ты их починишь,— не унималась синичка.

— Ты научишь...— обиделся мальчик.— Начну починять да уколю себе палец...

— А ты надень напёрсток...

Мальчик рассердился. Такая маленькая, совсем незаметная птичка, а смеётся над ним! Он схватил камень.

— Сейчас я тебя проучу...

Но в это время ноги его поскользнулись, и он упал в реку. Синичка улетела.

Мальчик вылез из воды и лёг на солнечную полянку. Он лежал и долго ругал синичку за то, что ему приходится сушить на себе мокрую одежду.

А синичка летала по кустам и посмеивалась над ним.

Как мальчик заставил смерть на себя работать

Жил-был мальчик-сирота. Плохо жил, со дня на день еле-еле перебивался. Однажды сказал он сам себе: «Пойду-ка я куда-нибудь, наймусь в работники. Может, хорошо жить начну». И вот пошёл. Попалась ему речка, и он направился

вдоль неё по берегу. Шёл, шёл и видит: под ногами батожок валяется — красивый. Мальчик взял его и пошёл дальше. Пошёл к развилке. Одна дорога идёт налево, другая — направо. Подумал мальчик и решил направо идти, а батожок говорит:

— Не ходи по правой дороге: смерть тебе встретится. Если пойдёшь по левой дороге, бая с семью дочерьми встретишь.

Мальчик пошёл по левой дороге. Вскоре байское жильё попало. Заходит мальчик и видит, сидит толстый бай с женой и семью дочерьми. Бай с женой старые, а дочери молодые и красивые.

— Куда идёшь, что надо? — спросил бай.

— Иду, работу ищу.

— Нанимайся ко мне. Есть у меня работа. Но одно условие тебе ставлю. Если справишься с работой, сколько хочешь платы проси. А если не справишься, я тебя изобью и выгоню.

Некуда мальчику деваться. Согласился он год у бая работать. Мальчику во всём батожок помогал. Что бы ни сказал бай, всё делалось.

Младшая дочь очень мальчику понравилась, и он по душе ей пришёлся.

Год прошёл. Настало время плату получать. Бай спрашивает мальчика:

— Что дать — денег или одежды?

— Отдай мне за работу свою младшую дочь, — ответил мальчик.

Рассердился бай, приказал мальчика избить и ни с чем выгнать. Мальчик взял свой батожок и пошёл правду искать. По дороге встретил дряхлого старика. Идёт старик, спотыкается, а зубы у него во рту молодые, как у волка.

— Кто ты, дедушка, и куда идёшь?

— О, о, мальчик, я смерть. Иду к богам узнать, кого мне есть.

— А где они — боги? — спросил мальчик.

— Очень далеко боги. Устал я, пока иду, а ещё и половины не прошёл. Надо всё прямо по этой дороге идти, пока лестница на небо не встретится. Эта лестница прямо к богам и приведёт. Но и по ней путь долог. Очень она высокая, не знаю, как и доберусь.

— А зачем тебе идти мучиться. Ты садись и отдыхай. Я за тебя сбегаяю.

— Ладно, сынок, сходи...

Пошёл мальчик, и всё так было, как смерть рассказала. Взобрался он на небо и видит: всё там, как на земле, только теплее. Трава круглый год зелёная и не вянет, листья с деревьев не падают, белые цветы растут, и юрты больше, чем на земле. Зашёл мальчик в самую нарядную юрту и видит: сидят за столом десять богов и большие книги просматривают.

— Меня к вам смерть послала. Кого ей есть, спрашивает,— сказал мальчик.

— Пусть три года ест она худых стариков,— ответили боги и отпустили мальчика.

Жалко стало мальчику стариков. «Раз старик худой, значит бедный,— подумал мальчик,— зачем бедного человека жизни лишать?» Спустился мальчик на землю и пошёл. На батожок обопрётся — сразу пять земель¹ за спиной оставляет.

За один день мальчик в оба конца сбегал. Пришёл к смерти и говорит:

— Боги сказали, чтобы ты три года древесную кору в тайге ела.

Повздыхал старик — делать нечего. Отправился в тайгу.

Через три года мальчик опять смерть встретил. Идёт старик едва живой. Увидел мальчика, заохал, стал жаловаться.

— Зубы я об эту кору обломал, живот испортил... За что боги на меня рассердились?..

— Ничего, дедушка, может, на этот раз боги добрей будут. Ты посиди, отдохни, я к ним сбегаяю.

Пришёл мальчик к богам и говорит:

— Смерть от стариков сама чуть не умерла. Зубы обломала, живот испортила. Кого ей теперь есть?

— Пусть она теперь три года детей ест,— сказали боги и отпустили мальчика.

Жалко ему стало детей, вернулся он к смерти и сказал ей:

— Я передал богам жалобу. Они сказали, чтобы ты три года водоросли ела. Они мягкие и сочные.

¹ Земля — здесь в смысле расстояния. Хакасы расстояние до горизонта называют «землёй».

Прошли и эти три года. А вместе шесть лет миновало, и никто из людей в степи не умирал. А мальчик ходит себе с батожком, всё правду ищет.

Всю землю обошёл — нет правды. Вот на дороге снова старика встречает.

Идёт старик, распух весь, позеленел от водорослей. Увидел мальчика, стал жаловаться:

— Совсем меня боги решили уморить. Сил больше нет. Видно, мне пришло время умирать...

— Ты посиди, на солнышке погрейся, а я на небо сбегаю, твои жалобы передам, — сказал мальчик, а сам подумал: «Правды я не нашёл, так хоть смерть изведу».

— Нет, — ответил старик. — Я сам к богам схожу. Пусть посмотрят, какой я стал.

Пошёл старик по дороге, а мальчик впереди него отправился. Дошли до лестницы, стали наверх взбираться. Проползёт смерть немного и сидит отдыхает. Когда смерть отдыхала, мальчик тоже останавливался.

Была у него табакерка с табаком. Как остановятся они, так мальчик табак нюхает.

Старик увидел, спрашивает:

— Что ты ешь, мальчик?

— Да вот тут у меня сушеное человечье мясо. Я и закусываю потихоньку.

— Дай мне поесть. Совсем я ослаб...

— Дать можно. Почему не дать. Но ведь ты, дедушка, не достанешь так, как я: у тебя пальцы толстые. Обратись в комара, залезь в табакерку и кушай сколько хочешь.

Старик так и сделал. Влез в табакерку, а мальчик её крышкой закрыл и спустился на землю. Сел и думает, что дальше делать.

Батожок ему говорит:

— Иди теперь к хану. Там у него все баи пируют, и твой бывший хозяин с ним. Там ты свою правду найдёшь.

Пошёл мальчик к хану. Обопрётся на батожок — сразу десять земель за спиной оставляет. Пришёл он в улус хана, в самую большую юрту.

Пир у хана богатый был. Толстый бай тоже пировал. Увидел мальчика и зашептал хану:

— Гони этого чертёнка. От него горя наберёшься.

Старик в табакерке услышал запах пищи, завозился, пищит тонким голосом, так, что один мальчик слышит:

— Выпусти меня поесть — я для тебя что хочешь сделаю.

А хан тем временем грозно мальчика спрашивает:

— Ты кто такой? Откуда пришёл?

— Пришёл я к тебе как к главному в степи — правду искать. Обманул меня вот этот человек, — мальчик на толстого бая рукой показал. — Прикажи ему заплатить за мою работу тем, что я сам выбрал.

Рассердила хана дерзость сироты, приказал он гнать его и палками бить.

Тогда мальчик зашептал в табакерку:

— Я тебя, дедушка, выпущу, только ты всех толстых людей, которых увидишь в юрте, должен съесть.

— Съем, съем... всех съем, — застонал старик.

Кинулись ханские слуги к мальчику, а он открыл табакерку, вылетел из неё комар, ударился об пол и обратился в смерть.

Кинулась смерть подряд жирных баев глотать. А хану первому конец пришёл.

Много было батраков у хана. Мальчик всех отпустил. У кого не было одежды — того одел. У кого не было денег — тому дал деньги. Весь ханский скот поровну поделил. С тех пор началась в степи счастливая жизнь.

Два брата

— Жили-были два брата. Один бедный, другой богатый. Однажды пришёл богатый брат к бедному и говорит:

— Иди ко мне работать. Отработаешь день от солнца до солнца, мешок хлеба получишь.

— Ладно, — согласился бедный.

Проработал день от зари до зари, пришёл плату получить.

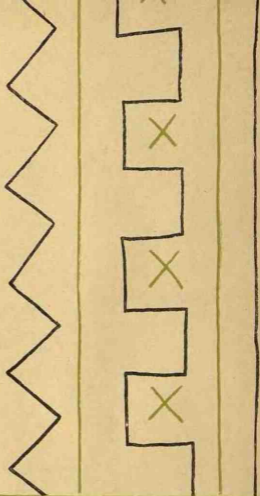
— Нет. День ещё не кончился, — сказал богатый. — У солнца младший брат есть, видишь, на небе светит. Вот когда месяц зайдёт, приходи.

Проработал бедный брат всю ночь. Перед тем, как солнцу взойти, пришёл домой, взял мешок с распоротым дном и снизу к нему второй мешок подставил. Приходит к богатому брату.

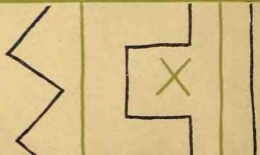
— Постой-ка... Да ведь у тебя два мешка?

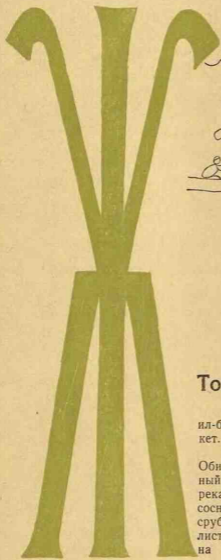
— Если у солнца есть младший брат, так почему бы мешку младшего брата не иметь?

Делать нечего. Пришлось богатому два мешка зерна отдать — перехитрил его бедный брат.

**ХАНТЫЙСКИЕ
СКАЗКИ**

Толстый Колькет

ил-был на свете Толстый Колькет.

Там, где к великой реке Оби бежит коричневый таёжный Тым, весёлая говорливая река, на высоком берегу, среди соснового бора стоял дом, срубленный из кондовых смолистых брёвен. Чуть поодаль на столбах стоял лабаз с

разным припасом. Здесь, в тайге, с отцом и матерью жил Толстый Колькет. Лет парню совсем немного, а толстым стал.

Ничего Колькет не делал — ничего и не умел. Отец с матерью за него всё делали.

Вот наступает раннее утро. Чуть розовеет заря над урманом. Ещё не видно за лесом и краешка солнца. Но в таёжке навстречу заре запела первая птичка, где-то в ветвях зашевелилась кедровка, вспомнила про кедровые шишки — скоро надо лететь за орехами. Пробежал хлопотун бурундучок, выглянула из дупла пушистая белка. Всё потянулось навстречу утру.

Проснулся отец Колькета — рыбак и охотник. Надо в обласок, лодку-долблёнку, садиться, ехать сети смотреть. Рыбу на завтрак домой принести.

Взял отец весло, подошёл к Колькету.

— Вставай, сынок. За рыбой пойдём. Поможешь сеть вытаскивать...

Отмахнулся Колькет. На другой бок повернулся, опять заснул.

Покачал головой отец, ничего не сказал. Пошёл один к лодке. Поехал сети выбирать.

Проснулась мать Колькета. Надо дров собрать, огонь развести, пищу готовить. Надо красной брусники набрать. С чаем сладкой ягоды поесть. Зовёт мать с собой Колькета, будит его.

Махнул только рукой Колькет. Вниз лицом лёг — не мешай спать!

Вздохнула мать, ничего не сказала. Взяла топор, за дровами пошла. Нарубила сухих дров, принесла к очагу. Потом корзинку из тальника плетёную взяла, пошла бруснику собирать.

Поляна ягодами усыпана. На кочках и рядом — полно брусники, собирай только. Полную корзину набрала, домой принесла.

Развела огонь в очаге, воду в котле греть поставила. Смотрит — с реки отец Колькета идёт. Полную сетку рыбы несёт. Налимов больших, язей жирных.

Солище взошло. Заиграла, запела тайга. А Колькет всё спит, похрапывает. С боку на бок поворачивается.

Отец с матерью рыбы начистили, уху стали варить.

Ветерок подул — дымком потянуло.

Хоть и спит Колькет, а нос рыбу чует. Щекочет нос Колькету рыбный запах. Открыл Колькет один глаз, потянулся, потом другой глаз открыл. Протёр глаза кулаками. Сел.

— Уха готова? — спросил.

Мать ложкой зачерпнула ухи, попробовала — хороша уха, наваристая! Колькет, с боку на бок переваливаясь, к реке пошёл. Кое-как, поскорее умылся, рукавом утёрся, к котелку заторопился.

Вокруг котелка все сели. Мать хлеба нарезала. Колькет раньше всех самую большую ложку выбрал, потолще кусок хлеба взял, первым уху с куском рыбы зачерпнул.

Сидит, за обе щеки уплетает, живот поглаживает — чтобы больше вошло.

Наелся до отвала, устал даже ложкой махать. Решил Колькет: отдохнуть надо! Лёг под сосной, руки раскинул. А глаза сами закрылись.

Так и шёл день за днём. Поест Колькет, отдохнуть ляжет. Жиру ещё прибавится. Стал Колькет словно гусь осенью.

Шёл как-то мимо их дома старик, увидел толстого Колькета, подивился. Отца с матерью спрашивает:

— Почему он у вас такой?

Мать с отцом признались:

— Не знаем, что с ним делать...

Старик им сказал:

— Я вас научу.

Отвёл отца с матерью в сторону, сказал им какие-то слова. Какие — никто не слышал. Потом ушёл тот старик.

Тут отец стал невод собирать, с сушильных кольев снимать, говорит:

— Пойдём, мать, рыбу неводить. Пойдём, Колькет, и ты с нами. Будешь помогать невод тянуть.

Взяли на плечо невод. А Колькет глаза прищурил, будто не слышит, лежит. Охота ему в воду лезть?!

Отец с матерью дожидаться не стали, к берегу, на песчаные отмели пошли. А Колькет опять к котелку, к корзинке с ягодой потянулся.

Мать с отцом только до первого борка дошли — навстречу им медведица с медвежонком. Медвежонок лапу к груди прижимает, идёт скулит.

Медведица к отцу с матерью его подвела, на лапу медвежонка показывает.

Малыш лапу шепкой занозил! Болит лапа.

Тут отец невод отложил на траву, взял лапу медвежонка, выдернул занозу.

Медвежонок от радости заплясал даже. Пляшет, лапами машет. А медведица кланяется. Спасибо говорит.

Пошли рыбаки дальше, спустились на пески. Раскинули невод, в реку отец по грудь зашёл, мать помельче, ближе к берегу. Пошли. Тянут невод против течения. Тяжело им. Десять, двадцать шагов идут. Стала рыба попадаться. Верхняя бечева вздрагивает, рыба в невод ударяет.

Видит медведица — тяжело людям, помочь надо, — тоже на отмель пришла. В воду полезла, взялась за палку, невод сразу быстрее пошёл. Людям легче стало. А медвежонок на берегу бегаёт, веселится.

Стали все вместе невод на пески выбирать, а в нём рыбы набралось — вдвоём за раз и не донести бы!

Сложили рыбу в мешки. Один медведица в охапку взяла, к дому понесла.

Медвежонок впереди бежит, переваливается. Подошёл к дому, видит — Колькет у котелка сидит, уху уплетает, живот разглаживает. Медвежонок носом потянул, вкусно!

К Колькету подошёл, лапу протягивает.

— Дай рыбы немножко. Или брусники дай.

А Колькет размахнулся ложкой и ударил медвежонка по носу. Заплакал медвежонок, в сторону отбежал. А Колькет взялся за бруснику. Все лицо измазал, торопится есть.

Тут рыбаки подошли. Отец с матерью медведице с медвежонком рыбы полную корзину наложили, в лес проводили.

А Колькет им вслед кулак показал.

— Зачем у меня рыбу отняли? Сам бы съел!

Тут скоро ночь наступила. Мать костёр разожгла. Рыбы на вертелах нажарила. Ещё поел Колькет сколько мог, спать лёг. Всю ночь на одном боку пролежал, ни одного сна не видел.

Солнце высоко поднялось, проснулся Колькет. Живот погладил — в животе пусто. Надо поесть!

Посмотрел Колькет кругом — ни отца, ни матери нет. Позвал — никто не отзывается. Он кричать стал, на ноги

встал, вокруг дома побегал — никого нет. Сел Колькет — думать стал.

— Отец, поди, за рыбой уплыл, мать дрова собирать пошла. Подожду — придут. Поем пока. — Он за котелок взялся — котелок пустой. Плохо, думает, Колькет. Пригорюнился.

Лежит под кустом черёмухи скучный. Над ним ветви, годами усыпанные. Хоть и лень Колькету, а решил руку протянуть, ягоду сорвать.

Но черёмуха ветви от него в сторону отвела, не даёт сорвать ягоды.

А время идёт. Есть Колькету хочется. Посмотрел он на берег — одного обласка нет, другой здесь.

Тут он надумал: отец с матерью шишки кедровые бить пошли. Набыют, сладкие орехи сами съедят. Мерещится ему — сидят мать с отцом среди кедров, орехи шелкают.

Тут решил он: поплыву к ним, где кедровый бор, найду их, буду орехи есть. Схватил Колькет весло, обласок на воду толкнул, сел кое-как, чуть лодку не перевернул, чуть в воду не упал. Сидит, думает: зачем мне, как отцу, широкой стороной весла грести, силу тратить? Буду рукоятью грести, так легче будет.

Взялся Колькет за весло с другого конца. Рукоятью, как ножом, воду режет. Лодка его не слушается, вертится, к кедровому бору не плывёт. Подхватила Колькета река, понесла по течению в другую сторону. Скоро, за поворотом, скрылся дом из виду.

Испугался Колькет, кричать стал. А кто услышит? Тайга кругом. Наконец сообразил Колькет: надо к берегу прибавиться. Повернул он весло как надо, стал сильней грести.

Направил лодку поперёк течения. Лодка послушной стала.

К берегу пристал Колькет, поднялся. Обласок на берег вытащил.

Сел на берегу, оглядывается — кругом тайга. Кедровые широко ветви раскинули, в них кедровые шишки спрятали.

Сосны вершинами к небу поднялись, шумят, говорят о

чём-то друг с другом. А под ними — заросли цветов таёжных — саранок.

Колькет хотел дальше пройти, запутался в траве, упал. Рассердился парень, схватил весло, начал цветы сбивать. А они всё тесней сближаются.

Тут погода стала хмуриться. Ветер подул. Сильней зашумели сосны и кедры. Солнце на закат пошло. Из глубины тайги ночь стала подступать. Всё вокруг потемнело.

Озирается Колькет. Что делать? Как ночевать буду?

Смотрит Колькет — в одной большой сосне дупло. Туда хотел спрятаться — побоялся. Вдруг там есть кто-нибудь?

Тут совсем темно стало. Тайга шумит. Прижался к сосне Колькет. Страшно ему. Мерещится — леший к нему подкрадывается, лапами машет, схватить Колькета хочет.

Колькет крепче весло сжал рукой. Размахнулся, ударил с разбегу. Весло по ветвям ближней ёлки прошло. Никакого лешего!

Чуть успокоился Колькет — смотрит — огни засветились, зелёными кошачьими глазами играют. «Рысь! — подумал Колькет. — Сейчас съест меня. Выручай меня, весло!» Опять разбежался, ударил веслом по огонькам. Огоньки потухли, а гнилушка-пень рассыпался.

Вздохнул Колькет, холодный пот со лба вытер. Только оглянулся, а вокруг него повсюду огоньки голубым светом горят, двигаются. Стал Колькет веслом размахивать, за огнями гоняться.

Думает: звери его окружают. А это светлячки оказались!

Устал Колькет, и боязно ему. Как быть? Хоть и страшно — полез в дупло.

Утром пробудился. Смотрит — светло, солнце высоко поднялось. Вылез Колькет из дупла.

Тут увидел он — кругом кедровые шишки нападали. Стал он их собирать. Есть охота, начал орехи щёлкать. Наелся немножко, страх наполовину прошёл.

Только сел Колькет — налетели на него комары. Один больше другого кусает. Сколько руками ни махал, не мог отбиться: заплакал с горя. «Съедят меня комары», — подумал.

Вдруг слышит Колькет голос. Поднял голову. Видит — тот старик к нему идёт.

— Что горюешь, парень? — спрашивает.

— Комары заели, — отвечает Колькет.

— Ну, это небольшая беда, — говорит старик. — Ты костёр разведи, дым комаров отгонит.

— Где огонь возьму? — Колькет спрашивает.

— А ты его сам добудь, научу как, — отвечает старик.

Повёл старик Колькета к сухой берёзе, заставил две палки вырезать. Заставил Колькета одну об другую тереть.

Колькету неохота было работать, да как комаров вспомнил, принялся за дело. Сначала не получалось ничего, а старик всё велит шибче да быстрее работать.

Колькета пот прошиб, хотел со лба рукавом его стереть — старик отдыха не даёт. Ещё быстрее работать велит.

Много ли, мало ли времени прошло, — дымок показался, потом искорка сверкнула, огонёк вспыхнул. Тут старик подул на него, тонкую берестинку поднёс, вспыхнула она.

Из берёсты да сухих веток они костёр развели, подбросили дров — густой дым пошёл — комаров как не бывало. Старик велел:

— Ты, парень, огонь береги. Костёр пусть всю ночь горит. С ним и зверь тебя не тронет.

Колькет жаловаться стал:

— Я есть хочу, что есть буду?

Старик отвечает:

— Это беда небольшая. Я тебя научу, как пищу добыть. Вот тебе клубок ниток, вяжи сеть. — Тут он ему показал, как ячею вязать.

Голод не ждёт, торопит. Принялся Колькет за дело. Сначала путались нитки, потом всё как надо пошло.

К вечеру сетка была готова. Старик две тычки вырубил. Сели они в обласок, выехали на рыбные места, старик научил, как сеть поставить, как утром снять её. Приплыли они к берегу, высадились. Старик велел Колькету дров побольше набрать, в костёр ночью подбрасывать. Пошёл Колькет дрова собирать.

Принёс большую охапку, а старика нет, ушёл. Делать нечего. Стал Колькет ночь коротать. Из еловых веток постель себе сделал. Поспит немного, проснётся, дров в костёр подбросит, чтобы не потух, ляжет, глядит в небо, звёздами усыпанное, а потом заснёт опять.

Утром, только заря над тайгой занялась, только первые птицы запели,— разбудили Колькета,— сел он в обласок, поехал сеть вынимать.

Подъехал в обласке к сети, потянул за поводок, сеть словно живая бьётся. Поднял её в обласок парень, в ней пять рыб больших чешуёй сверкают!

Обрадовался Колькет, скорей к берегу, где костёр горел, поплыл. Смотрит — старик его встречает. Колькет кричит:

— Удача мне выпала, рыбу поймал.

Тут старик ответил:

— Умелые руки приносят удачу, парень. Давай будем рыбу чистить, на вертелах жарить.

Научил он Колькета, как это сделать. Нажарили рыбы, вместе поели.

Колькет спрашивает:

— Всех рыб съедем, что дальше делать будем?

Старик засмеялся, ответил:

— Новых наловим. Вон, видишь, белка прыгает?

Посмотрел Колькет вверх — верно, по веткам кедра белка прыгает, из кедровых шишек орехи лущит, за щёку прячет.

— Собирает белка орехи, таскает в дупло к себе,— на всю зиму. Всю зиму живёт, орехи грызёт. Так и мы, наловим много рыбы, навялим её, засушим, орехов наберём. Хочешь, пойдём собирать?

Колькет говорит:

— Как я на кедр полезу? Мне не подняться, сучья ломаются.

Старик сказал:

— Это беда небольшая. Мы колотушку сделаем. Будем ею шишки сбивать.

Стали они колотушку мастерить. Нашли тонкую сухую жердочку, нашли толстый сухой сук, обрезали, черёмуховой лычки надрали. Старик лычкой к концу жердочки сучок привязал, колотушка получилась.

Пошли они в кедровый бор орехи бить. Высоко колотушку поднимут, ударят по кедровому суку, шишки к ногам падают. Целую гору шишек набрали. Так и пошёл день за днём. Ловит Колькет рыбу, кедровые шишки бьёт, дрова собирает, огню в костре погаснуть не даёт.

А старик его всё новому учит.

Как стоя обласком править. Как лук со стрелами сделать. Как жильё построить.

Всему научился Колькет.

А старик вечерами всегда уходил куда-то, утром опять появлялся. Не раз он говорил Колькету:

— Кто другом к тебе придёт — хорошо встречай. На дружбе — мир держится.

Сидел как-то вечером у костра Колькет рядом с недостроенным ещё жильём. Услыхал парень лёгкие шаги. Оглянулся, видит — рядом лесной олень стоит. В рогах у него разлапистый сук застрял. Не мог олень сбросить его, измучился.

Встал, подошёл к нему Колькет, олень не шелохнулся. Парень сук из рогов вытащил, отбросил.

Вздыхнул олень радостно, головой встряхнул, словно поклонился Колькету, и исчез в тайге.

Переночевал парень. Утром пошёл за сухими жердями, жилище достраивать. Смотрит — стоит олень, ждёт его.

Колькет жердей набрал, связал, к становищу потащил, — олень рядом пошёл, плечо подставляет, будто говорит: дай, помогу! Колькету радостно стало. Перекинул через спину оленя конец верёвки. Потянули воз вместе. Дело веселей пошло.

И полетел по тайге слух:

— Добрый человек в лесу живёт.

Как-то, на утренней заре, приковылял к Колькету журавль. Он ногу на кочке вывихнул. Колькет и ему помог.

Улетел журавль весёлый.

Немного времени прошло, смотрит Колькет — к нему вся журавлиная стая вышагивает! Спасибо пришли сказать.

Стали журавли пляски разыгрывать, веселить Колькета.

Молодой журавль на журавушке женился. Пляски začались свадебные журавлиные. Так занятно плясали журавли, колена выкидывали — весело стало Колькету.

И журавли довольны. Наигрались, наплясались, к себе домой отправились.

...А дни шли да шли.

Построил жильё Колькет. Рыбы навялил, засушил. Кедровых шишек много набрал. За работой незаметно похудел Колькет. Стал лёгким на ноги, сильным на руки.

Тем временем осень подошла к тайге.

Взмахнула она одним крылом — берёзы в золотой цвет одела. Взмахнула другим — осины багряным цветом покрылись. Цветом зари загорелись на рябинах гроздья ягод.

Потянулись с севера гусиные караваны на юг.

Тут старик будто вспомнил:

— Ох, Колькет, отец с матерью тебя, поди, потеряли. Грузи орехи в обласок. Клади туда рыбу. Езжай к родителям. Я покажу, в какой они стороне живут.

Обрадовался Колькет, начал собираться. Стал в обласок рыбу сушеную, вяленую грузить, орехи складывать. Полный обласок нагрузил, а всего ещё много остается. Что делать?

Откуда ни возьмись — помощь пришла. Первым олень прибежал — грузи на спину два мешка. Потом медведица с медвежонком явились, по мешку орехов в охапки взяли. А тут и журавлиная стая пришагала. Каждый по большой рыбине в клюв взял.

— А кому жильё останется? — спросил старика Колькет.

— Охотнику, прохожему пригодится. Положи туда запас рыбы, орехов. Дров сухих припаси, — посоветовал старик. — Может, человек голодный, мокрый придёт. Спасибо скажет.

Так и сделал Колькет. А старик сказал ему на прощанье:

— Помни, сынок: чужим трудом не проживёшь, человеком не станешь.

Колькет поклонился старику, спасибо сказал.

Стоя в обласке, против течения, навстречу солнцу поплыл Колькет.

А по берегу весь караван за ним отправился. Долго вслед им смотрел старик.

Дивилась тайга: плывёт против течения, стоя в обласке, человек, а по берегу, один за другим, бегут за ним круторогий олень, медведица и медвежонок, выступают один за другим журавли с поклажей.

Ох, как обрадовались отец и мать Колькета!

Как вырос, изменился Колькет!

Отец говорит:

— Совсем большой сын стал. Может, ты сильнее меня.

Тут взял Колькет отцовский лук, стрелу с железным наконечником, натянул тетиву до плеча, пустил стрелу. Полетела она к дальней сосне, поломанной бурей, ударила в ствол, насквозь прошла.

— Хорошо, сынок,— сказали отец с матерью.

Угощать они сына стали.

На праздник пришли к ним медведица с медвежонком, прибежал круторогий олень, прилетели друзья-журавли, примчались шустрые белки. Старик пожаловал. Его на самое почётное место усадили. Он что-то по пути черёмухе сказал. И вдруг та девушкой в белом платье обернулась, и её к столу позвали.

Всем угощенья хватило, много разной еды было, кому какая нравится.

А медвежонок сел к туюску с мёдом, обнял его, начал лапами мёд черпать, ел, причмокивал, живот поглаживал. Обьелся, лёг на спину, лапы раскинул. Тут медведица спохватилась, за шиворот медвежонка взяла, к речке повела.

А медвежонок идти не может, падает.

Медведица за загривок подняла его, в реку окунула, заставила воду пить, купаться.

Смеялись все в тайге, на медвежонка глядя.

А потом долго ещё праздник шёл.

Журавли свои танцы показывали. Медведица со стариком в пляс пошли. Затанцевали таёжные цветы сараны, хорювод девичий закружили. Девушка Черёмушка с Колькетом с ними вместе плясали. А белки в больших колёсах кружились, карусель делали.

Долго в тайге все помнили, как пир шёл.

И нам о том рассказали.

Маченкат

Давно это было. Жили брат с сестрой. Отца, матери не помнили, одни в тайге выросли.

Сестра дома пищу готовила, а брат зверя промышлял. Подошла охотничья пора — брат в тайгу собрался.

Брат сестре наказывал:

— Маченкат, если гости будут, ты хорошо встречай. Бурундучок придёт — накорми, сорока прилетит — накорми.

Брат ушёл. Сестра из меха шубу шить начала. Работала, работала — ни сорока не прилетела, ни бурундучок не пришёл — медведица пожаловала! В дом вошла — поклонилась.

Маченкат испугалась, к печке подскочила, золы схватила — зверю в глаза бросила.

Медведица лапой прикрылась, заревела, по дорожке, по какой брат ушёл, побежала.

Время пришло — снег таять начал. Сестра брата ждёт. Сегодня ждёт и завтра ждёт. На край высохшего болота вышла. Видит: вихорь-снег вдали поднимается, будто брат идёт навстречу. Думает: «Сердится, видно, на меня брат!» Смотрит, а вихорь пропал, брата не видно. Пождала, пождала, повернула лыжи назад, пришла домой. Вечер прошёл, ночь прошла, а брата и утром нет.

Живёт Маченкат дальше. Снег совсем сходить начал. Снова она лыжи надевает, отправляется брата встречать. На болото вышла, опять то же видит: брат навстречу идёт, снег-вихорь вверх поднимается. Маченкат подумала: «Пусть сердится брат — пойду встречать!» Доходит до того места, где вихорь поднимался, а брата здесь нет, как не бывало. Лыжня, где он шёл, заровнялась, а по ней медведь прошёл. Сестра по медвежьему следу пошла. Дошла до края тайги — стоит нарта брата, а его нет нигде. Брат, видно, домой шёл, медведь его встретил. Сестра подумала: где искать брата?

...Вечером себе котомку сделала. Всю ночь не спала. Утром, только светло стало, на улицу вышла. Лыжу взяла, бросила к вершине реки. Лыжа катиться не стала, перевернулась.

«Туда дороги мне нет», — подумала сестра. Лыжу на низ бросила к устью. Туда лыжа покатилась. Вот куда идти надо.

Маченкат на лыжи, выдренным мехом подбитые, встала, по тому пути, куда лыжа покатилась, пошла.

Долго ли, коротко ли шла — вечерняя пора подходит, дрова заготавливать время настало. Переночевать надо. Маченкат пней гнилых натаскала. Для растопки пень берёзовый сломить надо. Сломала пень — из-под него лягушка выскочила.

— Какая беда! — лягушка закричала. — Ты мою избу сломала. Хочешь меня заморозить?

Девушка ей говорит:

— Сломала — поправлю, я ведь не знала, что тут твой дом...

— Давай вместе ночевать, — говорит лягушка, — сёстрами будем. Я сейчас костёр разведу, котелок вскипячу, ужин сделаю.

Занялась лягушка делом: гнилушки сыплет в котёл. Девушка говорит ей:

— Не будем гнилушки есть. Мясо сварим. У меня запас есть.

Согласилась лягушка:

— Давай мясо есть.

Сварили ужин, поели. Легли спать. Утром лягушка говорит:

— Давай поменяемся на время одеждой и лыжами.

Девушка лягушкины лыжи-голицы надела, шубу дырявую надела, а лягушка её лыжи, мехом подбитые, и шубу взяла. Пошла девушка в гору, а лыжи назад катятся. Никогда она не ходила на лыжах-голицах — падает. Насилу догнала лягушку.

Лягушка радуется:

— Ой-ёй-ёй! Какие лыжи у тебя! Под гору сами катятся, в гору сами идут!

Маченкат говорит:

— Ох, какие худые у тебя лыжи! На гору не могла вылезти на них. За снег хваталась — все руки поцарапала.

Тут они снова поменялись всем. Лягушка свою дырявую шубу надела, а девушка — соболиную шубку.

Лягушка говорит:

— Ты, девушка, для подружки ничего не жалеешь. За это я, срок придёт, отплачу тебе.

Сварили они обед. Поели. Пошли в свой путь.

Долго ли, коротко ли шли, слышат, где-то лес рубят. Они ближе подходят. Видят, люди город большой строят. Лягушка сказала девушке:

— Сейчас нас женихи встретят. С золотыми подвязками мой жених будет, с ремёнными подвязками — твой жених.

Девушка лягушке отвечает:

— Что ты, сестричка, говоришь? В незнакомый город пришли, какие здесь женихи нам с тобой?

К берегу подходят, а два парня — навстречу к ним: одного звать Кана, другого — Колькет.

Кана — человек умелый был, знает всё и всё может сделать. Девушка смотрит на Кана. На нём золотые подвязки. Кана к лягушке подошёл, поклонился ей, на плечо руку положил, и тут она в девицу-красавицу превратилась.

Колькет подошёл к Маченкат, поклонился ей. Глаза голубые улыбаются, кудри вьются кольцами.

Колькет девушку Маченкат за руки стал брать:

— Я давно тебя ждал.

Она руку отдернула:

— Что ты! Никто меня сроду за руки не водил. Сама я сюда пришла, и на гору сама тоже пойду.

Колькет всё-таки помог на гору взойти. Им люди навстречу вышли, много народу. Утром стали свадьбы готовить, столы поставили. Весь народ на праздник собрали. Пир был большой.

Долго ли, коротко ли жили — снег растаял. С реки лёд унесло.

Маченкат говорит Колькету:

— Надо съездить на родную сторону, брата родного поискать.

Собрались Колькет с женой и Кана со своей женой. Сделали лодку крытую. На родину Маченкат поехали по реке. Кана говорит:

— Всё равно найдём его. Пока своего не добьёмся — искать будем.

Много ли, мало ли ехали, вдруг увидели они — несёт по реке шепки свежие. Подумали: «Кто шепки нарубил?». Ещё немного проехали, увидели — на вершине кедра сидят маленькие медвежата, делят кедровые шишки.

Слышат — спорят медвежата. Большой говорит: «Я свои шишки тёте отдам», а маленький говорит: «А я дяде отдам». Потом с кедра скатились на землю, к берегу подбежали, об землю ударились — ребятишками стали. Закричали:

— Дядя! Тётя! Нас в лодку посадите.

Кана говорит:

— Однако, нашли мы твоего брата, Маченкат.

Посадили ребят в лодку, поехали дальше. Вот старший говорит:

— Тётя, мама сильно рассердилась, когда услышала, что ты едешь. Отец не сердится. Он дома вас будет встречать, а мама медведицей обернулась. Ты только не бойся, подходи. Что у тебя есть, с тем и кланяйся ей.

Увидели они дом на берегу — брат Маченкат у входа их встретил. Обрадовался, всех в гости позвал. Вскоре в избу вошла медведица.

Маченкат вынула шёлку большой кусок, медведице поклонилась: «Прости меня», — сказала и шёлком накрыла её. Медведица на улицу вышла. Стряхнула с себя шкуру — женщиной стала. В избу вошла, словами не рассказать — какая красавица. От волос и бровей будто серебро сыплется. Тут они помирились, поцеловались. Смотрит Маченкат: у жены брата одна щека обожжена. Догадалась Маченкат, говорит ей:

— Разве я бросила бы золу в тебя, если бы знала? Брат наказывал: бурундучок придёт — накорми, сорока прилетит — накорми. А ты не бурундучком, не сорокой — медведицей пришла.

Брат сказал ей тут:

— Есть в тайге закон: кто другом в гости придёт, всегда хорошо встречай! На дружбе — мир держится.

Тут начался у них пир. Сухари из мяса были, оленина была, сало лосиное было.

Долго пировали.

Верное слово

Жил человек, растил сына. Вырастил лет до пятнадцати. Говорит своей старухе:

— Пора сына к делу приучать, пошлём его в тайгу на охоту.

Говорит отец сыну:

— Бери, сын, ружьё, становись на лыжи, иди зверя промышлять.

Сын сразу скучным стал, но всё-таки собрался. Оделся, на лыжи встал, ружьё взял, в тайгу пошёл. Недалеко ушёл, — лыжи у него не катятся, вкось идут. Ногами он еле двигает. Он-то чуть-чуть шевелится, а мороз его за руки, за ноги успеваёт хватать. Совсем заскучал парень. Сколько-то времени прошло, ничего не видел, никакого зверя не убил. Зря проболтался — идёт домой.

Отец его встретил, ничего не сказал. А своей старухе говорит потихоньку:

— Ну, сын молодой ещё у нас, не умеет работать, ума у него нет...

Сколько-то времени прошло — побольше полгода — орехи спели. Говорит отец сыну:

— Вот, сын, тебе колотушка, иди шишки бить, орехи запасать.

Сын опять скучным стал, но колотушку всё-таки взял, собрался, пошёл в лес. А колотушка на длинной палке тяжёлой кажется ему, нести её лень. Подошёл он к кедру, а тот высоко шишки спрятал, под самую вершину. Парню надо голову вверх задрать, колотушку поднять, ударить по веткам, чтобы шишки упали. Поднял он колотушку, ударил раза два: десять шишек упало. Парень тут колотушку бросил, неохота ему поднимать её — тяжело. Сел, наелся орехов, пошёл домой.

Отец его встретил, ничего не сказал. Живут они дальше. Подходит время — зиме скоро быть. Отец взял топор, подаёт сыну и говорит:

— Не хотел ты промысловым делом заниматься — берись за чёрную работу. Иди дрова рубить.

Сын топор взял, оделся, пошел в тайгу. Дошёл до первой берёзы, раз-другой взмахнул топором — бросил топор: неохота ему рубить.

Не понравилось ему и это дело. Отправился он — сам не знает куда. Пойду, дескать, куда попало, там помру.

Идёт некоторое время. Смотрит — старик навстречу. Голова, как снег, белая.

— Здорово, парень! Куда идёшь? — старик спрашивает.

А парень говорит ему:

— Отец меня прогнал. Отправился я куда попало.

Теперь этот старик ему говорит:

— Я тут недалеко рыбное место знаю. Речку. Ты со мной пойди, тут и жить будешь.

Парень его спрашивает:

— У меня хлеба нет. Как я там жить буду?

Старик ответил:

— Рыбу ловить будешь. Я тебе хлеба дам. Ниток дам. Свяжи сеть.

Старик хлеба ему дал, нитки дал. Повёл его к речке, где рыбное место знал.

Пришли туда — избушка стоит.

Вот старик ему наказывает:

— Сеть до утра свяжи. Завтра, ещё солнце не взойдёт, чтобы готова была. Я в то время приду.

Парень остался, чаю напился, начал сеть вязать. Связал. Солнце ещё не взошло — старик приходит.

На реку парня повёл, где сеть поставить — показал.

— В этом месте поставь!

Парень поставил. Старик ему говорит:

— До завтра не смотри. Утром смотреть будешь.

Переночевал парень — утром побежал смотреть сеть.

Посмотрел — ни одной рыбки нет.

Старик этот приходит, спрашивает:

— Попала рыба?

— Ничего не попало, — отвечает парень. — Я сеть сниму.

А старик ему говорит:

— Не снимай, парень, пускай до завтра постоит.

Парень опять за своё:

— Хлеб у меня кончился, — говорит. — Нечего есть.

Старик ему хлеба принёс и опять ушёл. Кто знает куда.

Парень ночевал опять в избушке один. Утром до солнышка встал, к берегу подходит, в обласок садится. Смотрит — наплыва не видать на середине. Кто-то попал в сеть! Поднял сеть — нельма попала! Чешуя, как серебро, чистая, блестит в воде.

Парень смотрит — в обласке никакой колотушки нет, нельму убить нечем. Он с обласка упорки снял, нельму ударить хотел. Только ему ударить — старик в это время с горы крикнул:

— Стой, парень! Не бей нельму. Как распутаешь, живую отнеси на гору.

Парень смотрит в одну сторону, в другую сторону → нет нигде старика! Только голос слышно.

Распугал эту нельму парень. Платок в обласке расстелил, на платок её положил. На гору поднялся, в избушку занёс.

Тут старик появился. Говорит парню:

— Большой стол на середину поставь. Эту нельму на стол положи.

Парень нельму на стол положил, белым платком накрыл.

Старик принёс две тарелки да два клубка ниток шёлковых, парню заказал:

— По клубочку на тарелку положи, по обе стороны нельмы поставь.

Парень вечером ложится спать, по обе стороны нельмы тарелки ставит, клубки на них кладёт.

Скоро уснул он. Проснулся — светать начинает. Огонь зажёт. Смотрит в эти тарелки, где два клубка ниток было, — обонх нет! Думает: «Куда у меня эти нитки девались?». А наверх не смотрит.

Потом каким-то родом взглянул кверху — висит под потолком чудесное полотенце.

Оттуда это полотенце снял, полюбовался.

А нельма ему человеческим голосом сказала:

— Чаю напьёшься, неси полотенце в город продавать. Тысячу рублей проси. Отец тебя встретит — тоже тысячу рублей проси.

Парень испугался, но послушался. Чаю напился, это полотенце продавать понёс.

Одному продаёт, другому продаёт — такую цену не даёт никто.

Ходил, ходил, смотрит — отец навстречу. Виду не подал, что узнал сына, спрашивает:

— Сколько это полотенце стоит?

Сын ему отвечает:

— Тысячу рублей.

Отец не подумал даже, тысячу рублей достал — сыну отдал. Больше ничего не сказал, ушёл.

Парень к избушке подходит, в окошко смотрит — глазам не верит!

Девушка сидит в избушке, возле стола. Красавица!

Он в избушку зашёл, сразу у двери встал. Понял, что нельма эта в девушку обратилась! Теперь эта девушка ему говорит:

— Ты что у двери встал? Иди сюда вперёд.

Парень подошёл к столу, сел.

Девушка ему говорит:

— Ты мне — суженый-ряженный, бери меня замуж!

Всяк бы такую красавицу взял!

Согласился парень.

Вечером она ему говорит:

— К тебе утром нарочный придёт, отец к себе позовёт.

Он тебя будет кормить, вином поить. Будет спрашивать: «Ты женился?» Ты обо мне не сказывай.

Парень согласие дал.

Утром встали. Чай пить садятся. Нарочный заходит.

— Парень, отец тебя звал.

Парень ему говорит:

— Чаю напьюсь, пойду.

Чаю напился. Отправился к отцу. Приходит. Отец его весь день вином поил, угощал, всё спрашивал:

— Ты не женился, сын?

Сын всё отвечал:

— Я на ком женюсь? Откуда в лесу жену взять?

Отец опять вином поит, опять спрашивает:

— Ты что, женился, сын?

Сын, когда шибко пьяный стал, нечаянно проговорился:

— Женился.

Тут отец ему говорит:

— Мой отец, твой дедушка, ножик складной на море потерял. Если до утра тот ножик не принесёшь — плохо тебе будет.

Парень заплакал, домой пошёл.

К своей избушке подходит. Жена у окошка сидит, спрашивает:

— Однако отец сладким вином таким напоил тебя, что песни идёшь поёшь?

— Нет, — говорит парень, — какие песни, жена. Я плачу иду. Отец велел складной ножик найти, дедушка потерял на море... До утра не найду — плохо мне будет.

Жена ему говорит:

— Ну, мы это уладим. Главное дело впереди. Ножик-то найдём.

Они на берег речки сели. Жена дудочку достала, в музыку начала играть. Тут сколько в воде разной рыбы было — вся пришла к берегу. Только чебака да шуки нет.

Жена в музыку посильнее заиграла. Шука приходит. Жена спрашивает шуку:

— Ты, шука, не знаешь, где дедушкин ножик?

Шука ничего не сказала — ушла.

Недолго время прошло — пришла обратно. В зубах чебака принесла.

Парень жене говорит:

— Ножик разве такой бывает? Она чебака принесла!

Жена ему чебака у шуки взять велела.

Парень этого чебака у шуки взял, на гору вынес. Жена велела брюхо чебаку распороть.

Распорол парень чебака — смотрит, складной ножик у чебака в брюхе лежит!

Теперь вечер настал. Уснули они. Пробудились — свет занялся.

Утром, только сели чай пить — нарочный приходит опять.

— Парень, тебя отец звал.

Парень ему говорит:

— Ну, ладно! Чаю напьюсь, пойду.

Чаю напился. Складной ножик в карман положил. Приходит к отцу, ножик на стол кладёт.

— Вот, отец, складник тебе принёс.

Отец ничего не сказал. Опять сына вином поил да выспрашивал:

— Ты что, сын, — женился?

Сын отвечает:

— Я откуда жену возьму? Жены у меня нет!

Отец опять его поить. Опять спрашивает:

— Что, женился, сын?

Сын спьяну сказал:

— Жена...

— Так, — обрадовался отец, — послушай... Раньше мой отец, а твой дедушка воевал, солдат из чугуна кормил. Чугун тот потерял. Если до утра чугун не принесёшь — худо будет.

Сын заплакал, на улицу пошёл.

— Где буду искать чугуна? Куда пойду?..

Идёт домой и плачет.

У окошка жена сидит, ждёт его.

— Ох, муж, каким сладким вином тебя отец напоил!
С песнями идёшь.

А парень отвечает:

— Не до песен мне. Я плачу иду. Отец мне сказал: мой дедушка воевал, солдат кормил, чугуна потерял, тот чугуна не найду — худо будет.

Жена ему говорит:

— Ну, из-за этого чугуна плакать нечего. Найдём.

Теперь они пошли на улицу. Сели. Жена его музыку достала, начала играть. Всякие птицы прилетели, разные зверьки прибежали. Только самой маленькой мыши нет.

Когда жена хорошенько стала играть — мышь приходит, самая маленькая.

Парень спрашивает эту мышь:

— Ты, мышь, не знаешь, где потерял чугуна?

— Как не знать! Я детёныш родила, из этого чугуна дом сделала. Ты чугуна возьмишь, всех их приберёшь.

Парень говорит:

— Зачем прибывать? Не буду! Ты знаешь, где чугуна,— веди...

Мышь побежала, парень — за ней. Дошли они до края леса.

Мышь показывает:

— Вот ваш чугуна...

Вырыл парень чугуна из земли, смотрит — мышата. На землю их положил, а чугуна принёс домой.

Вечером опять спать ложатся. Утром встают рано. Чай пить садятся — опять нарочный идёт:

— Парень, отец тебя звал!

Парень говорит:

— Ну, по крайней мере, чаю напьюсь, пойду.

Чаю напился, чугуна к отцу понёс.

Отец его опять тот день вином поил, опять спрашивал:

— Что, сын, женился?

Сын отвечал:

— Откуда я жену возьму?

Отец долго его поил. Когда парень шибко пьяный стал, опять спросил:

— Что, сын, ты женился?

Сын спьяну сказал:

— Есть у меня жена.

Отец говорит:

— Так, так, всё понятно, сын. Где-то, за морем, богатыри музыку держат — сама играет. Если ту музыку не достанешь — пропала твоя голова.

Сын заплакал, домой пошёл. Думает: «Как я ту музыку достану?» Подходит к своей избушке. Жена у окошка сидит, встречает.

— Ох, муж, каким сладким вином отец тебя напоил! Песни идёшь поёшь.

Парень говорит:

— Запоёшь, как волк в капкане, коли отец сказал: «Богатыри за морем музыку держат — сама играет...». Ту музыку не достану — пропала моя голова.

Жена ему говорит:

— Через море пойдёшь.

— Как я через море пойду?

— Я тебе полотенце дам и клубок ниток шёлковых. Когда на воду полотенце постелишь, обеими ногами станешь, эту нитку за оба конца полотенца привяжешь. Через море на полотенце отправишься. На море рыбы будут выплывать, тебя заманивать: «Взгляни, парень, сюда». Ты никуда не гляди. В свою сторону гляди.

Парень на полотенце встал, нитку за оба конца привязал, через море отправился.

Через море плывёт — рыба с одной стороны выскочит, крикнет: «Парень, взгляни сюда!» С другой стороны выскочит: «Парень, взгляни сюда!»

Парень в свою сторону смотрит и дальше плывёт. Через море переплыл, полотенце с ниткой в карман сложил. На дорожку попал, пешком пошёл.

Идёт, слышит, музыка впереди играет.

Приходит, стоит изба большая. Дверь на больших замках.

Парень думает: «Как в избу попасть? На семи замках дверь! Сломал бы я их. Тогда музыка моя была бы».

Пошагал он длинными шагами, ударил в дверь, сломал замки. В избу зашёл.

На середине стол стоит, на нём музыка сама играет. А в избе народу полно. На долгой скамейке богатыри сидят. С той и другой стороны кричат: «Парень, взгляни сюда». Парень в свою сторону смотрит. К столу идёт, музыку забирает, на улицу выходит.

Никто руки не поднял.

Он домой отправился.

Пришёл к этому морю. Полотенце достал из кармана, на воду постлал, нитку к концам привязал. Через море отправился.

Опять на море рыбы ему кричат по обеим сторонам: «Парень, взгляни сюда!» Парень никуда не взглядывает, в свою сторону плывёт.

Море переплыл, на берег встал, полотенце с ниткой в карман положил.

Приходит домой, в свою избушку.

Жена говорит:

— Хороший муж. Сходил — принёс.

Утром садятся чай пить. Нарочный идёт:

— Парень, тебя отец зовёт.

Парень говорит:

— По крайней мере, чаю напьюсь, приду.

Чаю напился, к отцу пошёл, музыку понёс. На стол поставил.

— Вот, отец, последнее тебе принёс.

Отец его опять давай вином поить. Сколько ни поил — сын не пьёт.

Отец спрашивает:

— Ты женился, сын?

Парень говорит:

— Откуда женился? Где жену взять?

Сколько ни спрашивал отец, не мог добиться.

Напоследок отец говорит ему:

— Вот, сын, скажу я тебе две правды. Первая правда: лёгким трудом не проживёшь, человеком не будешь. Вторая правда: дал слово, держи его!

Тут он ему наследство передал. Начали они гулять, пировать.

Идэ

Идэ маленький был, когда сиротой остался.

Мать умерла в тот год, когда Идэ родился. Отец — охотник, в урман зверя промышлять ушёл — совсем не вернулся.

Бабушка Идэ, — Имъял-Пая её звали, — его к себе взяла. Идэ большой мальчик стал, а всего боится. Никуда от бабушки не отходит, за бабушкин подол держится. Бабушка думает:

«Как отучить Идэ всего бояться, чтобы Идэ на рыбалку ходил, на зверя ходил, смелым охотником стал?..»

Кедровым орехам урожайный год пришёл. Совсем спелые орехи стали — можно собирать.

Бабушка Имъял-Пая говорит Идэ:

— Пойдём, Идэ, орешки собирать.

— Что ж, пойдём, бабушка.

Бабушка в обласок села. Идэ усадила, обласок толкнула — и поехали.

Ясный день был. Солнышко светит. Урман тихонько шумит. Тым-река от песка к песку бежит.

Три песка бабушка с Идэ проехали, на берег вышли, на гору поднялись, в тайгу пошли.

В тайге птицы поют. Далеко слышно — кедровка стучит. Орехи из шишек птичка выбирает.

Стали бабушка с Идэ орехи собирать. Кедровые ветви высоко головы подняли, в ветвях шишки спрятали. Старая Имъял-Пая колотушкой сучок ударит — крупные спелые шишки сами падают.

Полный обласок орехов насыпали, домой собрались.

Бабушка одну берестяную кошолку с орехами на горе оставила.

— Ох, Идэ, кошолку забыли. Сбегай, принеси.

Идэ на гору побежал, а Имъял-Пая обласок от берега оттолкнула.

Идэ с горы глядит — бабушка уехала! Идэ кричать стал, плакать стал:

— Зачем ты оставила меня, бабушка?..

Имъял-Пая не оглянулась ни разу. Сильно гребла веслом, и скоро обласок из виду ушёл.

Идэ один в тайге остался. По берегу бегать начал, искать, где бы спрятаться. Искал, искал — дупло нашёл. Залез в дупло, клубочком свернулся, лежит тихонько.

Солнце спускаться стало, ветер подул, дождь пошёл. Тайга шумит. Кедровые шишки падают, по дуплу стучат. Идэ страшно стало. Думает — звери пришли, съедят его.

Со страху Идэ кричать стал:

— Всего съешьте, но только голову не троньте...

А его никто и не трогает. Только стук кругом идёт — шишки падают.

Сколько ни боялся Идэ — заснул понемножечку.

Сколько ни спал — пробудился. Смотрит — светло стало. Солнце высоко. Птицы поют. Тайга тихонько шумит. Идэ сам себя шупать стал. Цел ли?

Левую руку протянул — здесь рука. Правую руку протянул — здесь рука!

Идэ из дупла выскочил, на ноги встал.

Смотрит — кругом шишки нападали. Ой, сколько шишек!

Идэ стал шишки собирать и страх позабыл. Некого бояться!

Большую кучу шишек собрал Идэ. На берег посмотрел, видит — бабушка Имъял-Пая приехала. Идэ бабушке руками замахал:

— Зачем меня одного оставила?

Бабушка ему говорит:

— Не сердись, Идэ. Ты — человек. Тебе никто ничего сделать не может. Человек — везде хозяин. Теперь ты ничего бояться не будешь.

Подумал Идэ: «Правду говорит бабушка — не надо бояться».

Помирился Идэ с бабушкой. Опять стали орехи собирать. Опять обласок полный набрали. Домой поехали.

Тым-река от песка к песку бежит. Высоко солнышко светит. Тайга тихонько шумит.

Хорошо!

С тех пор Идэ храбрым стал. Куда захочет — один идёт.

Так бабушка Имъял-Пая своего внука Идэ бояться отучила.

Год за годом время прошло. Вырос Идэ. Стал охотником — самым смелым охотником стал.

Медвежья трава

Осенью один охотник ушёл на охоту. Ушёл, да так и не вернулся в чум. Его жена подумала, что он погиб где-нибудь в лесу. Ходила искать, но не нашла. Поплакала и вернулась.

Прошла зима. На земле появилось много проталин. Стало тепло. В одно солнечное утро дети играли возле чума. Играли-играли да как закричат:

— Мама! К нам отец из лесу идёт!

— Какой там отец? — сказала она из чума. — Ваш отец осенью потерялся. Откуда он может прийти?

— Нет, мама, это наш отец идёт!

Мать вышла из чума и встретила мужа.

— Где же ты был целую зиму? — спросила она.

Муж сел и начал рассказывать всё, что с ним было.

— Осенью, когда я ушел на охоту, в лесу я встретил медведя. Стал его гонять. Пищи со мной было мало, я обессилел и не смог догнать зверя. Но я видел, что медведь ел какую-то траву. Я нашёл эту траву и думаю: медведь ест и сытый бывает, почему бы мне не поест её? Я поел и стал сытым. Погнался опять за медведем. Наткнулся на берлогу. Посмотрел: берлога пустая, зверь приготовил её, но не стал в ней зимовать. Я хотел идти дальше и не смог. От медвежьей травы меня бросило в сон. Голова падает. Куда пойдёшь? Я снял лыжи, поставил к дереву, повесил на сук ружьё, залез в берлогу, заткнул мхом вход, лёг на медвежью постель и уснул. Уснул осенью, а проснулся только весной. Вот какая сытная да сонная эта медвежья трава...

Какую траву ел охотник, он никому не показал. Но говорят, что в тайге сонная трава растёт и медведи знают её.

Хвастуны

В одном чуме жили трое — берёста, ягода брусника и горящий уголь. Они занимались охотой, но для этого у каждого из них было своё время. Уголь охотился только в ясные,

ведренные дни; берёста выходила из чума лишь в сырую, ненастную пору; брусника не боялась ни дождливых, ни солнечных дней.

Жили-жили они вместе и заспорили между собой. Заспорили о том, сколько кто из них проживёт.

— Я буду жить долго-долго,— сказал уголь.— Я никогда не погасну. Я — огонь, и меня все боятся.

— Нет, уголь, ты скоро умрёшь,— сказала берёста.— Я крепче тебя и брусники. Я переживу вас обоих.

— Нет, берёста, ты меня не переживёшь,— сказала брусника.— Я никогда не умру. Я не боюсь того, чего боитесь вы с углем.

Поспорили и притихли. Настал солнечный день. Уголь и брусника ушли на охоту, берёста осталась в чуме, чтобы дожидаться дождливой поры.

Уголь ушёл далеко в лес. Вдруг на небе собралась чёрная туча.

Уголь испугался и побежал в чум. Но из тучи хлынул дождь и залил уголь.

Брусника вернулась с охоты и говорит берёсте:

— Уголь-то пропал. Тоже хвалился!

Дождь лил и на другой день. Берёста поглядела на небо и сказала:

— Дождя я не боюсь, пойду на охоту.

— И я не боюсь,— сказала брусника.— Я тоже пойду с тобой.

Пошли. Ушли далеко в лес. Дождь начал стихать. Брусника посмотрела кругом и говорит берёсте:

— Вёдро будет.

Берёста испугалась, побежала в чум.

Вдруг появилось солнце, стало жарко-жарко. Берёста свернулась и умерла.

— Хвастунья! — сказала брусника, вернулась в чум и стала жить одна.

Был жаркий день. Брусника пошла на охоту. Вдруг появилась в небе туча. Брусника посмотрела на тучу и сама себе говорит:

— Что мне туча? Ни дождя, ни вёдра я не боюсь. Пусть льёт дождь.

Из тучи повалил крупный град и подавил бруснику.

Глухарь, утка и гусь

Утка и гусь встретили глухаря...

— Глухарь, полетим с нами на юг,— сказали они,— а то зимой ты здесь пропадёшь с голоду.

— Нет, я не полечу с вами,— ответил глухарь.— Если я улечу отсюда, что будут тогда есть люди зимой?

— А мы полетим. Зимовать не станем. Здесь холодно. Человек без нас не умрёт. Зимой он может добывать и есть рыбу. Рыба никуда не уйдёт: она здесь в озёрах живёт зиму и лето.

Глухарь на это ответил:

— Когда настанут сильные морозы, озёра и реки покроются толстым льдом и людям будет тяжело добывать рыбу. Без меня они умрут с голоду.

— Сам-то ты что будешь есть зимой?

Глухарь сказал:

— Пищи у меня много. Зимой я буду есть кедровую хвою.

— От этой пищи ты раньше людей пропадёшь. Если ты не хочешь с нами лететь, то мы тебя насильно утащим.

Гусь и утка схватили глухаря и потащили в тёплые края. Глухарь так заплакал, что от слёз у него покраснели надбровные дуги.

Утка с гусем бросили глухаря и улетели на юг.

**НЕНЕЦКИЕ
СКАЗКИ**

Песец и заяц

есец и заяц жили в одном чуме. Жили они вместе, а на промысел ходили врозь, всяк в свою сторону. Песец как-то спросил зайца:

— Я не знаю, куда ты ходишь и на кого охотишься. Скажи мне, что ты ешь?

— Я ем траву, тальник,— ответил заяц и спросил песца:

— А ты на кого охотишься и что ешь?
— Я ем мышей, птичьи яйца, рыбу, всякую падаль и разные объедки, — сказал песец. — Пойдём со мной на охоту, будем есть мою пищу.

Заяц не согласился:

— У меня светлые, чистые зубы. Я не хочу пачкаться о твою пищу.

Песец рассердился на зайца:

— Ты не хочешь идти со мной на охоту, так не будем жить вместе. Уходи от меня, ешь горький тальник и траву, я же буду жить в лесах и тундре. Только ты мне больше не попадайся, а то я и тебя съем.

Заяц с песцом разошлись по своим местам и стали врагами.

Лебедь

Весной на север прилетел лебедь. Встретил ворону. Позвонил. Ворона вышла за него замуж.

Прожили вместе лето. К осени лебедь собрался лететь назад в тёплые края.

Вороне стало жалко лебедя. Она начала уговаривать его, чтобы он остался вместе с ней на зимовку. Лебедь согласился прозимовать.

Вороны обрадовались и решили получше угостить зятя. Они собрали много разной падали, наварили полный котёл и позвали лебедя в гости.

Лебедь пришёл к воронам в чум. Вороны поставили перед ним полный котёл. Лебедь сунул нос в падаль и выдернул его обратно.

Лебедю не понравилась протухшая воронья пища. Он бросился бежать из чума, но попал ногами в котёл. Выдернул ноги из грязной падали и улетел в свои края.

Лебедь покинул ворон, но от их грязной пищи у него почернели нос и лапы.

Вот почему у всех лебедей носы и лапы, вместо красных, стали чёрными.

Олень и осетёр

Олень переплывал большую реку Детьче. На пути он повстречался с осетром.

Осетёр говорит оленю:

— Раньше мы с тобой никогда и нигде не встречались. Теперь встречаемся впервые. Какой же мы в честь этого друг другу сделаем подарок?

Олень говорит:

— Это неплохо. Только что я тебе подарю?

— Не знаю,— ответил на это осетёр.— Вот я бы тебе подарил хрящик от своего затылка. Возьми его.

— Тогда я подарю тебе за это кусок своего мяса.

Осетёр взял от оленя мясо и положил его к себе в жабры; олень же, получив от осетра затылочный хрящик, пристроил его себе между ноздрей.

Обменялись подарками и расстались.

Мыс Ылико

У одного богатыря была красавица жена. Об этом узнал другой богатырь — злой Ылико и решил похитить её. Ылико выждал, когда богатырь ушёл на охоту, пришёл в его чум, схватил красавицу и унёс.

Чум Ылико стоял далеко на мысе. А где был этот мыс? Богатырь не знал, поэтому он и не мог найти свою жену.

Тяжело было красавице в плену у страшного Ылико. Она никак не могла забыть своего любимого мужа и тосковала о нём. Каждый день, как только злой богатырь уходил на охоту, она выходила из чума, вставала лицом к родной стороне и начинала плакать. Плакала так долго и так сильно, что на том месте, где падали слёзы, образовались два огромных озера.

Богатыря того нет, красавицы — тоже, и Ылико нет нигде. Только на память людям остался на реке Оби мыс Ылико, да на вершине его, где грустила красавица, — два озера слёз.

Два брата

На правом берегу Оби жили два брата. Оба они были богатырями. Летом братья ловили рыбу, а зимой охотились.

Однажды осенью у богатырей не оказалось дров. В чуме стало холодно, и не на чем было сварить пищу.

Пришлось за дровами ехать за реку, где рос большой лес и стояла остроконечная сопка.

Один из братьев сел в лодку и переехал Обь. Выйдя на берег, он заметил, что забыл в чуме топор. А без топора дров не нарубишь. Хотел было возвращаться, но вдруг ударил сильный ветер и так раскачал реку, что плыть было нельзя.

Как быть?

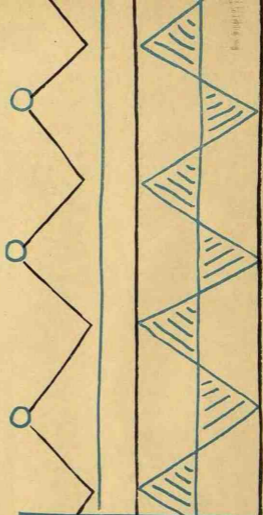
Поднялся богатырь на вершину голой сопки и закричал:

— Брат! Я забыл взять топор! Дай его мне.

Тот услышал крик, вышел из чума, взял топор, размахнулся и так швырнул, что он перелетел через Обь, ударился лезвием в вершину сопки и разрубил ее пополам.

С той поры и стоят на том месте две остроконечные сопки вместо одной.

Вот какие были богатыри!

**БУРЯТСКИЕ
СКАЗКИ**

Комар и стрекоза

осле зимних холодов комар оживает раньше стрекозы. Растаял снег, пригрело солнце, и ожил комар. Живёт комар, радуется, никто ему не мешает. Подросла трава, солнце стало греть жарче, ожила стрекоза. Увидела она, что комар лучшие места занял, на высокой траве сидит, поёт, радуется.

Ей тоже захотелось сидеть на высокой траве. Стали они спорить, кто хозяин высокой травы.

Комар пищит:

— Я хозяин, я вперёд тебя родился.

— Нет, я хозяйка,— затрещала стрекоза.— Я крупное насекомое, а ты малыш...

Комар обиделся. Пошли они к судье-оводу за правдой. Овод слушал, слушал и рассудил:

— Не кричите, разделите день пополам: стрекоза будет хозяйничать, когда солнце высоко — в полдень, а комар, когда солнце низко — вечером.

Мышь и верблюд

Поспорили мышь и верблюд.

— Я вперёд увижу солнце,— сказал верблюд.

— Нет, я вперёд увижу солнце,— ответила мышь.

— Ты не больше моей ресницы, а я — гора, зачем берёшься спорить?

Всю ночь верблюд смотрел в степь, на восток, чтобы солнце вперёд мыши увидеть.

Мышь сидела на спине верблюда и смотрела на запад. Хитрая мышь знала: когда настанет рассвет, солнце вперёд осветит высокне западные горы.

Начался рассвет, засияли западные горы, а верблюд всё смотрит на восток, ждёт солнца.

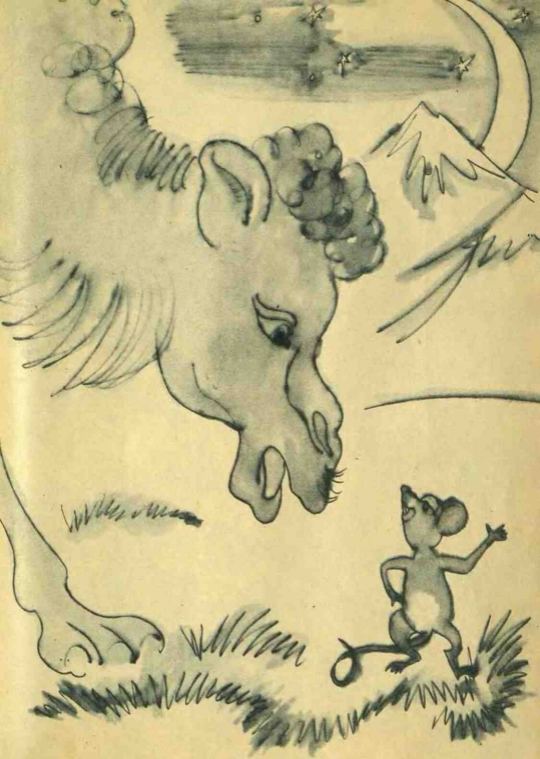
Мышь ему кричит:

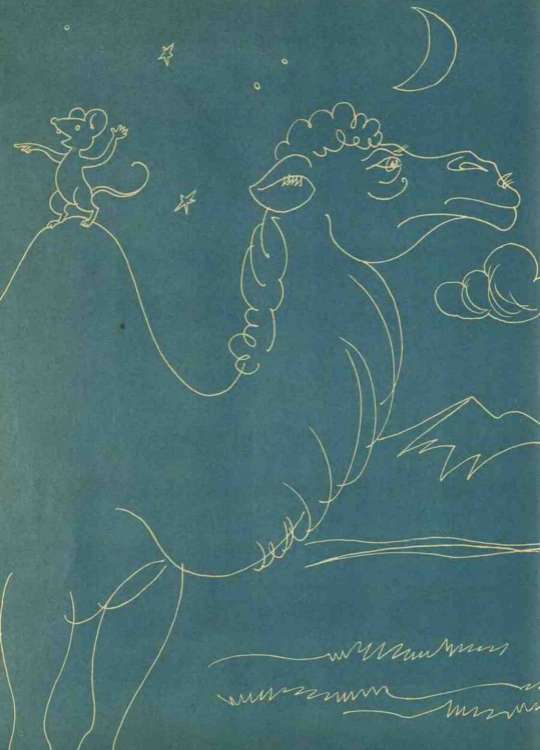
Верблюд сказал: что споришь, мышь?

Я — великан, а ты — малыш.

Так не хвались, что на рассвете

Ты раньше солнце разглядишь.

— Я вперёд увидела солнце, оглянись!

Оглянулся верблюд, видит: правда, горы на западе сияют. Маленькая мышь оказалась умнее большого верблюда. Поэтому первый месяц в году у бурят и называется месяцем мыши. Верблюд обиделся и навсегда ушёл в далёкие степи.

Летучая мышь и курица

Курица к летучей мыши пришла. Она захотела с ней навсегда подружиться. Взлетела курица на поленницу и закудаhtала:

— Где ты, летучая мышь, я пришла с тобой подружиться!

Летучая мышь ответила из тёмной щели:

— Я днём не могу выйти, от жары мои крылья высохнут, я к тебе вечером приду.

Опечалилась курица и ушла домой.

Ночью курица услышала щёлканье крыльев, это летучая мышь прилетела.

— Курочка, я к тебе в гости пришла.

Курица ответила жалобно:

— Я ночью ничего не вижу, тебя угостить не могу.

Летучая мышь улетела в лес. С тех пор не могут курица и летучая мышь подружиться.

Курице мешает ночь, а летучей мыши — день.

*Стоит верблюд, глядит и ждёт:
Когда же солнышко взойдёт?
Но тот, кто хвалится лишь ростом,
Впросак, бесспорно, попадёт!*

Ключ счастья

Бывали времена, когда солнце не озаряло землю, не было лета и зелень не украшала ни склонов гор, ни долин.

В те времена за Байкалом-морем, на склоне горы Бархан, жил степняк Айдархан. Не было у Айдархана скотинки, чтоб по степи прошла, не было собачки, чтоб тявкнула. Пас он стада ноёнов¹ на лучших пастбищах, имел лишь убогий шалашик. Вот и всё богатство Айдархана.

Сказывали, что Айдархан никогда не кушал пенок и масла, не пил тарака и арака², только подбирал остатки со стола своих хозяев; ходил тощий и худой, как изголодавшийся волк зимой.

Однажды пас он ноёновских овец, и случилась с ним беда: овцы провалились в глубокий овраг и подохли. Хозяин-ноён зарычал, как бешеная собака.

— Ты убил моих овец, чтобы жирное мясо их съесть!

Ноён схватил обгоревшую палку и до полусмерти избил Айдархана. Долго лежал на земле избитый пастух. Потом открыл глаза, приподнялся и стал просить Хухэ Мунхэ Тенгри — синее вечное небо — помочь ему спастись от ноёна, который бьёт его, как собаку. Долго просил Айдархан Хухэ Мунхэ Тенгри, свечу курительную зажжёт, кланялся, кланялся, — устал, упал на землю, заснул.

Приснился ему сон: одет он в красивый богатырский панцирь, стоит среди народа и держит в руке золотой ключ.

Пробудился — нет ничего, только ссадины да шишки от ноёновской палки. Мрачное небо нависло над ним, а вдалеке пятицветная радуга засияла, жаворонок взвился и защебетал. Прислушался Айдархан, жаворонок громко пел:

— Иди, ищи ключ счастья! Обрети достоинство, силу, храбрость мужчины! Иди на северо-запад!

Пошёл Айдархан. Шёл он много лет. Миновав высокие горы, широкие доли, кипучие реки и дикие леса, остановился у степного холмика, раздумывая, разглядывая дорогу. Она расходилась на три стороны. Куда идти? На одной дороге ле-

¹ Ноён — князёк.

² Арак — самогонка из кислого молока (чегея).

жал грубо отёсанный хоомэгшэ — деревянная палка от упряжки быка, на другой — старый хомут, на третьей — молот и серп, сложенные вместе.

Айдархан пошёл по дороге, где был сложен серп и молот. Дошёл до первого увала — подъехал к нему человек на тройке с бубенцами и колокольцами под дугой. Человек, одетый в золото и шелка, громко спросил Айдархана:

— Откуда и куда идёшь? Чей ты сын? Как тебя зовут?

— Я степняк Айдархан, не имеющий скотинки, чтоб по степи прошла, собачки, чтоб тявкнула. Я — бедняк, на богача работающий, не разгибая спины.

— Куда ты идёшь, торопишься?

— Иду и ищу золотой ключ счастья.

— Пойдём со мной, я помогу тебе.

Подъехали они к золотому дворцу с девяноста девятью окнами. Около дворца, на северном склоне, был посеян ячмень, на южном, в низкой долине — рис.

Одетый в золото и шелка крикнул Айдархану:

— Ты посеешь хлеб, уберёшь урожай, зерно смелешь в муку!

Айдархан работал день и ночь, старался до потери сил, серпа из рук не выпускал. Так прошло два года. Опять зазвенел колокольчик, поднялась страшная пыль, приехал одетый в золото и шелка. Он осмотрел посеянный на северной стороне ячмень, на южной — рис. Всюду прошла рука Айдархана, все поля были от сорной травы очищены. Увидел одетый в шелка и золото один стебелёк тощей полыни, рассердился, закричал, Айдархана костяной тростью по спине ударил. Убежал Айдархан, сел на бугорке и заплакал.

Подошёл к нему сильный, широкоплечий человек с молотом в руках, поклонился, ласково спросил:

— Товарищ, почему ты плачешь?

Никогда степняк Айдархан не слышал, чтобы его кто-либо назвал товарищем. Рассказал он о своём горе этому сильному человеку с молотом в руках, о своих поисках ключа счастья. Человек тот ответил:

— Ну, если так, пойдём вдвоём: я — Антон-труженик, дни и ночи работаю на фабриках и заводах, на дне тёмных шахт копаю уголь, добываю железо, дроблю камни... Я тоже ишу ключ счастья.

Степняк Айдархан и Антон-труженик крепко обнялись, взялись за руки и плечом к плечу пошли по одной дороге.

Антон-труженик держал тяжёлый молот. Айдархан — тонкий серп. Шли, шли, на опушке соснового бора, на гладкой полянке увидели человека с ласково прищуренными глазами, высоким лбом, лысой головой и светлой бородкой. На нём солдатская шинель, в руках книга. Пришедших он оглядел внимательными глазами, ободряющим голосом спросил:

— Ну, товарищи, как вас зовут, откуда и куда идёте?

Антон-труженик ответил:

— Я, копающий на дне тёмной шахты уголь и железо, работающий дни и ночи на заводах и фабриках, ищу золотой ключ счастья.

Айдархан сказал:

— Иду с той стороны Байкальского моря, я — бедный степняк, от худой жизни спасаюсь, тоже ищу ключ счастья.

— А что вы держите в своих руках?

— Серп и молот! — громко ответили Антон-труженик и степняк Айдархан.

Человек, озарённый солнцем, положил одну руку на плечо Антону-труженику, другую — на плечо Айдархану.

— Крепче держите в руках серп и молот, поднимайте выше красное знамя, идите в бой против двуглавого хана-орла! Он захватил и никому не даёт ключ счастья.

И повёл тот человек обоих — Антона-труженика и пастуха Айдархана. Пошли они, высоко подняв красное знамя, в сторону дворца хана-орла.

Подошли к дворцу, увидели: на высокой башне, построенной из человеческих костей, сидел, злобно клекоча, хан-орёл, рвал когтями добычу и жадно глотал кровавые куски.

Антон-труженик и Айдархан бросились на хана-орла, долго бились с ним и под конец сшибли его с башни. Потом они прогнали того, одетого в золото и шелка, который ездил на тройке с бубенцами и колокольчиками и заставлял людей сеять для него рис и ячмень.

Со всех сторон потянулся народ к Антону-труженику и Айдархану, все славили, благодарили победителей, добывших ключ счастья для народа.

Антон-труженик и степняк Айдархан стали братьями, крепко сжимали друг другу руки, радовались.

Айдархан вернулся в родные места за Байкал-море, на склон горы Бархан. Созвал бурятский народ, рассказал о великом человеке, живущем в травяном шалаше, озарённом золотыми лучами солнца, и о своём брате Антоне-труженике. Началась жизнь новая, счастливая для всех, кто любит труд.

Заяц

В давно-давние времена заяц всех боялся: летающих по небу птиц, ходящих по земле зверей, даже перед серыми мышами дрожал в страхе. Заплакал с горя заяц.

— Нет на свете зверя пугливее меня. Пойду утоплюсь в быстрой реке или сгорю в огне...

Побежал заяц умирать. Выскочил из кустов, слышит, кто-то испугался его, и бросился в сторону. Зашумели сухие листья. Видит заяц: бегут от него перепуганные овцы. Обрадовался:

— Ага, есть звери пугливее меня!

И от радости так расхохотался, что верхняя губа у него лопнула. Вот и стал заяц с раздвоенной губой.

Волк

Прибежал волк к реке. Видит, в грязи жеребёнок увяз. Захотел волк его съесть. Жеребёнок простонал:

— Ты сначала меня вытащи, а потом съешь...

Волк согласился. Жеребёнка из грязи вытащил. Жеребёнок огляделся.

— Подожди, волк, не ешь меня, я грязный, дай обсохну, грязь очищу, тогда съешь.

Обсох на солище жеребёнок, очистился.

Волк пасть разинул. Жеребёнок сказал:

— Подожди, волк, у меня в копыте задней ноги печать золотая спрятана. Возьми её, богатый станешь...

Обрадовался волк. Жеребёнок поднял ногу. Волк стал искать в копыте золотую печать. Жеребёнок так стукнул волка в лоб, что волк перевернулся животом кверху. Плачет, слёзы ручьями льются.

Жеребёнок убежал. Обозлился волк, думает:

«Почему же я его сразу не съел? Что он мне — сын или брат?»

Пошёл волк дальше. Около поскотины жеребчик пасётся. Волк зубы оскалил и заворчал:

— Я тебя съем!

— Садись на мою спину, — говорит жеребчик. — Я тебя прокачу, потом уж съешь меня.

Волк сел на жеребчика. Тот понёсся быстрее ветра. Пробежал под пряслом поскотины, а волк так стукнулся о верхнюю жердь, что упал с жеребчика и долго лежал как мёртвый. Встал, шатаясь, поплёлся к улусу.

Там свиньи паслись, землю рыли. Голодный волк закричал:

— Я вас всех съем!..

— Ты, волк, сначала послушай, как мы поём, — и свиньи громко завизжали.

Сбежались мужики, волк едва ноги унёс. Пошёл он обратно в лес, а навстречу ему охотничья собака.

— Я тебя съем, — говорит волк.

— Иди дальше. — Собака оскалила зубы.

Волк поджал хвост, отошёл. Увидел большую тушу козла, обрадовался:

— Тут уж поем досыта!..

Стал есть и в капкан попал.

ОХОТНИК

Однажды поехал охотник охотиться в тёмную тайгу. Подъехал к большому озеру, а над озером летают утки, садятся на воду, плавают.

Охотник подкрался к самому берегу, спрятался в густых камышах. Вдруг видит, идёт к озеру сохатый.

Утки закрикали, сохатому сказали:

— Выстрелит, выстрелит!..

Сохатый послушал уток, отошёл от озера, спрятался в кустах.

На высокой сосне сидела ворона и кричала:

— Неправда, неправда!..

Сохатый остановился, думает: «Кому поверить — уткам или вороне? Ворона сидит высоко, видит дальше уток. Утки наврали мне». И пошёл к озеру.

Подошёл, опустил голову, стал пить.

Охотник выстрелил и убил сохатого, содрал с него шкуру, взял мясо, внутренности выбросил.

Ворона похвALEется:

— Я сохатого обманула, теперь сама буду сыта, детей своих и родню накормлю.

Журавль

Собрал журавль птиц со всего мира. Захотел стать их царём. Собрались все птицы, кроме самой маленькой, звали её Буксэргинэ. Красивая птичка, певунья, как соловей.

Долго ожидали её птицы. Журавль свою длинную шею вытягивал, смотрел: скоро ли прилетит красивая птичка величиной с палец. Не вытерпел журавль и пошёл искать Буксэргинэ. Встретил её, сердито спросил:

— Почему так долго не летишь? Все птицы тебя ждут.

— Я из далёкого края летела, устала. Вот, видишь, сижу, отдыхаю, кормлюсь.

Журавль совсем рассердился:

— Из-за тебя я до сих пор царём не стал!..— и начал топтать Буксэргинэ. Правое крыло ей сломал.

Заплакала Буксэргинэ, слетелись птицы, спрашивают:

— Что с тобой случилось?

— Вот журавль на меня рассердился, крыло мне сломал.

Тогда птицы зашумели:

— О! Такой злой царь нам не нужен. Он нам всем крылья переломает.

Птицы стали судить журавля и решили его наказать.

Они сказали:

— Когда журавль будет лететь в тёплые края и обратно, он должен нести на своей спине и Буксэргинэ.

И теперь можно видеть: летит журавль, а маленькая птичка всегда сидит у него на спине.

Снег и заяц

Снег говорит зайцу:

— Что-то мне нехорошо.

— Наверное, ты таешь, оттого тебе и плохо,— ответил заяц. Сел на пенёк и горько-горько заплакал.— Жалко, жалко мне тебя, снег. Я всё по снегу бегал, круглые дырки делал. От лисицы, от волка, от охотника в снег зарывался, прятался. Как без тебя жить буду? Любая ворона, любая сова меня увидит, заклюёт. Пойду я к хозяину леса, попрошу его, пусть он тебя, снег, сохранит для меня.

Стал заяц плакать, хозяинна леса просить.

А солнце уже высоко ходит, жарко припекает, снег тает, ручьями бежит с гор. Затосковал заяц, ещё громче заплакал. Услышал зайца хозяин леса. Просьбу его выслушал и сказал:

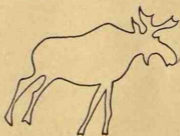
— С солнцем спорить не берусь, снег сохранить не могу. Шубу твою белую сменю на серенькую, будешь ты летом легко прятаться среди сухих листьев, кустарника и травы, никто тебя не заметит.

Обрадовался заяц. С тех пор всегда меняет зимнюю шубу на летнюю.

**ЭВЕНКИЙСКИЕ
СКАЗКИ**

К

Тамга Ленина

очевали в тайге эвенки. Учан, Атан, Умун. Хорошо промышляли зверя. Но всегда были голодны. В рваных чумах жили. Отбирал у них всё злой хозяин.

Плохо было эвенкам. Умиряли дети. Падали олени и собаки. Горько плакали эвенки. На жизнь худую жаловались.

Однажды сошлись Учан, Атан и Умун. Стали спорить, кто
ча земле самый счастливый. Учан говорит:

— Хозяин неба — солнце!

Атан:

— Хозяин тайги — дедушка медведь!

Умун:

— Хозяин реки — зубастая щука!

Решили всех счастливых спросить, как они счастье добы-
ли. Пошли к солнцу. Спрашивают:

— Счастливый! Всегда ты весёлый, горящий?

В это время чёрная туча закрыла солнце. Потускнело
солнце. Опечалилось. Ушли эвенки.

Пришли к хозяину тайги, к дедушке медведю.

— Дедушка, ты счастливый. Все тебя боятся. Всегда
ты сыт?

Медведь не отвечает. Катается по траве. Лапами землю
роет. Видят эвенки: около медведя колода валяется, из неё ту-
ча пчёл вылетает. Облепили пчёлы медведя, жалят.

Убежали эвенки.

Пришли к реке. Сеть большую забросили. Щуку зуба-
стую поймали. Спрашивают:

— Ты всегда жирная, сытая. Все рыбы тебя боятся. Ты —
счастливая?..

Смотрят эвенки: щука корчится, бьётся, умирает она.
Спрашивают эвенки у рыб, что с зубастой щукой случилось.
Налим насмешливо отвечает:

— Жадная щука пасть разинула. Не заметила и колю-
чую рыбу проглотила. Рыба та распорола ей брюхо острыми
перьями!..

Опечалились эвенки. Пошли.

Собрались в большом чуме. Стали думать, как отыскать
счастливого. Решили пойти к Ленину.

Долго собирались. Ещё дольше шли. Пришли к Ленину.
Шапки сняли. Поклонились. Говорят:

— Ум твой потревожим. Немножко тебя спросим: помо-
ги найти счастливого на земле...

Ленин эвенков спрашивает:

— Долго ли искали счастливого?

— Всю жизнь искали прадеды, деды, отцы. Нам и детям
нашим наказали искать!

— Не нашли счастливого?

— Нет, не нашли!..

— Плохо, эвенки, искали. Загляните в свои чумы!

Эвенки посмотрели друг на друга. Улыбнулись. Каждый думает: «Не я ли самый счастливый?»

Поклонились эвенки Ленину. Обратно в тайгу пошли.

Приходят в стойбище. Узнать его не могут. Всюду новые чумы стоят. Олени жирные пасутся. Жёны и дети весёлые песни поют. Собаки от голода не воют. Лежат сытые, на солнце греются.

Заходит Учан в свой чум. Его встречает мать:

— Учан, радость в твоём чуме: жена сына родила..

Учан выбежал из чума. Радуетя, кричит на всё стойбище:

— Я — счастливый! Сын у меня в новом чуме родился!

Вошёл Атан в свой чум. Его встречает отец:

— Атан, счастье в твоём чуме: все оленихи с оленятами стали! Стадо твоё удвоилось!

Выбежал из чума Атан. Радуетя, всем кричит:

— Я — счастливый! Стадо моё удвоилось!

Вошёл Умун в свой чум. Его встретил сын:

— Отец, радость в твоём чуме: жену я привёл, красавицу Алачар. Внук скоро у тебя будет!..

Выбежал из чума Умун. Радуетя, кричит, чтоб все его слышали:

— Я — счастливый! Внук у меня скоро будет!

Собрались Учан, Атан и Умун в большом чуме. Гостей позвали. Веселятся. Жирное мясо едят. Песни весёлые поют. Повеселились. Притихли. Задумались. Умун говорит:

— Счастливые мы, но ненадолго.. Время добычу нести злому хозяину. Опять горе: дети наши умрут, олени и собаки падут!

А гости громко смеются:

— Добыче своей вы хозяева!.. Злого хозяина нет теперь. Эвенки пошли на него войной. Из тайги выгнали.

Удивился Умун:

— Кто же в тайге теперь хозяин?

Опять громко засмеялись гости. Позвали сына пастуха Патамы. Сказали:

— Счастливую грамоту прочитай Учану, Атану и Умуну.

Они в долгой дороге были. Грамоты счастливой ещё не знают...

Сын пастуха Патамы прочитал счастливую грамоту. Умун спрашивает:

— Какая под счастливой грамотой тамга¹?

Сын пастуха Патамы отвечает:

— Ленина тамга!

Умун, Атан и Учан от радости пляшут, песни весёлые поют. Ленина в тех песнях славят...

Кто дал эвенкам солнце

В тайге живут эвенки, много трудятся, промысляя зверя. В мороз, в пургу ходят по тайге, на деревья глядят — белку ищут, на снег глядят — следы россомахи, рыси, колонка рассматривают.

Однажды собрались эвенки, юрту большую сделали, ельник наломали, ружья, луки к лабазу поставили — сели отдыхать. Жарили глухарей, о жизни разговаривали.

Вдруг смотрят — поднимается мох-ягель, а из-под него олень выходит. У оленя грива золотая, а рога серебряные. Сидит на этом олене богатырь Куладай Мэргэн. Эвенки и говорят:

— Деды наши жили, отцы жили, а такого не видели!

Куладай Мэргэн ловко на олене сидит, лук в руках держит, за поясом у него стрелы. Унты бисером расшиты, одежда из тонкой замши блестит, золотом переливается.

Говорит Куладай эвенкам:

— Зверя и пушнины добываете в тайге много, а жилы ваши сохнут. Худо живёте!..

— Правда, — отвечают эвенки.

— Оленей плодите, стараетесь, а стада ваши маленькие...

— Верно, — отвечают эвенки.

— Зимой холодно вам, летом гнус заедает, дети ваши болеют, умирают, темно кругом!..

¹ Тамга — подпись, знак.

— Совсем темно,— плачут эвенки.

— Есть на свете большое солнце! Кто поверит, тот счастливо по тайге кочевать будет, жизнь новая наступит.

Обрадовались эвенки, но скоро совсем почернело небо, опустился мох-ягель: нет оленя с золотой гривой, нет богатыря Куладай Мэргэна.

Поехали эвенки по стойбищам, сородичам своим рассказали, что видели.

— Какое такое солнце?

Все друг друга спрашивают, никто не верит. Злые шуленги-старосты смеются:

— Сон это был, спали вы, во сне видели. Никакого солнца нет!

Так жили эвенки семьдесят, ещё семьдесят да ещё семьдесят лет. Плохо жили: весной, летом, осенью — темно, зимой — холодно.

Родился в роду Чальчагир богатырь Чакулай — сильный, вёрткий, храбрый. Быстрее оленя бегал, в кол на бегу стрелял.

Пришёл Чакулай к лабазу, громко крикнул:

— Есть солнце! Искать его надо! Тяжело эвенкам дышать, совсем темно — сердце сохнет, умирают эвенки...

Раздвинулся мох, вышел олень — грива золотая, рога серебряные. Сидит на нём богатырь Куладай Мэргэн. Смело подошёл к нему Чакулай. Куладай Мэргэн сказал:

— Знал я, Чакулай, силу ты большую имеешь, эвенки любят тебя, о храбрости твоей говорят. Ты веришь — есть большое солнце! Сплети коробочку из волос. Ко мне смело приходи. Солнце добывать будем!

Опять исчез Куладай Мэргэн.

Идёт Чакулай, смотрит — пожар в тайге, лисята горят. Схватил он лисят, спас.

— И мы тебе поможем,— сказали они.

Идёт Чакулай, торопится, видит — волчата горят. Спас он волчат.

— И мы тебе поможем,— сказали они.

Подходит к большому озеру — карась лежит, задыхается. Столкнул он караса в воду, спас.

— Я тебе помогу! — крикнул карась.

Стал Чакулай волосы собирать, коробочку плести. Долго

плёл — семьдесят лет! Идёт он к лабазу, на пути гора, до са-
мого неба.

— Как перейти гору? — остановился Чакулай.

Прибежали лисята, о землю ударились — оленями стали.
Сел на переднего оленя Чакулай, через гору переехал.

Идёт дальше. Стоит тайга страшная. Болота, колодник,
камни — не пройти.

Прибежали волчата, о землю ударились — орлами стали,
понесли на крыльях Чакулая. Через лес перенесли, опустили
на широкую поляну.

Идёт по долине, озеро большое разлилось — берега дру-
гого не видно.

— Как пойду? — задумался Чакулай.

Выплыл карась, перевёз Чакулая через озеро.

На пригорке лабаз стоит. Смотрит Чакулай — мох под-
нимается, выходит олень с золотой гривой, с серебряными ро-
гами, а на нём — богатырь Куладай Мэргэн. Посадил он Ча-
кулая на своего оленя и повёз по дремучей тайге к солнцу.
Три года ехали — достигли солнца. Отломился кусочек солн-
ца, в коробочку Чакулая упал.

Обратно опять три года ехали. Приехали, олень с золо-
той гривой и серебряными рогами исчез, под мох ушёл.

Увидели шуленги коробочку из волос, стали её у Чакулая
отнимать. Храбро бился Чакулай с шуленгами. Шуленги кри-
чали:

— Не верьте Чакулаю! Нет солнца! Коробочку его уто-
пить надо!

Чакулай бросил коробочку на высокую лиственницу.
Разбилась она — небо побелело, по краям озолотилось. Вы-
соко встало солнце, тайгу осветило.

Радуются эвенки. Олени все к стойбищу прибежали, мно-
го оленей, как комаров в тайге. А солнце по небу, словно по
озеру, плывёт. Поднимается мох, выходит олень — грива зо-
лотая, рога серебряные, а на нём — Куладай Мэргэн. Гово-
рит он эвенкам:

— Вижу, верите вы, что есть большое солнце! Садитесь
все на оленей!

Сели мужчины на быков, женщины на маток, дети на
оленят. Все олени рядом идут — лес расступается. Спусти-
лось солнце на рога оленей. Ехали сто тысяч эвенков. Впереди

Куладай Мэргэн. Народ дал ему другое имя — назвал Коммунистом. Это он эвенкам солнце дал.

Потом Коммунист в большой город уехал — там жил. Чакулая к себе вызвал, всё про эвенков спрашивал. Любил тайгу, любил эвенков. И эвенки стали коммунистами, по новой дороге пошли.

Человек на красном олене

В старые времена хозяевами эвенков были два волосатых великана. С восхода солнца и до заката бились те великаны между собой. Один кричал:

— Я буду хозяином тайги! Мои эвенки!

— Нет, я буду хозяином тайги! Мои эвенки! — отвечал другой.

А эвенки несли волосатым великанам лучшую добычу.

Волосатые всё пожирали и грозились:

— Худо вам, эвенки, будет! Плохой едой кормите! Жирных оленей давайте! Лося убейте, мясо несите нам.

Совсем оголодали эвенки, а волосатые великаны ещё злее стали:

— Худо вам, эвенки, будет! Плохой едой кормите! Сыновей и дочерей своих давайте!

Горько заплакали эвенки и собрались умирать.

Вдруг небо загорелось, и над тайгой красный олень пронёсся. Опустился он возле чумов. С оленя сошёл человек. Такого человека эвенки в тайге никогда не встречали. Подходит он к эвенкам, глаза шурит и светло улыбается:

— Какую работу делаете, эвенки?

Ему никто не отвечает. А он опять глаза шурит и опять светло улыбается.

Видят эвенки, человек ладный приехал. Тогда один из них и говорит:

— Этот мужик нам незнакомый. Однако пусть гостем будет.

Другой спрашивает:

— Зачем к нам приехал? Какого рода ты будешь? К худу или добру твой приезд?

Человек отвечает:

— Хочу узнать, отчего эвенки собрались умирать?

Эвенки обиделись:

— Умирать не собирались...

А человек спрашивает:

— А кто у вас на горе сопит? Кому вы такое множество жирных оленей пригнали, горы мяса лосиного припасли?

Эвенки опять обиделись:

— Если о худом спрашиваешь, иди своей дорогой!..

— Я худое пришёл погубить!

Эвенки рассмеялись:

— Когда же комар лося борол? В какие это времена было? Что-то мы не помним!..

А человек говорит:

— Почему у вас память короче утиного носа? Разве вы забыли, что туча комаров даже дедушку медведя заставляет плакать, стадо лосей и оленей загоняет в реку...

Эвенки переглянулись.

Слова того человека услышали волосатые великаны, думают: «Кто это в кучу эвенков собирает, не пошли бы они войной...»

Тогда один волосатый великан крикнул:

— Чей голос я слышу?

От крика волосатого великана с деревьев листья, хвоя и ветки попадали, и стали деревья голые и мёртвые.

Другой волосатый крикнул:

— Чей голос я слышу?

От его крика все эвенки на землю повалились.

А человек тот стоит, лицо у него сердитое, говорит строго:

— Голос ваш слышу, однако силой померяться желаю.

Волосатые великаны расхохотались.

Один сказал:

— Некогда мне тебя, слабосильного, душить, завтра поборюсь с тобой мизинцем левой руки...

Второй волосатый добавляет:

— Некогда мне тебя, слабосильного, душить, завтра поборюсь с тобой мизинцем правой руки...

Эвенки лежат на земле, охваченные страхом.

А человек им говорит:

— Не братья ли вы трусливого зайца? Вставайте, надо работу большую к утру сделать.

Эвенки поднялись, человек их учит:

— Надо яму рыть глубокую, чтоб до дна её путь был такой же, как от земли до неба.

Эвенки послушались того человека. Собралось их со всех стойбищ многое-множество, больше, чем комаров на всей земле.

К восходу солнца вырыли яму, глубиной равную пути от земли до неба. Те, кто стоял на дне, кричали наверх, но их голосов никто не слышал.

Тогда старики сказали тому человеку:

— Зачем ты пришёл к нам? Ты много эвенков в яме сгубил...

А человек стоит, глаза щурит и улыбается ласково:

— Эвенки, соберите со всех чумов кожаные ремни и свяжите их вместе.

Собрали эвенки кожаные ремни, связали в один, а до дна ямы достать не могли, спрашивают человека:

— Как доставать людей будем из ямы?

А человек по-прежнему глаза щурит и ещё ласковей улыбается:

— Возьмите мой пояс, его привяжите, тогда хватит.

Так и сделали. Со дна ямы все эвенки вылезли. Эвенки развязали ремни и унесли в чумы.

Когда взошло солнце, тот человек яму накрыл тонкими жёрдочками, мхом обложил, цветами нарядил, встал на середине над самой ямой и качается.

Проснулись волосатые великаны и закричали:

— Где еда жирная? Почему эвенки непослушные?

От крика волосатых реки вышли из берегов, горы закачались, чумы эвенков развалились.

А человек стоит на жёрдочках и тихонько качается:

— Жду вас, волосатые, чтоб силами померяться!

Волосатые усмехнулись и сказали:

— Надо этого слабосильного раздавить! Иди ты!

— Нет, иди ты! Я не хочу поднимать мизинца!

До полудня волосатые спорили. Тогда тот человек им сказал:

— Оба идите, силы у меня на вас двоих хватит!
Волосатые пошли. Смотрят, человек стоит и земля под ним колышется.

Волосатые спрашивают:

— Что делаешь? Где у тебя лук и стрелы? Какова твоя сила?

Человек отвечает строго:

— Отойдите, видите, силу какую имею, подо мною земля прогибается.

Один великан смеётся:

— Я ногой топну и то шатание земли остановлю!

— Нет, я ногой топну и то шатание земли остановлю! — кричит второй.

Человек, глаза сощурив, хитро отвечает:

— Топайте оба, а колыхание земли вам всё равно не остановить...

Человек отошёл на край ямы, а великаны подошли, топнули и в яму провалились.

Когда до дна долетели, в темноте сцепились, стали драться и до сих пор дерутся.

...Эвенки стали счастливыми.

Оглянулись, а человек тот на красном олене над тайгой летит и путь в тёплую сторону держит.

Эвенки стали просить:

— Живи с нами. Чум тебе поставим из белых шкур оленя.

А человек рукой машет:

— Надо мне в другую тайгу лететь, у всех эвенков побывать.

С той поры много лет прошло, старики часто рассказывают о красном олене и чудесном человеке.

Дети спрашивают стариков:

— Кто был тот человек?

Отвечают старики:

— Сами того не знали... Вот кто был, — и вытаскивают из-за пазухи листок, а на нём изображён человек с большим лбом, с короткими волосами на висках и с острой бородкой цвета жёлтой травы. Сидит он, шурит глаза и ласково-ласково улыбается.

...Вот кто это был!..

Как перевелись чёрные гуси

Леса поблѣкли. Закружились сухие листья, травы повяли, птицы притихли. Стая гусей на юг улетела.

Впереди чёрный гусь летел. Он считал себя самым лучшим гусем на земле. Стая послушно за ним спешила.

Чёрный гусь голову наклонил, на землю посмотрел; мелькали горы, поля, озѣра, реки. Чёрный гусь гордо загоготал:

— Смотрите, каков я!

Стая тоже загоготала.

Чёрный гусь стал похваляться:

— Да, я — лучшая птица на свете! Нет меня смелее, нет быстролѣтнее. Находятся птицы, которые орла хвалят. Ну, что такое орѣл? Верно, птица эта суровая, гордая. Однако что эта птица ест? Что? Своих же братьев птиц, мышей поганных, сов вонючих! Нет у орла сердца, в крови клюв у него! Или лебедь! Уж очень уважают его люди: и красив-то он, и ласков-то он, и все любят его. Какая же это птица, коль служит она людям для забавы? Или утка. Птица ладная, но ведь хозяин озера сделал её обжорой, отяжелела она, жиром заплыла.

Перебрал чёрный гусь всех птиц, лучше себя искал, не нашѣл. Ещё громче загоготал. Когда гусиный гогот утих, шум в небе стал слышен. Чёрный гусь сказал:

— Хозяин неба сердится, дождь будет...

Шум опять послышался, чёрный гусь оглянулся. Вслед неслась стая белых птиц. Чёрный гусь засмеялся:

— Пусть догоняют. Я ещё не встречал той птицы, которая бы меня догнать могла.

Чёрный гусь летел быстро, гуси за ним летели, торопились, отстать боялись. Шум слышался близко. Опять оглянулся чёрный гусь, белые птицы были недалеко. Чёрный гусь сильнее взмахнул крыльями, в струнку вытянулся. Гуси совсем заторопились, слабые отставать стали, теряться. Чёрный гусь хохотал, похвалялся:

— Даже ветер отстаѣт! Нет на свете птицы быстрее меня.

Вдруг ураган пронѣсся над стаей, свист и грохот потряс

небо из конца в конец: пронеслась стая огромных белых птиц.

Испугались гуси, камнем попадали вниз.

Чёрный гусь не заметил, как и сам очутился в грязи, в камышах у Зелёного озера. Над озером плыл пух, летели перья. Волоча переломанные крылья, чёрный гусь подполз к болотной кочке, притих. Стая смотрела вслед белым птицам-великанам...

Лежит чёрный гусь возле кочки, слышит слова злые, обидные. Как горячие капли, те слова жгут его гусиное сердце. Белоснежная гусыня, поправляя клювом растрёпанные перья, шепчет в ухо соседке:

— Трус наш вожак, однако, трусливее зайца!

Соседка тихо плачет:

— Жалкий он, обшипанный гусак... Взгляни на меня, потеряла я свои красивые перья. Крыло левое у меня совсем облезло... Улетела бы я с серебристыми великанами...

Как стемнело, гуси заснули. Только сторожевой гусь не спал: стоял на одной ноге, вытягивал шею, чутко прислушивался к ночным шорохам.

Не спал и чёрный гусь, он думал:

«Как же так? Ведь мне верили, меня любили, меня хвалили. А вот встретились эти белые великаны, гуси забыли, отшатнулись от меня, как от безумца...»

Из глаз его слёзы падали.

На рассвете сторожевой гусь тревожно загоготал.

Все гуси с земли взлетели. Лишь чёрный гусь сидел неподвижно.

Гуси долго кружились над озером, но куда лететь, никто не знал.

Стая спустилась вновь к озеру. Чёрного гуся не нашли. Поднялся гусь с подпалённой спиной, мрачно сказал:

— Разве может серый гусь жить, если небо победили огромные белые птицы. Смерть пришла серым гусям!

Гуси спрятали головы под крылья, собрались умирать...

— Нет! — раздался смелый голос.

Все гуси встрепенулись, смотрят: поднялся белогрудый гусь, изогнув по-лебединому шею, на кочку высокую взобрался:

— Белые птицы могут спорить с молнией, побеждать бу-

рю! Почему мы, гуси, должны умирать? У каждого свои крылья, своё счастье, своя дорога в синем небе! Вперёд, гуси! На юг!

Гуси весело загоготали. Перед отлётом отыскался и чёрный гусь.

Около болотной кочки лежал он совершенно голый. Ветер разносил его чёрные перья и пух. С той поры и перевелись на земле чёрные гуси.

Асаткан

Жила в горах красивая девушка.

Было у неё много оленей.

Вот стал её в жёны звать чёрт — авахи.

Девушка отвечает:

— Пригони, не сходя с места, всех моих оленей. Тогда я к тебе приду.

Стал авахи кричать, свистать. Поднялся ветер. Олени испугались бури. Прибежали в стойбище.

Авахи говорит:

— Асаткан, Асаткан, я оленей пригнал. Кочуй ты ко мне.

Асаткан села на самого большого, лучшего оленя. Отвечает авахи:

— Еду, еду к тебе.

А сама на олене мимо чума авахи промчалась. Точно птица пролетела.

Авахи зовёт из чума:

— Асаткан, Асаткан, иди скорее. Обед остынет.

А вместо Асаткан верховой олень отвечает:

— Ставлю, ставлю чум рядом с твоим. Сейчас к тебе приду.

Авахи ждать не хочет. Торопит Асаткан:

— Жду тебя. Иди быстрее-быстрее!

Опять олень вместо Асаткан отвечает:

— Поставлю чум — приду.

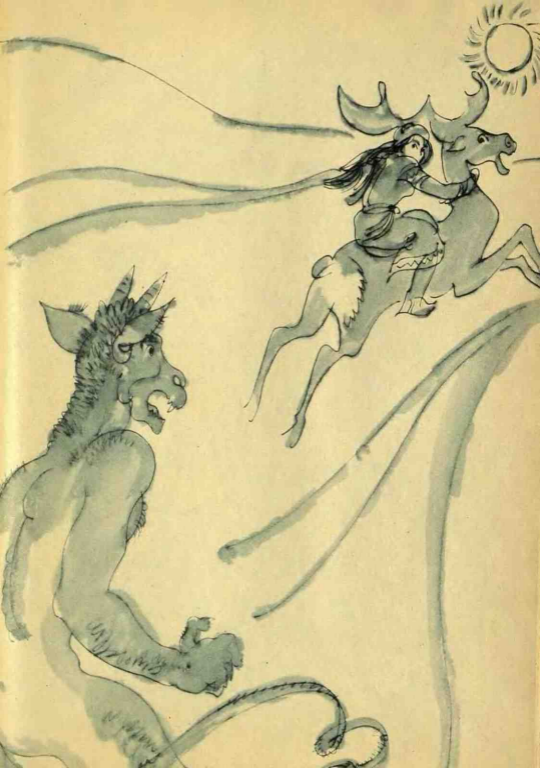
Подождал немного авахи. Опять спрашивает:

— Асаткан, Асаткан, ты, наверно, чум уже поставила?

— Поставила чум, поставила,— отвечает олень.
— Асаткан, Асаткан, почему же ты не идешь? — спрашивает авахи.
— Дрова рублю. Нарублю дров — приду,— отвечает олень.
Рассердился авахи, говорит:
— Асаткан, Асаткан, пойду сам тебя приведу, а то не дождусь.
Вышел он из чума — нет никого. Видит только, далеко впереди олень бежит. Схватил авахи лопату, что тут лежала. Ударил о землю лопатой. Сел на неё верхом. Помчался догонять Асаткан.
Скачет на лопате авахи. Увидел Асаткан, кричит:
— Асаткан, Асаткан, пусть у твоего оленя одна нога отнимется.
Вправду, одна нога у оленя отнялась.
— Авахи, авахи,— отвечает девушка,— пусть четверть твоей лопаты отпадёт.
Отломилась четверть лопаты. Рассердился авахи.
— Асаткан, Асаткан, пусть у твоего оленя вторая нога отнимется,— кричит.
Отнялась вторая нога у оленя. Но не останавливается олень. Бежит на двух ногах.
— Авахи, авахи,— говорит девушка,— пусть твоя лопата пополам разломится.
Только сказала Асаткан — лопата пополам разломилась.
— Асаткан, Асаткан,— говорит злой авахи,— пусть третья нога у твоего оленя отнимется.
Отнялась у оленя третья нога. Скачет олень на одной.
Асаткан кричит:

Не выдался красавцем — вот беда!
Не догоняй, не трать за зря труда.
Конечно, в жизни всякое бывает,
Но в сказке — не догонишь никогда!

— Авахи, авахи, пусть от твоей лопаты четверть останется.

Сломалась лопата. Одна четверть от неё осталась. Совсем рассердился авахи, говорит:

— Асаткан, Асаткан, пусть твой олень совсем без ног останется.

— Пусть твоя лопата, авахи, совсем сломается,— отвечает Асаткан.

Пока они так говорили, до речки доехали. Спрыгнула Асаткан с оленя. Ударилась оземь — пеной сделалась.

Скатилась в речку, поплыла.

Авахи за ней в речку бросился.

Несёт пену вниз по реке. Авахи за ней по речке гонится, поймать хочет.

Принесло пену туда, где лебеди плавают. Просит девушка лебедей:

— Лебеди, лебеди, спрячьте меня от авахи.

Спрятали лебеди пену под крылья. Подплыл авахи к лебедям. Те испугались, взлетели. Пена из-под крыльев выпала. Схватил авахи пену в рот, держит. Прилетела тут откуда-то птичка. Стала вокруг авахи кружиться. То на голову авахи сядет, то в длинный нос клюнет. Плывёт авахи по реке, руки заняты. Нечем ему птичку отогнать. Решил он схватить ртом её. Открыл авахи рот. Птичка выхватила пену, улетела. Взлетела на дерево. Оттуда вместе с пеной камнем о землю ударилась. Сильный гул по речке да по тайге пошёл. Авахи со страху в воду нырнул да и захлебнулся. Пена опять в Асаткан превратилась. Птичка парнем красивым сделалась.

Посмотрела Асаткан на стройного юношу, засмеялась. Поклонился тут низко юноша девушке и посватал её за себя.

Светлы, как солнце, юных два лица.

Нашли друг друга юные сердца.

Порадуемся вместе мы: ведь сказка—

Не сказка без счастливого конца!

Как старый Тока эвенков помирил

Жили три бедных эвенка-пастуха. Жили дружно: в гости ездили друг к другу, в беде выручали друг друга.

Каждый эвенк имел по десять оленей. На каждом олене ставил свою тамгу. Пасли они оленей в разных долинах. Сойдутся, и каждый своих оленей хвалит.

Однажды ночью кто-то согнал оленей в одну долину и тамгу на всех поставил одинаковую. Встали утром пастухи, и никто своих оленей узнать не может.

Заспорили эвенки:

— Это мои олени!

— Нет, это мои олени!

Спорили долго, а оленей поделить так и не могли.

Пришли в чум своих отцов. Отцы сошлись, спорили, спорили и тоже оленей поделить не могли. Пришли эвенки в чум к своим братьям. Сошлись братья, спорили, спорили и тоже оленей разделить не могли.

Так ходили эвенки из чума в чум, никто не мог разделить их оленей. Тогда решили они отыскать самого умного в тайге и его спросить. Долго шли и дорогой всё спорили:

— Мои олени!

— Нет, мои олени!

Пришли в далёкое стойбище, спросили:

— Где самого умного сыскать?

Им ответили:

— Умнее Орумо-богача нет; стадо оленей у него самое большое...

Потоптались на месте эвенки, друг на друга посмотрели, сказали:

— Орумо-богач нам не поможет.

Ушли эвенки. В другом стойбище спросили:

— Где самого умного сыскать?

Им ответили:

— Шаман Алка — самый умный, силу имеет немалую...

— Не поможет нам шаман Алка, — ответили эвенки, — сила его тёмная, худая...

Пошли дальше. Видят: огромное стадо оленей пастухи пасут, стараются.

Спросили эвенки:

— Кто хозяин этого стада?

— Мы — хозяева, — ответили пастухи дружно.

Удивились эвенки:

— А тамгу чью ставите на оленях?

— Тамга на всех одинаковая, — ответил старый пастух Тока.

— Как одинаковая? — ещё больше удивились эвенки.

Пастухи ушли к стаду.

Старый пастух Тока сказал:

— Говорите, эвенки, о своей беде. Помогать будем.

Рассказали эвенки. Выслушал их пастух Тока, трубку из зубов вынул, и видят они через синее облачко дыма, как смеётся Тока.

— Я думал, у вас беда большая случилась, оттого так далеко шли...

Эвенки удивлённо переглянулись:

— Как разделим оленей: тамга у всех одинаковая?

А пастух Тока спрашивает:

— Дружно ли вы, эвенки, жили? А?

Отвечают:

— Дружно!

— Тогда зачем же оленей пасти врозь, пусть у них будет одна тамга, один хозяин.

Эвенки зашумели, обступили пастуха Току:

— Кто, кто хозяином оленей будет? Кого назовёшь из нас? Тебя, старого, слушать будем!

Опять Тока трубку из зубов вынул, облако дыма пустил и говорит:

— Ваше стадо — вы и хозяева.

Обрадовались эвенки, каждый думает: «Как я разбогател: было у меня десять оленей — стало тридцать».

Попрощались они с пастухом Токой и довольные ушли. Идут и говорят:

— Однако, старый Тока самый умный в тайге, другого искать не пойдём.

С того времени помирились эвенки, оленей пасут сообща, тамгу ставят одну.

Кукушка

В древние времена, когда на небе было два солнца и на земле всегда день белый сиял, кукушку считали первой певуньей.

Сядет кукушка на ветку, голову гордо вскинет, хвост расправит и поёт, на всю тайгу разливается. И птицы и звери слушают, кукушку хвалят.

Пришла пора всем птицам яички откладывать, птенцов выводить. Птицы заторопились: мох, траву, ветки таскать начали, гнёзда новые вить, постель тёплую готовить.

Только кукушка ещё больше важничает, над птицами смеётся, песнями по тайге разливается.

Собрались птицы, говорят:

— Как певунья наша жизнь будет? Как род свой на земле сохранит?..

Услыхала кукушка те птичьи речи, пуще смеётся:

— Эко, глупые!.. Не думаете ли вы меня заставить гнездо вить, птенцов высиживать?..

Птицы сказали:

— Худая голова у этой птицы: ума в ней меньше, чем у мухи, — и разлетелись по своим гнёздам.

А кукушка по-прежнему смеётся, песнями по тайге разливается.

Пришла пора и ей яички откладывать, но гнезда-то у неё нет.

Полетела она к озеру, видит: между кочек, в камышах, утка на яйцах сидит, старается. Кукушка ей говорит:

— Эко, милая, сидишь голодная, слетай покормись, я яички твои охранять стану.

Утка послушалась, полетела. Кукушка одно яичко из утино гнезда выбросила, своё положила.

Вернулась утка, села на яички. Кукушка улетела, на другой день прилетела она в поле, видит: куропатка в траве на яичках сидит, старается. Кукушка ей говорит:

— Эко, милая, сидишь голодная, слетай покормись, я твои яички охранять стану...

Послушалась куропатка, полетела. Кукушка одно яичко из куропаткиного гнезда выбросила, своё положила.

Куропатка прилетела, села на яички. Кукушка улетела. На третий день прилетела она к сухой осине, на ней большое гнездо, в нём ворона на яичках сидит, старается. Кукушка говорит:

— Эко, милая, сидишь, голодная, слетай покормись, я твои яички охранять стану.

Ворона послушалась, полетела. Кукушка одно яичко из вороньего гнезда выбросила, своё положила.

Ворона прилетела, села на яички. Кукушка улетела.

Вывели все птицы птенцов, птенцы подросли. Каждая птица радуется, своими детьми хвалится.

Утка крикает:

— Кря-кря! Эх вы, мои желтоносые... Идёмте к озеру, плавать, нырять будем!

Птенцы за ней бегут, крикают. Пришли к озеру, утка нырнула, поплыла, птенцы нырнули, поплыли. Один птенец по берегу бегаёт, крылышками хлопает, воды боится.

Утка кричит, сердится:

— Ты чужой! Я тебя утоплю!

Плывёт утка к берегу, птенца того утопить хочет. Подлетает кукушка, птенца с собой берёт.

Куропатка детей по траве ведёт, плачет:

— Пи-пи! Эх вы, мои быстроногие... Пойдёмте по траве побегаем!..

Птенцы за ней бегут, плакают. Один птенец сидит, крылышками хлопает, на ветку взлететь хочет. Куропатка кричит, сердится:

— Ты чужой! Я тебя насмерть заклюю!..

Бежит куропатка, чтоб птенца того заклевать. Подлетает кукушка, птенца с собой берёт.

Ворона детьми хвалится, каркает:

— Кар-кар-кар! Эх вы, мои чёрненькие...

Смотрит, а один птенец пёстренький. Ворона кричит, сердится:

— Ты чужой! Я тебя насмерть заклюю!

Ворона клюв разинула, птенца заклевать хотела. Прилетела кукушка, птенца с собой взяла.

Собрались кукушкины дети. Кукушка хвалится:

— Эко, мои детки, все вы в меня, красавицу-певунью, родились... Пусть птицы завидуют!..

Прилетели птицы пенье кукушкиных детей слушать.

Кукушка своих детей учит:

— Спойте, мои детки, как я пою...

Птенец, которого утка вывела, крылышками захлопал, клюв открыл:

— Кря!.. Кря!..

Птицы засмеялись, кукушка печалилась.

Птенец, которого куропатка вывела, крылышками захлопал, запищал:

— Пиф-пиф-пиф!..

Птицы опять засмеялись, кукушка ещё больше печалилась. Смотрит на последнего своего птенца, на него надеется.

Птенец, которого ворона вывела, крылышками захлопал, открыл клюв:

— Кар! Кар!

Птицы смеются, над кукушкой потешаются, а она от горя плачет, птенцам своим говорит:

— Эко, мои детки, непонятливые... Слушайте, как я весело пою!

А сама плачет, слёзы на траву капают.

Смотрит, дети от неё полетели: один к утке, второй к куропатке, третий к вороне. От такого несчастья у кукушки горло перехватило. Взлетела она на куст, клюв открыла, от горя и слёз заикается:

— Ку-ку! Ку-ку!

И стала кукушка вечной зайкой, печально кукующей...

Это она о детях печалится, о них стонет, жалобно кукует...

Как журавли стали небесными оленями

Было это давно, очень давно. И когда это было, не упоминай. Собрались у Большого озера все болотные птицы. Собрались и заспорили. Каждая хвалит себя:

— Я лучше всех птиц на земле,— кричит болотный кулик,— быстрее меня ни одна птица не летает!

— Глупый! — отвечает ему утка-нырок. — Скажи, кто лучше меня ныряет?

Из-за большой кочки вышел журавль:

— Жалкие вы птицы, взгляните на мои длинные ноги, и вы скажете, что журавль — самая лучшая птица!

Услышал это Лесной хозяин и сделал так, что утка стала обжорой, заплывла жиром и отяжелела, болотный кулик сжался — стал маленькой, незаметной птицей, а у журавля ноги высохли и не стали гнуться. Потому журавль-самка и высиживает птенцов на высокой кочке, в другом месте сидеть не может: прямые и длинные ноги некуда девать.

Все болотные птицы присмирели. Лишь журавль остался недоволен, рассердился на Лесного хозяина и пошёл к нему за правдой. В это время Лесного хозяина со всех сторон окружили пташки-пичужки. Они просили Лесного хозяина:

— Помоги! Зимой холодно, а на юг лететь нам тяжело: малы у нас крылышки, устаём мы, падаем, умираем.

И как только показался длинноногий журавль, Лесной хозяин рассмеялся:

— Вот вам, пташки, хороший небесный олень, он будет возить вас на юг...

С той поры, как только поднимутся в небо журавли, чтоб лететь в тёплые страны, их окружает тьма-тьмушая пташек. Они торопятся занять получше места на длинных ногах журавлей. Так каждую осень журавли отвозят от нас на юг пташек, а весной привозят их к нам обратно.

Собаки и человек

Возле чума, на синем снегу, три собаки сидели: пастушеская Оронка, охотничья Лайка, ездовая Нартка. Собаки спорили. Оронка хвалилась:

— Я человеку первая помощница, мне жирный кусок он бросит... Я ему стерегу самое дорогое — оленей!

— Глупая ты, Оронка, я лучшая собака, — отвечает Нартка, — мне человек жирный кусок бросит... Я вожу его добро, без меня он и кочевать не мог бы...

Лайка сердится:

— Эко, хвастуны, без меня бы все оголодали... Ведь я добычу в тайге ищу!..

Спорили собаки, спорили, бросились друг на друга и начали драться. Шерсть по ветру летит, снег вокруг красным стал.

Каждая кричит:

— Я лучшая собака!

Вышел из чума человек, собаки подбежали к нему, каждая собой гордится:

— Я лучшая собака! Я добычу в тайге ищу!..— хвалится Лайка.

— Нет, я лучшая собака! Я нарты вожу, кочевать помогаю,— сердито отвечает Нартка.

— Нет, нет, я лучшая собака! Я оленей стерегу!..— больше всех хвалится Оронка.

Человек смеётся:

— Ишь, загордились... Нет у меня лучшей собаки: всех одинаково кормлю, все одинаково мне дороги,— и ушёл в чум.

Обиделись собаки. Каждой хочется быть лучшей, жирный кусок получить.

Лайка и говорит:

— Худая у нас жизнь, надо бы от человека уйти, пусть без нас умрёт...

Так и сделали. Вышел человек из чума, а собак нет, убежали.

Пришли собаки в тайгу. Увидела Лайка белку, залаяла, по снегу забегала, белку на сосну загнала, хвалится:

— Я своё дело сделала...

А белка на дереве сидит, качается...

Тогда Нартка подбегает к Лайке:

— Ты устала... Садись на меня, я тебя подвезу.

Лайка, довольная, на Нартке поехала. Недалеко уехала.

Нартка говорит:

— Вот и я своё дело сделала.

А белка на ветке сидит, качается...

Оронка бежит, хвостом юлит, оленья стадо увидела, кругом обежала. Прибежала, запыхалась, на снег села, тоже хвалится:

— Вот и я своё дело сделала.

А белка на ветке сидит, качается...

Подняли собаки носы, на белку смотрят, голодные рты облизывают. Так сидели долго. Потом жалобно завyli. Ночь прошла, утро забелело. Лайка вскочила:

— Зайца чую! — и побежала по свежему следу.

Зайца нашла, лает, гонит к Нартке и Оронке. Нартка говорит Оронке:

— Садись, я тебя подвезу к зайцу...

Заяц видит невиданное. Собака на собаке едет.

Прыгнул через них и в чаще скрылся.

Стоят собаки, облизываются. Прошло много дней и ночей. Шерсть с собак ветер сдул, рёбра голые выставились.

Лайка жалобно воеет:

— Смерть нам, собаки, приходит, что будем делать?

Решили обратно к чуму человека идти. Пришли. Услышал человек шорох, вышел из чума:

— Ээ!.. беглецы вернулись... Эко подтянуло вас... Оголодали!..

Человек дал каждой собаке по большой жирной рыбине. Обрадовались они, жадно рыбу грызут, по сторонам озираются.

С той поры собаки друзьями человека стали, ему служат верно. Оронка пасёт оленей, Лайка добычу в тайге ищет, Нартка поклажу возит.

Лисица и женщины

Плыли на плоту две женщины, было у них в суме сушёное мясо. Лисица почуяла мясо и стала просить женщин, чтобы они взяли её на плот, как хорошего лоцмана... Вот плутовка и говорит им:

— Возьмите меня на ваш плот, я, не смотря, буду вам сообщать названия речек.

Женщины взяли лисицу на плот.

— Теперь накройте меня крышкой от юрты.

Женщины так и сделали. Этой же крышкой была по-

крыта и сума с сушёным мясом. Забралась лиса под покрывку ближе к мясу и начала есть.

Отплыли женщины, увидели устье реки и спрашивают:

— Какое название у этой речки?

Лиса, съевши мясо в верхней части сумы, отвечает:

— Верхняя!

Отдохнув немного, принялась лиса за среднюю часть сумы. Опять попадает на пути речка.

— А как называется эта? — спрашивают женщины у лисицы, а та, заканчивая мясо в середине сумы, говорит:

— Средняя!

После этого начала лисица есть мясо в нижней части сумы. Женщины, увидав речку, опять спрашивают её название. Лиса отвечает:

— Нижняя!

Покончив с мясом, лисица сказала женщинам:

— Теперь причалим!

Причалили, лиса выскочила на берег и убежала.

Лисица и птичка

Жила птичка, её гнездо находилось высоко на дереве. Однажды к птичке пришла лисица и, чтобы полакомиться, стала просить яйцо, при этом запугивала её.

— Если ты не дашь мне своих яиц, то я к тебе взберусь на дерево, а если не смогу взобраться, то дерево срублю.

Птичка испугалась и отдала все свои яйца лисице. Лисица яйца съела и отправилась в свою нору. Птичка осталась и плачет по своим яичкам.

Приходит к птичке рябчик и спрашивает её:

— О чём ты плачешь? Скажи-ка мне.

Птичка рассказала рябчику, что лисица съела у неё яйца.

— А зачем ты их давала ей? — говорит рябчик птичке.

— Ну как же я не отдам, когда она мне сказала: «Если ты их не отдашь мне, я взберусь к тебе на дерево, а если не смогу взобраться, то срублю дерево».

Рябчик спросил птичку:

— С каких пор лисица стала лазальщиком и дроворубом? Она всё врала тебе. Если она ещё к тебе явится, ты не давай яиц. Когда захочет взобраться к тебе или рубить дерево, ты скажи ей: «Когда ты научилась лазать по деревьям и срубать их?»

И рябчик улетел. Птичка осталась одна...

Лисица снова пришла к ней, стала требовать яиц, запугивая её:

— Не дашь яиц, взберусь на дерево, если не смогу взобраться — срублю его.

Птичка сказала ей:

— С каких пор ты стала лазальщиком и лесорубом? Ты всё лжёшь мне! Рябчик говорил, что ты ничего этого не можешь делать.

Лисица рассердилась и отправилась искать рябчика. Увидела в снегу рябчиковую ямку, начала тихонько подкрадываться, поймала его и в зубах поволокла в свою нору.

Рябчик и говорит лисице:

— Погоди меня есть, давай сначала поговорим.

Вот рябчик и спрашивает лисицу:

— Ты знаешь, лисица, как мычат коровы?

Лисица, не разевая рта, сказала: м-м-м.

Рябчик опять задаёт вопрос:

— А как блеют бараны?

Лисица, разинув рот, сказала: б-я-а-а!

В это время рябчик вылетел из её рта.

Агды-гром

Жил на земле Крылатый, летал, как птица, и пожирал людей. Никто не мог победить Крылатого.

Однажды среди людей родился мальчик, которому дали имя Агды. Подрос Агды и сказал людям, что он не боится Крылатого, что сразится с ним и убьёт его. Но никто не верил этому. Напротив, все отговаривали Агды: Крылатого никак не победить, он летает, как птица, а поэтому его не надо и трогать.

Агды никого не послушался. Пошёл странствовать. Перебывал у восьми племён, переговорил с восьмью могущественными женщинами. Женщины обещали собраться и сделать для него большие железные крылья. Но это могло быть лишь через три года. С нетерпением ждал Агды этого срока.

Настало установленное время, и женщины сделали ему железные крылья. Агды надел их и через семь лет научился летать. Ровно двадцатилетним полетел Агды искать Крылатого.

Вот летит Агды над лесом, увидел старуху и спрашивает её:

— Бабушка, не знаешь ли, где живёт Крылатый?

— А тебе зачем его?

— Я хочу сразиться с ним и убить его.

— Нет, я тебе не скажу, где он. Какой ты ещё воин?..

Агды рассердился, загремел крыльями и полетел дальше. Увидел куропатку, остановился и спросил её. Та говорит:

— Знаю, но мне некогда с тобой разговаривать: я отыскиваю себе корм.

Рассердился Агды, летит дальше. Встретился со стариком.

— Дедушка, не знаешь ли ты, где живёт Крылатый?

— Знаю,— ответил старик.— А зачем тебе его?

Агды рассказал, зачем он отыскивает Крылатого.

Тогда старик и говорит:

— Покажи мне, молодец, свою силу, тогда я укажу тебе дорогу к Крылатому, а то я боюсь его: он очень сильный и летает, как птица.

— На чём же, дедушка, показать мне свою силу?

— Вот если сломишь семь больших, в ряд растущих деревьев, тогда я увижу твою силу!

Агды поднялся над лесом, замахал, загремел крыльями, пустил огненные молнии и расщепал в лучину семь больших деревьев.

— Теперь я знаю твою силу,— сказал старичок,— ты богатырь. Слушай. Далеко отсюда есть большое болото, через которое ни человек, ни олень никогда не переходили. За этим болотом — лес, а в том лесу живёт Крылатый; ты лети и будь осторожен.

Агды покинул доброго старичка. Перелетел тайгу, нашёл

болото, перелетел его. Увидал юрту Крылатого... Налетел, загремел крыльями... Пустил огненные стрелы...

Запылала юрта Крылатого. Сам Крылатый корчился в огненном пламени. Но вот он обернулся птичкой... и полетел к небу. Агды погнался за ним...

С тех пор Агды летает по небу, гремит своими крыльями, пускает огненные стрелы, чтобы убить Крылатого. Летает на крыльях, которые ему сделали женщины.

Заяц-врун

Жил у Зелёного ручья заяц. Звали его заяц-врун. Почему так звали — никто не знал. Однако, иные догадывались, но молчали.

Однажды выбежал заяц-врун на полянку и замер. Сидят рядом медведь, волк, лиса и рысь.

От страха у зайца-вруна сердце словно оторвалось. Дрожит он. Не чует: бьётся сердце или совсем остановилось. Ноги отнялись у зайца-вруна. Нет сил бежать. Стоит, как пень, смотрит на зверей. А звери разговаривают. Не замечают его.

Вот слышит заяц-врун: спорят между собой звери. Медведь говорит:

— Всех трусливее у нас в тайге рысь...

Рысь фыркнула. Глаза у неё зелёными огоньками загорелись. У зайца-вруна ноги подкосились. А медведь спокойно говорит рыси:

— Зачем сердиться, рысь. Я ведь только пошутил...

Тогда вмешался волк:

— Хоть и хитра сестрица-лиса, а труслива!.. Ой, как труслива!

Лиса вскочила, как ужаленная:

— Я?! Да ты сам старый трус! Не ты ли едва-едва убежал от чёрного кабана?

Волк притих.

Лиса разошлась:

— Среди нас, зверей, я почитаю только хозяина тайги — дедушку медведя.

Медведь важно огляделся. Но лиса — вот тут-то она и проболталась — сказала:

— Да и хозяин тайги, как увидит двуногого с палкой за плечами, бежит без оглядки...

Звери переглянулись. Медведь рассвирепел.

Заяц-врун забился в траву. Лежит, как мёртвый.

Худое могло случиться. Спасла ворона. Сидела на сучке, крикнула:

— Вы ищете труса? Вот он!

И показала чёрным крылом на зайца-вруна.

Звери заухали, заревели.

Заяц-врун шархнул в кусты. Припустил без оглядки.

Лиса вскочила на пенёк, говорит:

— Нет трусливее зайца... Всех-то он боится. От всех-то шарахается. Наклонит ветер ветку, заяц бежит: перед глазами у него пасть волка. Упадёт с осины лист, заяц в сторону: перед глазами у него пасть медведя.

Звери в один голос сказали:

— Нашли труса!.. Коль будем жить в согласии — не переест нам зайчатины...

Прибежал заяц-врун к своим родичам. Отдышался, хвалится:

— Отчего это зайцы такие трусы? Удивляюсь! Вот я хоть заяц, но не трус! Я только сейчас спорил с медведем и волком, лисой и рысью!..

— Спорил??? — удивились зайцы.

Окружили зайца-вруна, наперебой спрашивают:

— Расскажи, каков медведь? Страшен?..

— А какие зубы у волка?

— Страшны ли глаза у рыси?

— А лиса? Лиса?

Заяц-врун поднялся, гордо заговорил:

— Братцы зайцы. Расскажу вам всё по порядку. Начну с дедушки медведя... Медведь ничуть не страшен. Кажется, этот бурый увалень и бегать-то по-настоящему не умеет. Лежит, сонит, пыхтит. Где ему догнать зайца!.. Смешно подумать!.. А волк... Ну, что это за зверь, когда на него взглянешь, вблизи? Я этого серого не испугался, стоял около него, спорил с ним.

— А лиса? — не вытерпел кто-то из зайцев.

— Хитра! — ответил заяц-врун. — Но почему мы, зайцы, боимся лисы? Ну что в ней страшного? Ничего! Зверь смирный, зубы мелкие, редкие. Такими зубами осины не перегрызёшь, даже тонкая ветка им не под силу!.. Или вот рысь! Братья зайцы, рысь мне очень понравилась. Она как гладкая, добрая зайчиха. Я хотел подойти погладить её лапкой. Не погладил только, чтобы не обидеть рысь! Да!

Все остались довольны рассказами зайца-вруна.

Старый заяц даже прослезился:

— Век доживаю и досмерти боялся рыси. А вот теперь иду в тайгу, как на прогулку. Ничего не страшусь!..

Зайцы, гордые, без опаски разошлись по тайге. Только никто из них больше не вернулся в своё логово.

Не вернулся и заяц-врун.

Лиса и рысь

Идёт лиса по бережку, а навстречу ей рысь.

— Здравствуй, лиса! — говорит рысь.

— Здравствуй, рысь!

— Ой, какая у тебя шкура красивая! Что ты делаешь, чтобы такой красивой быть?

— Ничего особенного. Ты тоже можешь так делать.

— Как же? Научи.

— Научу, научу, — отвечает лиса. И смеётся про себя. — Вон видишь наледь. Беги туда и ляг. Прележишь день и ночь — красавицей станешь.

Обрадовалась рысь. Легла на наледь. Лежит, мёрзнет.

— Ой, лиса, лиса, я замёрзла, — говорит рысь.

— Лежи, лежи! Лучше станешь. Кожа твоя сделается толще, а шерсть пушистее.

— Ой, лиса, лиса! Не могу больше...

— Терпи, терпи!

Не утерпела рысь. Вскочила на ноги. Хочет бежать, оторваться не может. Хвост примёрз. Рванулась рысь изо всех сил. Оторвала хвост. Так без хвоста и убежала.

С тех пор и пошли все рыси бесхвостые.

Железный сын

Жили старик и старуха. Детей у них не было. Была когда-то дочка, да её трёхголовый великан утащил. Они к старости очень захотели детей. Вот и говорит старику старуха:

— Сделаем сына из железа. Скуём его.

Старик согласился. Стал ковать. А старуха была вроде шамана. Ковал старик девять лет. Всё выковал. Пальцы, ноги — всё.

Старик спрашивает:

— Что мы должны сделать, чтобы он живым стал?

Старуха говорит:

— Ты поймай дятла. Мы его сердце и внутренности железному сыну вложим.

Старик поймал дятла. Сделал, как сказала старуха.

Старуха говорит железному сыну:

— Через три дня, если будешь живым, шевельни мизинцем.

И правда, через три дня железный сын начал шевелиться. Стал как настоящий человек. Мясом оброс, волосами.

Через некоторое время он сделался настоящим богатырём. Старик отдал ему лук, с которым сам охотился в молодости. Сын потянул тетиву — лук сломался. Старик дал другой лук, с которым взрослым охотился. Попробовал сын. Пошёл ему лук.

Старик уже несколько лет враждовал с великаном, который их дочку утащил.

Вот старик отправил железного сына к великану. Дал коня. Конь поможет дорогу найти. Старик сказал сыну:

— В пути встретится тебе ограда. Перед ней люди с оружием. Ты их должен убить. После этого подъедешь к ограде. Через эту ограду ни один человек не мог пробраться. Если сломаешь городьбу — пройдёшь туда.

Поехал железный. Убил стражу. Поломал городьбу. Вошёл в дом. А там сидит его сестра. Она говорит:

— Зачем ты пришёл сюда? Великан убьёт тебя. Он уже несколько богатырей убил. Живым не оставил никого, — и сестра заплакала: жалела брата.

А железный толкнул дверь — сразу поломал. Великан

спит, не слышит. Верхняя часть туловища у него человечья, нижняя — как у змеи. Посредине тонко. Ударил железный по тонкому месту — сразу перерубил. Но рана тут же зажила. А великан сразу проснулся. Стали они драться. Всё изломали. Наконец железный сын разрубил надвое великана. Увёз сестру.

Приехал домой. Устал, пошёл отдыхать. В лесу уснул. Прилетел дятел. Застучал клювом по его груди. Говорит:

— Пришёл великан. Твоего отца бьёт.

Железный проснулся, а дятел повторяет:

— Пришёл великан, бьёт отца твоего.

Поднялся железный сын. Пошёл к отцу. Дятел туда же полетел. Видит сын: великан вот-вот отца убьёт.

Рассердился он, разрубил великана на десять частей. Убрал их в амбар. Снова пошёл спать. Прилетел снова дятел. Говорит:

— Вставай! Опять твоего отца бьют. Куски великана поломали амбар, напали на отца.

Проснулся железный сын. Пошёл к отцу. Дятел полетел за ним. Дятел вытащил из одного куска сердце великана, железный сын убил остальные девять частей. Сжѣг всё в костре.

Так справился со злым великаном железный сын.

Медведь и карась

Однажды медведь вытащил из озера сеть.

В ней запутался карась. Медведь хотел его съесть. А карась просит:

— Ты, — говорит карась, — живёшь на земле, а я в воде. Так давай поменяемся. Ты полезешь в воду, а я останусь на земле. Кто из нас дольше выдержит? Если я скорее умру, ты съешь меня.

Медведь согласился. Тотчас забрел в озеро и опустился на дно. А карась остался на берегу.

Долго медведь крепился в воде. Стал, однако, задыхаться. Вынырнул и выскочил из озера.

Отдохнул маленько. Потом пошёл узнать, жив ли карась.

А тот спокойно лежал, спал.

Медведь рассердился на карася. Ударил его лапой и пошёл прочь. Карась стал плоским, похожим на лепёшку. А прежде, говорили старики, карась был круглым, как шар.

Снегирь

Жила в тайге на дереве серая птичка. Звали её снегирь. А под деревом жила мышка. Мышка всё лето хлопотала. Собирала себе корм на зиму. А птичка только пела да летала.

Пришла холодная зима. Мышка забралась в норку. А птичка осталась на дереве. Мышке было тепло, сытно. А снегирю холодно, голодно.

Однажды выглянула мышка из норки. Увидала снегиря, спрашивает:

— Холодно?

— Холодно, — отвечает голодный снегирь. — Плохо одному. Давай, мышка, вместе жить. Сначала у тебя поживём, а потом у меня.

Согласилась мышка. Привела снегиря к себе в норку. Накормила. Стали вместе жить. У мышки было тепло. Корму много. Живёт снегирь хорошо. Ест вдоволь.

Так прозимовали.

Пришла весна. У мышки корм вышел. Говорит она:

— Снегирь, уговор помнишь?

— Помню, — отвечает снегирь.

— Пойдём теперь к тебе жить. Твой корм есть будем.

Нечего делать, согласился снегирь. Выскочил из норки, взлетел на дерево. А мышка внизу осталась. Снегирь говорит:

— Я тебе корм отсюда кидать буду.

А корма-то у него не было. Начал снегирь с дерева смолу собирать да мышке бросать. Ест мышка смолу, весь рот залепила. Рассердилась. Зовёт снегиря:

— Снегирь, иди сюда. Я тебе что-то скажу.

Подлетел снегирь к мышке. Она как цапапнет его по груди. У снегиря кровь пошла. Грудка покраснела.

Вот почему у снегирей грудь красной стала.

Волк и старик

Однажды шёл по тропе старик. Видит — лежит в мешке волк. Старик у стало жалко волка. Развязал он мешок. Выпустил волка на волю. Идёт дальше. А волк за ним следом. Вдруг волк говорит:

— Старик, я тебя съем.

Испугался старик, говорит:

— Как ты можешь такое зло сделать? Я только что спас тебя от беды.

Волк отвечает:

— Это ничего. Никто тебя не заставлял спасать меня. Раз ошибся, не подумал — готовься к смерти.

Не знает старик, как быть. Вдруг видит невдалеке корову, говорит волку:

— Давай спросим корову, хорошо ли ты поступаешь.

Подошли к корове. Рассказали всё. Корова говорит:

— Всё тут ясно. Волк, конечно, прав. Вот что со мной было. Много лет кормила я молоком хозяйна и его семью. А теперь хозяйни хочет зарезать меня — запастись мясом на зиму.

Видит старик — дело плохо. Идут дальше. Волк всё свирепеет. Вот-вот нападёт на старика.

Вдруг навстречу лиса. Старик и волк рассказывают, что случилось. Лиса и говорит:

— Сразу нельзя сказать, кто прав. Надо знать, как дело было. Если мешок был некрепкий и волк мог вылезти сам, — прав он. Отвечу вам, когда увижу, где и как это было.

Вот пошли они втроём туда, где волк лежал.

Пришли. Лиса говорит волку:

— Покажи, как всё с тобой было.

Волк влез в мешок. Старик завязал его по-прежнему. Лиса говорит старик у:

— Ошибся ты, старик, что стал развязывать мешок. Нужно было одним ударом ножа прирезать волка. Сделай так сейчас.

Старик взял нож, размахнулся. Распорол волку живот сквозь мешок.

— Вот теперь можешь выпустить его из мешка, — сказала лиса и дальше побежала.

Бобровая речка

Бобр с бобрихой жить на таёжную речку пришли. Пришли, речку оглядели. Понравилось бобрам. Хозяевами будут. Лес на самом берегу стоит. Деревья разные. Черёмуха, рябина, ольшаник, ива. Между ними ели, лиственницы, берёзы. Речка бобрам приглянулась. Ямы-омуты глубокие, перекаты песчаные да каменные.

В ямке встретились бобры с хариусами. Рыбки испугались мохнатых бобров. Бобры успокоили:

— Не бойтесь нас. Воду не мутите! Мы рыб не трогаем, не едим. Мы — грызуны.

Один хариус, посмелее, говорит бобрам:

— Мелеет наша речка. Из ямы в яму не всегда попадёшь. Песком забило перекаты. Камнями закидало отмели. Скучает наш рыбный род. Уходить собрался, да через отмели куда убежишь? Видели, какая там вода — едва песок покрывается.

— Видели, видели, — ответил бобр. — Беде вашей помочь можно. Уходить отсюда не надо. Построим мы с бобрихой плотины. Запрудим речку. Все ваши перекаты вода покроет. Камни, где надо, раскидаем.

Хариус разинул рот, слушал бобриные речи. Сам втихомолку бобров оглядывал. Диво дивное! Шерсть густая, хвост голый, лопатой, плавников нет, лапы звериные. Под водой будто рыбы ныряют. По дну степенно разгуливают, важно разговаривают.

Поблагодарил хариус за обещание помочь рыбам. Не очень, однако, поверил бобрам. Вильнул хвостом и уплыл в яму, где его семья жила.

К вечеру по всей речке стало известно: мохнатые звери хотят плотину строить, воду поднять. Сами тут поселятся. Поговорили хариусы. Потолковали ельцы. Пошептались пескари, окуни. Да и занялись все своими делами.

Бобры переночевали на берегу под кряжистой ивой. Утром выкупались. Поели свежей коры, принялись за дело.

Облюбовали бобры хороший уголок. Раскидали камни, валят деревья. Работали бобры умело. Острыми зубами, как пилой, грызли стволы у самого корня. Да как грызли! Час за

часом, день за днём, работали и работали. Чуть посветлеет небо, бобры уже своим делом занимаются. Солнышко на закате, бобры всё ещё сучья обгрызают. Деревья сваливали в речку умело. Ни одна лесина в сторону не упала. Все падали, куда бобрам нужно было. Ненужные ветки бобры обгрызали. Большие сучья в щели между упавшими стволами вставляли.

Месяц прошёл. Перегородили бобры всю речку плотиной. Течение стало медленным. Вода в берегах поднялась, стало рыбам жить лучше.

Бобры своей работой довольны. В плотине хорошее жильё с ходами и выходами, с горницами подводными и кладовыми устроили.

Расплодилось в речке множество рыб. У бобров родились малыши-бобрята. Бобры с рыбами жили мирно, дружно. Хотел хариус или окунь за плотину в большую реку уйти — бобры пропускали через своё жильё. Приходили рыбы из большой реки. Стучались плавниками: пропустите. Бобры им не отказывали. Открывали ход, пропускали рыб. Торопили их пройти, чтобы воды много не убежало. Берегли бобры воду. Лес тоже берегли. Зря деревьев не губили.

Возле бобрового жилища, в глубоком омуте, паслись рыбы стада. Много здесь рыбам пищи. Бабочки, подёнки-мотыльки, стрекозы на воду садятся. На дне: козявки, водяные черви, жучки. И другой снеди вдоволь.

Сидят на плотине бобры. Обдирают кору с веток. Точат обрубки стволов. Готовят кругляшки и клинышки. Вода через плотину бежит. То там, то тут что-нибудь вырвет, унесёт. Бобры тотчас всё исправят. Много бобрам работы. И всё им нипочём. Чем больше вода плотину ломает, тем скорее бобры её чинят.

Живут бобры, и рыбам в речке спокойно.

Заявилась туда незваная гостья. Звали её выдрой. Сама маленькая, вертлявая. Зубы, как шилья. На лапах перепонки, словно у гуся.

К бобрам близко выдра не подходила, боялась. А рыбам от неё стала не жизнь — мученье. Плавала, ныряла выдра не хуже бобров. Бедным рыбам нигде не спастись. Нацелится хитрым глазом, рот зубастый раскроет, нырнёт — и всё: хрустят рыбы косточки в прожорливой глотке. Много пожирала

выдра. Пескарей почти всех за неделю съела. Принялась за ельцов, за окуней. Стала хариусов истреблять. Хариус держится в самой струе. Выдре всё равно. И на быстринах, и на дне, в затишье на всех рыб нападает.

Однажды на бережку валялась выдра. Сушила скользкую блестящую шкуру. Любовалась своими лапами. Громко похвалялась:

— Я на этой речке хозяйка. Всё здесь моё. Кого хочу, того ем. Кого хочу — милую.

Один хариусик услышал это. Стало ему обидно. Пришла хищница невесть откуда. Много рыбы погубила. Теперь хозяйкой себя называет. Всем грозит.

Поплыл хариусик к бобру. Постучал плавником в жилище.

Бобр в это время стенку в спальне ветками конопатил. Жена носила сучья. Бобрята ей помогали: хватали ветки в зубы, опускались к отцу на дно.

«Вся семья трудится,— думает хариусик.— Хорошую плотину поставили. Высокая вода всегда держится. Жить бы нам хорошо, если б не злодейка-выдра».

— Защити нас, бобр, от разбойницы-выдры,— говорит хариусик и жабрами поводит.

— Сильно она вас обижает? — спросил бобр.

— Половину рыб съела. Помогли, а то всем конец придёт. Усмири хищницу. Или открой нам ход. Я всех рыб ночью соберу, уплывём на перекаты. Лучше на мелководье погибнуть, чем в зубах у выдры.

Бобр встревожился. Он радовался, что много рыбы в пруду развелось, что рыбам жить лучше стало. А тут одна выдра всю речку обезрыбит, разорит.

— Нет, нет, хариусик! Зачем вам родные места оставлять? Надо выдру прогнать с нашей речки. Самим бежать не надо. Слушай, сделаем утром так...— бобр шепнул что-то на ушко хариусику.

Тот захлопал плавниками, зашевелил жабрами, заторопился домой.

Утром выдра стала гоняться за рыбами. Хариусик и с ним трое братьев собрались в стайку. Подплыли к выдре. Хлестнули по самому носу хвостами. Помчались к бобровой плотине.

От удивления выдра чуть не захлебнулась. Зубами заскрежетала. Погналась за хариусами. А те изо всех сил к нижнему ходу запруды поплыли.

Ход был открыт. Рыбки нырнули туда. Выдра за ними. Очутились в узком проходе, сложенном из затонувших сосновых стволов. В конце виднелась узенькая щель. Хариусы скользнули в щель. А выдра просунула только голову. Застряла. Бобр столкнул на шею выдре брёвнышко.

— Куда ворвалась? Забыла, что в чужое жильё без спросу входить нельзя? — спросил выдру бобр.

Выдра не отвечала. Тряслась от злобы. Тянула из-под брёвнышка голову.

— Посиди здесь. Меньше дыши, а то воздуха не хватит. От злости задохнёшься, — сказал бобр и ушёл.

Хариусы верхним ходом вернулись в омут.

Выдра долго барахталась. Вертела головой. Не могла шею высвободить. Напрасно скребла когтястыми лапами по дереву.

Наконец выдра потеряла силы. Стала задыхаться. Запищала. Истошно закричала:

— Пусти меня, бобр! Пусти, а то задохнусь.

— Я отпущу тебя. Но тотчас уходи с этой речки. Никогда больше здесь не показывайся, — ответил бобр.

Выдра замолчала. Стала опять вытягивать голову. Бревно давило шею по-прежнему.

— Пусти меня, я уйду! — захрипела выдра.

Бобр поднял бревно, отпустил хищницу. Выдра едва живая всплыла на поверхность воды. Бобр помог ей добраться до берега.

— Видишь, какая ты теперь стала, — сказал бобр.

Выдра отдышалась. Поглядела на себя в воду. Ничего не ответила, пошла в лес.

От бревна шея стала у выдры тонкая и длинная. Торчит злая круглая голова на змеиной шее. Это знает каждый, кто видел выдру.

Но не все знают, что близ бобровых плотин хищница не смеет показываться. Бобр навсегда отучил выдру обижать рыб в его местах.

Возле плотин бобра рыбы живут спокойно. И зовутся такие речки — бобровыми.

Медведь и кедровка

По тайге бродил медведь. Он был старый и голодный. Медведь искал пищу. Увидела его кедровка и стала над ним насмехаться.

— Дедушка медведь, иди сюда! Здесь орехи! — крикнула кедровка издалека.

Услышал он, что птица зовёт его кушать. Пошёл к ней. Шёл, шёл... вдруг слышит — снова в стороне тот же голос.

— Дедушка, иди сюда! Здесь орехи!

Показалось медведю, что шёл он неладно. Изменил путь. Идёт на голос. Стал подходить ближе, а кедровка перелетела подальше на новое место и опять закричала:

— Дедушка медведь! Иди сюда! Здесь оре-ехи!..

Побежал голодный медведь на призыв, а там ни кедровки, ни орехов.

Понял он, что кедровка обманывала его. Рассердился и сказал:

— Кедровка, ты обманывала меня, так помни: когда будет большой урожай орехов, ты всё равно не станешь наедаться. Сколько бы ты ни ела, ты всё время будешь испытывать голод. Когда в тайге совсем не родится орехов, ты будешь мучиться от сильного голода и подыхать.

И стали кедровки с тех пор прожорливыми.

Глухарь и тетерев

Глухарь — наша таёжная птица. Он всегда жил вместе с нами. Места и пищи ему в тайге хватает. Морозов он не боится. А спать глухарю в снегу тепло, как человеку в хорошем чуме.

Весной из тёплой стороны в тайгу прилетело много разных птиц. С ними прилетел тетерев. Он встретился с глухарём. Подружились. Прожили лето.

Осенью тетерев собрался лететь назад в тёплый край. Глухарь сказал ему:

— Ты живёшь далеко. Лететь тебе придётся долго. Оставайся здесь. Будем жить в тайге.

— Нет, я боюсь холодов. Зимой я здесь замёрзну и умру с голоду.

Глухарь ответил:

— Когда наступят холода, я научу тебя зарываться в снег. В снегу спать тепло. Я сплю и не мёрзну. С голоду ты тоже не пропадёшь. Зимой мы будем есть хвою и почки с деревьев. Весной на проталинах бывает много старой брусники и толокнянки. Оставайся.

Тетерев поверил глухарю и согласился остаться в тайге на зимовку.

Выпал снег. Пришли большие морозы.

Тетерев начал мёрзнуть.

— Я пропаду здесь от холода,— сказал он глухарю.— Оставайся ты в тайге один. Я полечу.

— Нет, я тебя не отпущу!..

Глухарь вцепился лапами тетереву в хвост и так крепко держал, что у тетерева завернулись в стороны хвостовые перья.

Тетерев не мог вырваться. Он остался в тайге, но так плакал о своей земле, что от слёз у него покраснели даже брови.

Дружба

Давно-давно — эвенки жили ещё родами — в тайге бродили разбойники чангиты. Чангиты убивали всех мужчин, даже мальчиков. У охотника-эвенка Коевай родился тогда сын, рос быстро, как сохатый. Стал скоро богатырём.

Раз он охотился в тайге. Видит диво: нетаёжный человек прислонился к дереву, в руке палку держит. Из этой палки выскакивают огонь и дым.

Вот с дерева, куда смотрела палка, свалилась рысь. Богатырь следил за новым человеком. Он видел, как тот надел палку на спину (к палке верёвка была привязана), подошёл к убитому зверю. У человека лицо густо заросло волосами.

Похожи волосы его на прошлогоднюю траву на болоте. А сам — большой, высокий, широкий. Человек ободрал рысь. Взял шкуру. Пошёл. Эвенк за ним. Но наступил на сухой сук. Человек оглянулся. Эвенк остановился. Человек подошёл к богатырю. Спросил:

— Ты кто?

— Эвенк-богатырь. А ты кто?

— Русский.

Он показал эвенку лук-палку. Эвенк позвал русского в чум. Угощал его. Гость подарил ему стреляющую палку. Ушёл.

Все таёжные люди стали завидовать богатырю. Но богатырь не хотел иметь один стреляющую палку. Он достал для эвенков много огненных палок. Помог ему новый друг.

Мирные эвенки стали очень сильными. Чангиты боялись теперь нападать на них.

Чангиты вышли однажды с миром к эвенкам. Собрались все на большой праздник.

ТОФАЛАРСКИЕ
СКАЗКИ

В

Вечные люди и живая вода

прежнее время по краю нашей земли ходил один человек. Увидел большое болото, через которое зверь не проходил, птица не пролетала.

Человеку всё интересно знать: какая земля за болотом, какие звери и птицы водятся. Разбежался он и перескочил через болото.

За тем большим болотом наш человек увидел: стоят осёдланные зайцы. Тут же из-под земли показались маленькие вечные люди, которые ездили на этих зайцах. Вечные люди нашему человеку рассказали:

— Появился в нашей земле хищный зверь — соболь, поймал одного из вечных людей и перегрыз ему горло. Ты охотник? Убей нам того соболя.

Наш человек пошёл на охоту, убил хищного соболя и принёс вечным людям. Вечные люди обрадовались:

— Ты сделал для нас доброе дело. Мы тебя отблагодарим — привезём тебе живой воды. Иди в свою землю и жди нас.

Наш охотник вернулся в свою долину и рассказал всем родственникам, что скоро к ним приедут в гости вечные люди и привезут всем для питья живой воды. Все люди будут вечными.

Стали ждать гостей. Наши женщины пошли рубить дрова для костров. Видят: едут маленькие вечные люди на осёдланных зайцах. Нашим женщинам стало смешно, и они захохотали:

— Глядите, глядите, какой у них скот! Какие они сами малюсенькие!..

Вечные люди обиделись и решили не давать нам живой воды. Они выплеснули ее на деревья — на кедр, ель и сосну. А сами уехали за большое болото, в свою землю.

С тех пор кедр, ель и сосна всё время стоят зелёные. Это от вечной живой воды.

Про злого хана Улузуна

В одной юрте жили сестра с братом. Девушка была красавицей. Узнал про неё злой старый хан Улузун и решил взять к себе пятой женой. Брат сказал хану, что он не позволит увести свою сестру из юрты. Хан рассвирепел и решил дать смельчаку три задачи. Если юноша ошибётся — голову долой.

Первая задача: узнать, сколько лет живёт заяц. А как спросить у зайца, юноша не знал. В юрту пришёл опечаленный. Сестра обо всём расспросила его, а сама рукой махнула:

— Это дело лёгкое. Вон в долине растёт земляника. Беги туда, ложись и слушай.

Юноша лёг среди ягод. Вскоре пришёл заяц, посмотрел и от радости передними лапками захолопал:

— Шестьдесят три года прожил, а такой ягоды не видел!..

Юноша пришёл с ответом. Хан посмотрел в большую книгу: зайцу, в самом деле, шестьдесят три года! Удивился хан, дал вторую задачу: узнать возраст дедушки медведя.

Юноша почернел от горя: никогда с дедушкой медведем не разговаривал, боялся его. Пришёл юноша в свою юрту, а сестра ему говорит:

— Это мы тоже узнаем.

Дала ему три шапки и сказала:

— Иди в долину, садись у горы, одну шапку надень себе на голову, другую — на правое колено, третью — на левое...

Юноша сделал, как сестра советовала. Сидит и покачивается.

Вот идёт дедушка медведь. Смотрит — перед ним трёхголовый человек! Дедушка встаёт на задние лапы, от удивления головой покачивает:

— Семьдесят восемь лет прожил, а трёхголового человека не видел! Это, наверно, непобедимый силач!..

Юноша пришёл к хану и дал ответ. Хан в книгу посмотрел — ответ правильный. Видать, этот парень умный. На таких задачах его погубить невозможно.

И хан сказал:

— Завтра придёшь объезжать моего вороного жеребца с девятью ушами.

Юноша загоревал: никто не ездил на жеребце с девятью ушами.

Убьёт его дикий конь.

Сестра опять успокоила брата:

— Я сделала три железных кнута, — сказала она. — Этими кнутами ты научишь покорности вороного жеребца с девятью ушами.

Утром юноша пришёл на ханское стойбище, поймал вороного жеребца с девятью ушами и давай хлестать железным кнутом. Когда кнут исхлестался, юноша увидел, что конь присмилел, седло на него накинул и сам в седло вскочил. Конь взвился на дыбы, хотел наездника сбросить, но юноша стал хлестать вторым железным кнутом.

Конь взягивает, через камни прыгает, а от седока никак не может освободиться. Силы конь теряет.

Когда второй кнут исхлестался, юноша взмахнул третьим. Вороной жеребец заметил новый железный кнут и вскрикнул человеческим голосом:

— Ой, больно мне!..

И тут юноша увидел под собой, вместо вороного жеребца, самого злого хана Улузуна.

Узнав своего противника, юноша захохотал и сильнее прежнего взмахнул железным кнутом.

Хозяин воды

В реке жил страшный и сильный Хозяин воды, часто наверх выплывал, хватал всех с берега и уносил к себе в глубокий омут.

Люди боялись Хозяина воды, подарки ему бросали.

Один смелый рыбак стал спускать в реку большую сеть. Хозяин воды услышал:

— Ты что делаешь, мужик?

— Да вот хочу всю рыбу сетью вычерпать...

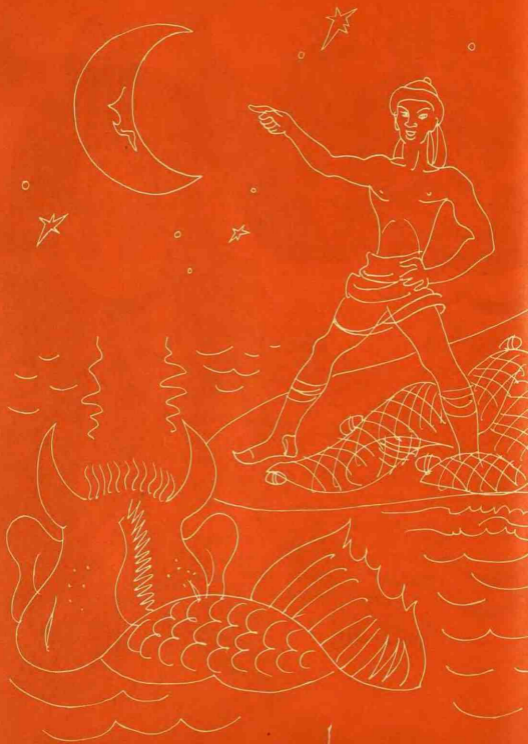
Жил под водою Хозяин воды.

Людям немало принес он беды.

Жадный, жестокий, коварный и злобный—

Вот он какой был, Хозяин воды.

Хозяин воды крикнул:

— Я не отдам тебе рыбу...

— А я и тебя самого сетью на берег выволоку.

— Посмотрим, кто победит. Давай бороться.

Стали бороться. Рыбак подставил ножку и повалил Хозяина воды.

А тот не сдаётся:

— Полагается до трёх раз. Завтра опять будем бороться.

— Ладно, пришлю своего младшего брата.— Рыбак смеётся.

А младшим братом рыбака был дедушка медведь. Вечером братья обо всем поговорили, а утром дедушка медведь пошёл на берег реки и стал там сладкую травку жевать. Хозяин воды увидел, хотел напугать младшего брата рыбака, выскочил на берег и крикнул:

— Хуг, хаг!

Дедушка медведь не испугался, встал на задние лапы и схватился бороться. Долго они друг у друга силу выматывали, ногами притопывали,— на месте камня болото сделалось. К вечеру дедушка медведь поборол противника.

Ночью Хозяин воды в глубоком омуте отдохнул, а утром снова к рыбаку выплыл:

— Давай, кто дальше забросит.

— Давай,— согласился рыбак.

Хозяин воды схватил свой водяной кнут, размахнулся, забросил на облака и похваляется:

— Видал! Сейчас дёрну — дождь польётся!

И правда: гром загремел, молния засияла, кнут Хозяина воды вместе с дождём назад в реку упал. А рыбак смотрит и усменяется.

*Прячься под камень, Хозяин воды!
Славный рыбак, чьи упорны труды,
Сын Человека и внук Человека—
Вот кто хозяин земли и воды!*

— Я подальше твоего заброшу...

Схватил он талиновый куст, вырвал и с размаху бросил себе за плечи. А Хозяин воды глядел на небо и ничего не видел. Рыбак говорит:

— Подожди — увидишь.

Вечер наступил, из-за гор луна показалась.

— Вон-вон, моя талина упала на луну!

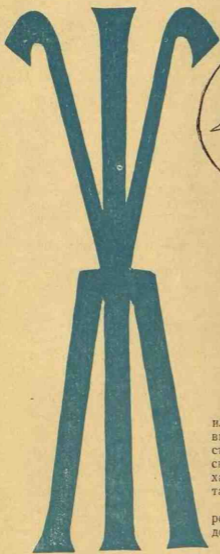
Хозяин воды смотрит: правда — на луне тёмное пятно. Делать нечего: рыбак три раза победил, как по уговору было. Хозяин воды сказал:

— Вы, люди, сильнее всех на свете. Ловите мою рыбу, только меня не трогайте.

Тут он сразу нырнул в самый глубокий омут. Там заполз под тяжёлый камень. Людям он не показывается и худое делать боится. А человек стал и на земле и на воде хозяином!

A decorative border runs vertically along the right side of the page. It consists of three parallel lines. The innermost line is a simple zigzag pattern. The middle line is a double-line border. The outermost line is a complex, repeating floral or scrollwork pattern.

ЯКУТСКИЕ
СКАЗКИ

Волк и лиса

или волк и лиса, работали вместе, кормились с одного стола. С большим трудом они скопили берестяную кадуюшку хаяка — замороженной сметаны.

Волк был терпелив, бережлив, сам не дотрагивался до запасов и лисе не позволял.

— Надо пока питаться тем, что попадётся, а хаяк прибежём на случай большой нужды, голодовки.

— Ах, волчик, долго ли мы будем питаться отбросами? — говорила лиса. — Давай откроем кадушку и хоть попробуем, какой он есть, наш хаяк.

— Не позволю! Потерпи!

Лиса себе места не находит: и сядет, и встанет, из юрты выйдет, обратно зайдёт.

— Старик, я пойду в гости.

— Р-р-р, это к кому же?

— Э-э, схожу к Хара-Каану.

— Принеси мне чего-нибудь.

— Принесу, принесу, — сказала лисица, и только хвост её мелькнул за дверью.

Крадучись, от страха прижав уши к загривку, плутовка спустилась в погреб и стала уминать за обе щёки припасённый хаяк. Увидев, что кадушка опустела до верхнего обруча, лиса остановилась. «Кажется, я слишком много съела, — подумала она, — увидит клыкастый, мне от него крепко достанется».

Вспомнив про обещанный гостинец, лиса соскребла с мордочки и с лап прилипший хаяк, скатала его в комок величиной с куриное яйцо и понесла волку.

— Н-ны, н-ны! Ты вернулась?

— Э-э! А то кто же, куда я денусь.

— Как поживают соседи?

— У них радость и веселье, у старшей невестки первенец появился.

— Чем там угошали?

— Гостей на левой половине потчевали хаяком, на правой — кишками с кашей, на нарах — супом и кобылятиной, а в углу — лакомствами всякими.

— О, как много всего было! А мне что принесла?

— Названий много, кушать нечего. Вот всё, что могла захватить для тебя, — и она швырнула комочек хаяка.

Волк одним махом проглотил его.

Три дня волк и лиса просидели дома. Лиса, поевшая третьего дня хаяка, была бодрее, она топила печь, делала кое-что по дому.

Волк, свернувшись калачиком, дремал.

— Старина, ты бы сходил к Хара-Каану, может чем-нибудь попотчует,— сказала лиса.

— Э-э, не пойду я к Хара-Каану, меня собаки загрызут.

— Не сходить ли мне? — говорит лиса.

— Иди, сама поешь и мне чего-нибудь принеси.

— Ты думаешь, они каждый день устраивают праздники?.. Всё же я схожу, авось, и на этот раз чего-нибудь перепадёт мне.

Вильнула хвостом и юркнула за дверь, посмеиваясь про себя над глупым волком.

Снова забралась она в погреб и принялась за хаяк, опорожнила кадушку до нижнего обруча. Слегка опьянев от сытости, лиса соскобсила прилипший к мордочке и лапам хаяк, скатала в комок, величиной с кулачок пятилетнего ребёнка, и понесла в юрту.

— Почему так долго? — спросил волк, от голода еле шевеля языком.

— Задержалась у Хара-Каана, снова у него торжество: у средней невестки первенец появился. На вот, тебе гостинец принесла.

Волк проглотил комочек хаяка, облизал губы.

— Кто у них появился на свет?

— Сын, говорят.

— Какое ему дали имя?

— Обруч, говорят.

— Плохое дали имя,— сказал волк и задремал.

Прошло ещё несколько голодных дней.

— Волчище, не могу больше так мучиться, давай поедим запас.

— Не время ещё, терпеть надо, самый большой голод впереди.

Завертелась лиса, забеспокоилась и начала бегать взад и вперёд. Хочется ей в погреб, но боится волка.

— Старина, ты бы сходил к соседу нашему Хара-Каану.

— Э-э! Я покажусь, а он подумает, что иду его стадо резать, и напустит на меня своих собак...

— Мне, что ли, сходить?

— Иди, авось, снова чего принесёшь.

Того только и ждала плутовка. Она быстро скрылась за дверь, только хвост её мелькнул. По старому следу она

спустилась в погреб и съела весь хаяк. Потом соскребла со дна остатки, собрала с пола крошки, скатала в комок, величиной с напалок рукавицы из телячьей кожи, сунула под мышку и пошла к волку.

— Где так долго пропадала? — спросил волк.

— Снова на праздник попала.

— Какой такой праздник?

— У младшей невестки первенец появился.

— Как думают назвать ребёнка?

— Днище.

— Неслыханное имя!.. А чем потчевали гостей?

— Угощения разного было очень много, наелась до отвала.

— А мне чего принесла?

— Пища вся была жидкая и горячая, её не понесёшь.

Вот всё, что я могла захватить для тебя.

И она бросила ему кусок хаяка.

Волк съел и задремал.

Прошло ещё несколько дней.

Чувствует волк, конец ему приходит, не в силах он больше голодать.

— Пойдём в погреб, — сказал он, встав на ноги и пошатываясь от голода, — пропадаю совсем!..

— Пойдём, волчик, — сказала лиса, виляя хвостом.

Пришли они в погреб.

Увидел волк пустую кадлушку и взвыл от горя и обиды:

— Н-ны! Рыжая, так вот куда ты ходила на праздник, вот где тебя потчевали!..

— Как ты смеешь так говорить, — завизжала лиса, — сам всё слопал, когда я в гостях у Хара-Каана бывала... Потому ты, хитрец, и не хотел из дома уходить.

Лиса визжала так громко, будто бы и впрямь виновником был волк.

— Вам, лисицам, никогда нельзя верить. Чем больше лестьи у вас на языке, тем больше злодейства на уме. Каждое ваше слово, каждая ваша слеза — ложь...

Долго-долго они бранились, а потом разошлись в разные стороны.

Обманутый волк, поджав хвост, ушёл в лесную чащу, а обманщица-лиса, заметая следы, скрылась в кустах.

Вражда

Ребята, вы ведь ели мёд? Правда, какой он сладкий да душистый?

Вот слух, что мёд очень сладок, дошёл до мишки-медведя. Кто не хочет сладкого да вкусного отведать? Захотелось и мишке-медведю полакомиться. Узнал он, что сладкий мёд хранят пчёлы в дупле старого дерева, и пошёл искать его. Ищет по лесу, присматривается к каждому дуплистому дереву. Навстречу ему бежит голодный серый волк.

Видит волк, что мишка-медведь что-то ищет в лесу. Он и спрашивает:

— Друг мой, куда торопишься, что ищешь?

Мишка-медведь был добр. Он и не думал скрывать, что ищет мёд.

— Звери говорят, что мёд очень сладок. Страсть как хочется медка отведать,— отвечает мишка-медведь.

— Неужели мёд слаще мяса? Нет, неправда,— не поверил волк.

— Знаю, мясо вкусно. Но говорят, что мёд ещё слаще.

— Возьми меня с собой, мишка-медведь, отведать сладкого мёду,— просит волк.

— Пойдём, что найдём, пополам поделим! — согласился добрый мишка.

Вот пошли наши друзья по лесу искать мёд. Идут они, прислушиваются к каждому шороху.

Медведь на слух был слаб, а волк слышит прекрасно. Услышал он, где-то недалеко на дереве, будто пчёлы гудят.

— Слышишь, мишка-медведь, где-то близко пчёлы жужжат?

— Давай прислушаемся!

Да, действительно, слышится жужжание со стороны высокой старой лиственницы.

Побежали они к лиственнице и видят: высоко-высоко есть дупло. Около дупла кружится много крылатых насекомых.

— Видишь пчёл? — спрашивает мишка-медведь.

— Вижу... Их очень уж много! Наверно, мёду полно! — облизывается волк.

— Вот мы с тобой вдоволь полакомимся сладким мё-

дом! — заранее радуется мишка-медведь. — Давай, друг мой, залезем быстрее на дерево!

Подошли к лиственнице. Волк, сколько ни царапал дерево когтями, влезть не мог. А мишка-медведь, как акробат, быстро поднялся наверх.

Волк остался на земле и кричит:

— Мишка, есть пчёлы?

— Жужжат. Наверно, есть.

И правда, когда мишка-медведь долез до дупла, он увидел, что там вьётся целый рой.

— Серый, слышишь, как они жужжат? — радостно спрашивает медведь.

— Я раньше тебя слышал! — хвастается волк. — А мёду много видно?

— Что-то большое серое видно, — отвечает мишка-медведь.

Он сунул лапу в дупло и разорвал осиное гнездо. Злые осы кинулись на медведя и давай жалить его со всех сторон. Медведь только фырчит, отдуваясь и отмахиваясь от ос. А волку кажется, что медведь так от жадности хватается мёда, что и слово не может вымолвить. У волка от зависти слюни текут. Бегаёт он вокруг дерева и истошным голосом воет:

— Оставь мне! Я тоже хочу сладкого мёду!..

Бедный мишка-медведь даже не слышал, что кричал волк. Он уже забыл, что за сладким мёдом на высокое дерево поднялся, стал отмахиваться от ос обеими передними лапами и сорвался с дерева!..

Медведь шлёпнулся прямо на волка.

— Ах ты, бессовестный обжора! — взвыл волк и бросился на медведя.

— Ох, серый, остановись!.. Там...

Волк не дал ничего объяснить мишке-медведю, начал кусать его.

Тут бедному медведю ничего не оставалось, как защищаться.

Началась страшная грызня. Волк мог разорвать мишку-медведя на куски, но сила медведя спасла, да и осы их жалили.

Разбежались волк и медведь в разные стороны.

С тех пор они навсегда стали врагами.

Удюргай-батыр

На зелёной мураве, около речки быстротечной, среди белых берёзок стоял ветхий домик. В этом домике жили старик со старухой. С малого возраста, не разгибая спины, трудились они для скупого и жадного богача Хара-Хаана. Богач Хара-Хаан был похож на огромного паука — если кто по нужде непредвиденной попадал в его сети, он не выпускал его до самой смерти.

На старости лет старуха совсем уже перестала двигаться. Тогда Хара-Хаан заставил старика трудиться за двоих. Но горевали старики не от тяжёлой работы, а от того, что нет у них детей, которые продлили бы их род.

Однажды, возвращаясь с работы, шёл старик через берёзовую рощу. Хотя не было ветра в этот вечер, почему-то ласково шептались листья белых берёз. Где-то так радостно пела птичка, что старик, усталый и голодный, не мог уйти, не оглянувшись в ту сторону, откуда доносилось пенье. Но увидел он не птицу, а большой-пребольшой удюргай¹. Остановился старик, сошёл с тропинки, по которой ходил около семидесяти лет. Подошёл он к удюргая, оглядел его со всех сторон. Тут перестали шептаться листья, умолкла птица. Старик подумал: «Может, что-нибудь сделаю из этого удюргая. Красивый чорон² с узорами... Или резной черенок для ножа...» Срубил он удюргай и понёс домой.

Увидела старуха старика, согнувшегося под тяжестью удюргая, всплеснула руками и воскликнула:

— Эх, старик, из ума ты выжил... Зачем тебе такой огромный удюргай?

А старик уже придумал, что ответить старухе:

— У нас с тобой нет детей, а я, может, вырежу такое, что продолжит наше имя.

Тут старуха стала внимательно осматривать удюргай, заставляя усталого старика поворачивать его во все стороны. Вдруг она всплеснула руками.

— Да, смотри, старик, чудо какое ты принёс! Удюргай-то

¹ Удюргай — нарост на коре берёзы.

² Чорон — чарка для кумыса.

похож на ребёнка! Вот как будто ноги, вот руки, а вот голова! — Старуха уже видела ребёнка в ещё не отёсанном удюргаяе.

Старик ничего не ответил, но, отдохнув немного, сразу принялся за дело. Мог бы он быстро сделать, что задумал, да времени у него было мало — почти целый день работал он на Хара-Хаана. Семь лет мастерил он куклу. Часто старик, прервав работу, говорил старухе, устало улыбаясь:

— Мы состарились, и нет у нас детей. А я сделаю человечка из крепкого удюргая, и он останется после нас...

Старуха, глядя на куклу, тоже улыбалась. Очень она похожа на ребёнка! Вот только глаза осталось сделать, и тогда они дадут ему имя, и он будет их наследником... Но старик не закончил человечка из удюргая — умер...

Осталась старуха с незаконченным деревянным человечком. Скучно ей было целыми днями одной. Положила она однажды куклу рядом с собой, полюбивалась ею, и уснула. Вдруг сквозь сон услышала она плач. Просыпается старуха и видит — превратился деревянный человечек в живого ребёнка, только глаз у него нет.

Рос ребёнок не по дням, а по часам и вырос богатырём. Стал он работать. Старуха нарадоваться не могла. Но увидел однажды слепого богатыря Хара-Хаан. Пришёл он к старухе и говорит:

— Старуха, твой старик умер, но долги его остались. Ты должна отработать их!

— Где же мне силу взять?

— Тогда я забираю твоего сына! — сказал богач и увёл с собою Удюргай-батыра.

Силён был богатырь, но не было у него глаз. Если нужно было дрова приготовить, его подводили к дереву, и он разламывал его, как щепку. Если нужно было сено привезти, его запрягали в огромные сани, и он тащил стог. Он не знал усталости.

Однажды Удюргай-батыр услышал свист змеи, шум крыльев и клёкот орла. Остановился он, прислушался и понял, что невдалеке происходит драка.

— Что за шум? — спросил Удюргай-батыр.

Шум прекратился, на траве у его ног что-то зашуршало, а над головой зашумели огромные, сильные крылья.

— Удюргай-батыр, давно мы ждём тебя. Только ты один можешь рассудить наш вековечный спор,— услышал он.

— Кто вы такие? — спросил Удюргай-батыр.

— Я,— зашипела в траве змея,— Могой¹, послушай меня. Это было давно, когда я была молодой. Хотела я тогда подняться выше всех и поползла на высокую гору. Там солнце пекло, и не было ни сырости, ни влаги. Я задыхалась от жажды. Тут я увидела три яйца. Не подышать же мне от жажды! Выпила я эти яйца. И вдруг на меня напал Хотой². За что он напал на меня, я и по сей день не знаю.

Тут послышался клёкот орла:

— Послушай меня, добрый человек. Чтобы размножить наше орлиное племя, высоко на горе я положил три золотых яйца. Думал я, что будут у меня птенцы, молодые Хотой-батыры. И вдруг, прилетев в своё гнездо, я нашёл разбитыми золотые яйца, а в моём гнезде лежала Могой. Лишив меня потомства, она ещё говорить смеет, что не знает, за что я напал на неё!

Могой и Хотой ещё долго бы спорили, но Удюргай-батыр сказал им:

— Принесите мне глаза, тогда я смогу рассудить вас.

— Принесу! — зашипела Могой и уползла.

— Принесу! — заклекотал орёл и улетел.

Долго ли, мало ли ждал Удюргай-батыр, и услышал он шуршание змеи в траве.

— Нагнись, я тебе приставлю глаза! — зашипела Могой.

Всю жизнь Удюргай-батыр хотел видеть мир, зелень трав, свет солнца.

Волнуясь, нагнулся он. Могой поставила ему в глазницы что-то мокрое, мягкое. Удюргай-батыр увидел солнце маленьким красным пятнышком в чёрном небе. Всё вокруг имело расплывчатые очертания.

— Почему же люди хвалят этот чёрный туманный мир? — спросил Удюргай-батыр и тяжело вздохнул.

— Правду ты говоришь,— зашипела Могой.— Нет ничего прекрасного в этом мире при дневном свете. Но ночью, когда наступит мрак, ты будешь видеть лучше, чем сейчас!

¹ Могой — змея.

² Хотой — орёл.

Задумался Удюргай-батыр над словами змеи. Они казались ему странными. Если ночь лучше дня, то почему же люди спят ночью? Когда он спросил об этом, Могой засмеялась:

— Ш-ш-ш! Не верь ты людской болтовне! Люди слабые, они боятся ночного света. Этот свет для сильных, могучих, как ты и я. Ночью все сильные не спят. Не спят тигры, пантеры, филины, совы.

Не успел Удюргай-батыр поблагодарить змею за глаза, как в воздухе зашумели могучие крылья Хотоя. Подлетел он к Удюргаю и говорит:

— Возьми вот эти глаза!

Удюргай-батыр взял глаза, принесённые орлом, и приставил их к своим глазницам. О! Чудо! Он увидел землю, зелень трав, яркое солнце и голубой шатёр неба. Тут он понял, что змея неправа.

Удюргай-батыр отблагодарил Могой и Хотоя за глаза.

— Теперь три дня отдыхайте. Я посмотрю мир и подумаю, кто из вас виноват.

Пришёл Удюргай-батыр к своему хозяину Хара-Хаану. Приставил он глаза, которые принесла ему змея, и увидел: сидит его хозяин, со всех сторон к нему идут радостные люди, он их кормит и поит.

Тут Удюргай-батыр подумал: «Почему же я слышал, что люди недовольны хозяином? Я вижу, что он поит и кормит людей».

Приставил Удюргай-батыр глаза, принесённые Хотоем, и увидел: Хара-Хаан, толстый, маленький, сидит на высоком кресле, по левую руку от него стоит стол с едой. К этому столу подходят измученные люди, и хозяин даёт им лишь столько, чтобы они не умерли от голода. В правой руке он держит длинный хлыст и бьёт им каждого, кто осмеливается поесть его пищу и не сразу уходит на работу.

Тут Удюргай-батыр ещё яснее понял, какие глаза принесла ему змея. Эти глаза способны были скрасить злодейство богачей и хищников.

Идёт он по лесу и думает, как справедливо решить спор Могой и Хотоя. Вдруг слышит тонкий старческий голос:

— О чём задумался, добрый батыр?

Огляделся Удюргай-батыр, но никого не увидел.

— Кто со мной разговаривает? — спросил он.

Тут увидел Удюргай-батыр перед собой домик величиной с гриб. В дверях домика стоял старичок с длинной седой бородой. Он был одет в доху, сшитую из шкурки одной белки. Из передних лапок были сшиты рукавицы, из задних — унты.

Нагнулся Удюргай-батыр к старику и спросил:

— Кто же вы, почтенный старец?

— Я всегда добрым делам советчик, зовут меня Сэркан-былинник. О споре змеи с орлом я давно знаю. Знаю и то, что ты должен решить этот спор.

— Думаю я: как рассудить их, как найти наказание виновнику?

— Рассудить их ты сам должен. А наказание найти я помогу. Вот тебе мой меч. Отсеки им голову того, кого считаешь виновным, — сказал Сэркан-былинник и подал батыру богатырский меч.

Удюргай-батыр взял в руки богатырский меч и хотел поблагодарить старичка, но его уже не было. Снова шумел лес, пели птицы.

Пришёл Удюргай-батыр на условленное место, где его ждали Хотой и Могой. Прежде чем приступить к выполнению своего решения, Удюргай-батыр в правую глазницу вставил орлиный глаз, а в левую змеинный. Он считал, что это будет справедливым.

Посмотрел Удюргай-батыр левым глазом на змею и увидел её доброй, улыбающейся. А когда посмотрел правым глазом, то увидел это отвратительное существо горящим злостью и ненавистью. Вспомнил Удюргай-батыр и то, каким предстал перед ним хозяин Хара-Хаан, когда он посмотрел на него глазами Могой.

Это ещё больше убедило его в том, что нужно избавить мир от змеи.

— Слушайте моё решение! Виновата ты, Могой, высосавшая душу и тело птенцов Хотоя. Ты и умрёшь от моего острого меча!

Размахнулся батыр мечом, но вместо головы Могой меч расщёк только пустую змеиную шкуру. Удивлённый стоял батыр, и ворошил мечом старую шкуру змеи. Хотой посмотрел на это и сказал:

— Могой хитра и увёртлива, её так быстро не убьёшь. Теперь, в новой шкуре, она коварнее, чем раньше. Если ты

хочешь избавить мир от злодейки, выбрось её глаза и пользуйся только моими глазами — орлиными, острыми. Ты всегда разглядишь зло, в какой бы шкуре оно не было!

Улетел Хотой в высокое, синее небо, а Удюргай-батыр пошёл по земле, чтобы избавить мир от всех злодеев.

Чыбыс-Чыхаан

В старину, когда русские ни плотов, ни кораблей ещё не знали, когда закон был писан на кулаке, а указы на ладонях, жил-был, говорят, Чыбыс-Чыхаан, ростом с вершок. Было у него хозяйство: бык-жук, сани-напёрсток с оглоблями из иглок — только и всего.

В двух верстах от той поляны, где он жил, находилась богатая юрта великана Анга-Монгуса. Много горя и бедствий принёс великан людям. Вот в одно утро Чыбыс-Чыхаан запряг своего быка-жука в сани-напёрсток и поехал к матери.

— Мать, скажи, как меня зовут? — спросил он, войдя в юрту. — Я хочу сразиться с великаном Анга-Монгусом.

— В уме ли ты? — всполошилась старуха-мать. — Великан только дунет на тебя, и ты упадёшь.

— Скажи мне, как меня зовут? — не отступал сын.

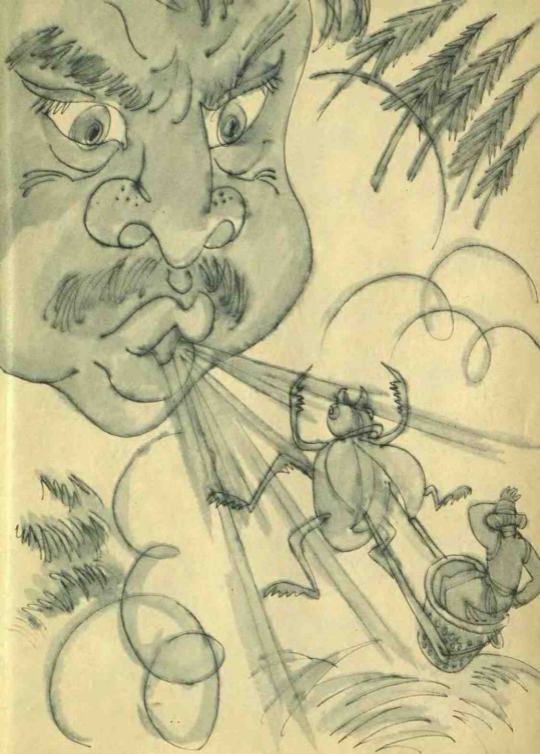
— Тебя зовут Чыбыс-Чыхаан.

Чыбыс-Чыхаан вышел из юрты, ведя за собой быка-жука, но, споткнувшись о травинку, упал и забыл своё имя.

Вернулся он и снова спросил, потом сел в сани-напёрсток и поехал, повторяя вслух своё имя, чтобы не забыть.

Когда-то жил на свете мужичок,
Всего-то ростом — с детский кулачок,
И бегал у него зимой и летом
В упряжке вместо лошади — жучок...

Он остановился у богатой юрты великана Анга-Монгуса и пропичал:

— Достоправный и почтенный, шестисаженный великан, Анга-Монгус, я пришёл, чтобы померяться с тобой силой.

— Ха-ха-ха,— захохотал великан страшным смехом, словно железо загремело. Потом надул он щёки, дунул, и оглушённый Чыбыс-Чыахаан упал на землю.

Очнувшись, он вскочил на ноги, пугливо озираясь.

— Ну, как, богатырь? От земли не видать, падает до удара и ещё приходит драться. Человечек, скажи своё имя, буду знать, кого имел честь победить,— насмехается великан.

— Погоди, схожу домой, поем, потом снова приду с тобой драться,— отвечал не унывая Чыбыс-Чыахаан.— Когда вернусь, тогда я назову своё имя.

Приехал он домой, прикоснулся губами к груди своей матери и с молоком её всосал в себя богатырскую силу. Он вытянулся вверх, как стройная лиственница, раздался в плечах на шесть саженой. Взял с собой горсть земли, на которой родился, и несколькими шагами дошёл до богатой юрты великана.

— Злой, приносящий людям горе и несчастье, Анга-Монгус, моё имя Чыбыс-Чыахаан, я пришёл сразиться с тобой.

Они бились два дня и две ночи. На третье утро, когда солнце послало на землю первые сверкающие лучи, Чыбыс-Чыахаан приподнял Анга-Монгуса и ударил его о землю с такой силой, что тот погрузился в неё на семь саженой. Затем Чыбыс-Чыахаан выхватил острый нож, убил ненавистного народу великана и прах его развеял по ветру.

Чыбыс-Чыахаан, говорят, жил ещё долго-долго, радуясь и веселясь, помогая голодным и обогревая тех, кому холодно.

Он головой достал почти до звёзд,
Он стал в плечах широким, словно мост,
Но если бы с рожденья был он трусом—
То не помог бы великанский рост!

Отчего заяц без хвоста

Говорят, когда-то давно заяц имел прекрасный пышный и длинный хвост. Ему завидовала даже лесная модница лиса.

Говорят ещё, что заяц умел строить себе дом из лыка. Но и тогда уже заяц всего боялся, даже безобидной лягушки.

Как же он остался без хвоста? А вот послушайте.

Построил наш заяц-трусишка домик. Дверь сколотил крепкую, тяжёлую. «Если лиса войдёт, её дверью прихлопнет», — думал заяц.

Против дома построил амбар. Дверь амбара закрывал на большой замок. «Если волк-разбойник заберётся в амбар, я запру его на замок», — думал заяц.

Однажды, когда заяц стал выходить из дому, дверь захлопнулась и прихватила самый малый кончик его хвоста. Заяц показалось, что кто-то схватил его за хвост. Рванулся он изо всех сил, оторвал кончик хвоста и бросился бежать.

«Больше в этот дом не войду!» — подумал трусишка. И с тех пор стал жить в амбаре.

Как-то в один ветреный день, когда заяц входил в свой амбар, дверь захлопнулась. В этот раз бедняге прищемило полхвоста. Пуще прежнего испугался заяц. Он подумал, что кто-то с улицы схватил его за хвост и не пускает. Заяц рванулся изо всех сил и оторвал половину пышного хвоста.

«Через эту дверь не выйду, боюсь», — решил трусишка.

Прорыл он под стеной амбара ход, выскочил на волю и убежал в тёмный лес. В лесу он стал искать укрытие и встретил медведя. Медведь увидел испуганного зайку, спросил:

— Заяц, почему ты такой скучный?

— Ах, мишенька, нечему мне радоваться. Отобрали дом мой с амбаром. Теперь мне негде жить и от холода укрываться. Помоги, медведь! — просит трусишка.

— Кто отобрал твой дом?

— Не знаю кто. Только он страшный, очень сильный!

Медведь сам немного побаивался идти к дому зайца. Но он не хотел прослыть трусом и громко пробасил:

— Зайчишка, пойдём, помогу!

Медведь, вооружившись дубиной, вместе с зайцем направился отбирать заячий дом. Около дома никого не было видно.

Медведь дубиной толкнул дверь. Она открылась, на пол упал кончик заячьего хвоста.

— Э-э, смотри, никого в твоём доме нет! Никто твоего дома не отбирал.

— А-а... у-у меня кончик хвоста кто оторвал? — заикаясь от испуга, пролепетал заяц.— О-о-он же меня второй раз схватил за хвост у амбара. Он там и теперь меня ждёт.

Пошли они к амбару. У амбара никого нет. Только в дверях торчит половина заячьего хвоста.

— В-в-видишь, вот его хвост,— говорит заяц, от испуга не узнавая собственного хвоста.

Медведь схватил хвост и потянул к себе. Дверь амбара открылась, и в лапах медведя оказалась половина оторванного заячьего хвоста.

Посмотрели в открытый амбар. В амбаре никого, только зияет дырка, через которую убежал заяц.

— Видишь, мишка, обидчик, испугавшись нас, удрал в лес,— сказал заяц, показывая на дыру.

Теперь медведь сам боялся идти в лес, в свою берлогу.

— Дорогой заяц, я останусь с тобой жить в твоём доме?

Заяц только этого и хотел. Вот мишка-медведь и трусишка-зайка стали вдвоём жить.

Однажды они вернулись поздно вечером. Захотели чайку вскипятить. Глядь, нет ни веточки в доме. Сухие ветки носил всегда заяц, а в это утро поленился принести, и теперь в темноте ему нужно было идти в лес.

Бедный заяц дрожа тихонько открыл дверь. На дворе темно. Стоит он и боится выйти на улицу. А медведь торопит:

— Давай-давай, братец заяц, побыстрей!

Задел зайка нечаянно дверь, захлопнулась она и прищемила на этот раз весь заячий хвост.

Испуганный заяц закричал не своим голосом:

— Мишка-медведь, спаси!.. За хвост меня схватили!..

Медведь, услышав крик зайца, сам испугался. Бросился он через окно во двор и убежал без оглядки в тёмный лес, в свою старую берлогу. Там он пролежал до самой весны.

А бесхвостый трусишка-заяц перестал с тех пор строить себе дом и живёт в лесу под валежником.

Содержание

АЛТАЙСКИЕ СКАЗКИ	О наших сказках, Предисловие Афанасия Коптелова	1
	Сартакпай, Литературная обработка А. Гарф	9
	Ячменное зерно, По народным мотивам написана А. Коптеловым	13
	Шёлковая кисточка, Литературная обработка А. Гарф	16
	Серый воробышек, Литературная обработка А. Коптелова и П. Кучика	20
	Ару-Мейндюр, Литературная обработка А. Коптелова	24
	Лиса и сирота, Литературная обработка А. Коптелова	26
	Коростель-дергач, Литературная обработка А. Коптелова	29
	Хан Сары-каан, Литературная обработка А. Гарф	32
	Алып-Манаш, Литературная обработка А. Гарф	33
	Юскузек и Алтын-Чач, Литературная обработка А. Гарф	42
	Страшный гость, Литературная обработка А. Гарф	49
	Нарядный буровдук, Литературная обработка А. Гарф	51
ТУВИНСКИЕ СКАЗКИ	Жадный лама, Запись С. Бимбина, Литературная обработка А. Коптелова	57
	Лисица и охотник, Запись С. Бимбина, Литературная обработка А. Коптелова	62
ШОРСКИЕ СКАЗКИ	Как птицы огонь добывали, Запись Н. П. Дыренковой, Литературная обработка А. Смердова	67
	Догалливая выдра, Запись Н. П. Дыренковой, Литературная обработка А. Смердова	68
	Чагыс, Запись и литературная обработка А. Смердова	69
	Счастливыи Неккер, Запись и литературная обработка А. Смердова	74
	Отчего у глухаря глаза покраснели, Запись Н. П. Дыренковой, Литературная обработка А. Смердова	79
	Как созвездие Кан-Ергек появилось, Запись Н. П. Дыренковой, Литературная обработка А. Смердова	80
	Темир-Тау — Железная гора, Запись Н. П. Дыренковой, Литературная обработка А. Смердова	81
	Апчи Абышка и Кара-Молат, Запись и литературная обработка А. Смердова	84
ДОЛГАНСКИЕ СКАЗКИ	Заря, Запись и литературная обработка М. Ошарова	95
	Медведь и сохатый, Запись и литературная обработка М. Ошарова	98
ХАКАССКИЕ СКАЗКИ	Правда, Литературная обработка А. Коптелова	101
	Серебряная книга, Литературная обработка А. Коптелова	108
	Мальчик в бочке, Литературная обработка Б. Балгера	112

Содержание

	Батрак Торсых. Литературная обработка Б. Балтера	116
	Воробей и ворона. Литературная обработка Б. Балтера	119
	Волшебный чатхан. Литературная обработка Б. Балтера	119
	Два друга. Литературная обработка А. Коптелова	122
	Ленивый мальчик и синичка. Запись П. Каралькина	122
	Как мальчик заставил смерть на себя работать. Литературная обработка Б. Балтера	123
	Два брата. Литературная обработка Б. Балтера	127
ХАНТЫЙСКИЕ СКАЗКИ	Толстый Колькет. Запись и литературная обработка В. Пухачева	131
	Маченкат. Запись и литературная обработка В. Пухачева	141
	Верное слово. Запись и литературная обработка В. Пухачева	145
	Илз. Запись и литературная обработка В. Пухачева	154
	Медвежья трава. Запись и литературная обработка М. Ошарова	156
	Хвастуны. Запись и литературная обработка М. Ошарова	156
	Глухарь, утка и гусь. Запись и литературная обработка М. Ошарова	158
НЕНЕЦКИЕ СКАЗКИ	Песец и заяц. Запись и литературная обработка М. Ошарова	161
	Лебедь. Запись и литературная обработка М. Ошарова	162
	Олень и осетёр. Запись и литературная обработка М. Ошарова	163
	Мыс Ылико. Запись и литературная обработка М. Ошарова	163
	Два брата. Запись и литературная обработка М. Ошарова	164
БУРЯТСКИЕ СКАЗКИ	Комар и стрекоза. Сказитель А. Тороев. Литературная обработка Г. Кунгурова	167
	Мышь и верблюд. Сказитель А. Тороев. Литературная обработка Г. Кунгурова	168
	Летучая мышь и курица. Сказитель А. Тороев. Литературная обработка Г. Кунгурова	169
	Ключ счастья. Записана со слов колхозницы Уржины Дылымовой	170
	Заяц. Сказитель А. Тороев. Литературная обработка Г. Кунгурова	173
	Волк. Сказитель А. Тороев. Литературная обработка Г. Кунгурова	173
	Охотник. Сказитель А. Тороев. Литературная обработка Г. Кунгурова	174
	Журавль. Сказитель А. Тороев. Литературная обработка Г. Кунгурова	175
	Снег и заяц. Сказитель А. Тороев. Литературная обработка Г. Кунгурова	176

Содержание

ЭВЕНКИЙ- СКИЕ СКАЗКИ	Тамга Ленина. Литературная обработка Г. Кунгурова . . .	179
	Кто дал эвенкам солнце. Литературная обработка Г. Кунгурова	182
	Человек на красном олене. Литературная обработка Г. Кунгурова	185
	Как перевелись чёрные гуси. Литературная обработка Г. Кунгурова	189
	Асаткая. Из сборника М. А. Сергеева, запись М. Л. Пинегиной	191
	Как старый Тока эвенков помирил. Литературная обработка Г. Кунгурова	194
	Кукушка. Литературная обработка Г. Кунгурова	196
	Как журавли стали небесными оленями. Литературная обработка Г. Кунгурова	198
	Собаки и человек. Литературная обработка Г. Кунгурова	199
	Лисица и женщины. Литературная обработка Г. Кунгурова	201
	Лисица и птичка. Литературная обработка Г. Кунгурова	202
	Агды-гром. Литературная обработка Г. Кунгурова	203
	Защ-врун. Литературная обработка Г. Кунгурова	205
	Лиса и рысь. Из сборника М. А. Сергеева, запись М. Л. Пинегиной	207
	Железный сын. Из сборника М. А. Сергеева, запись М. Л. Пинегиной	208
	Медведь и карась. Запись К. Рычкова	209
	Снегирь. Из сборника М. А. Сергеева, запись М. Л. Пинегиной	210
	Волк и старик. Из сборника М. А. Сергеева, запись ленинградских студентов	211
	Бобровая речка. Литературная обработка А. Ольхона	212
	Медведь и кедровка. Запись и литературная обработка М. Ошарова	216
Глухарь и тетерев. Запись и литературная обработка М. Ошарова	216	
Дружба. Из сборника М. А. Сергеева, запись М. Л. Пинегиной	217	
ТОФАЛАР- СКИЕ СКАЗКИ	Вечные люди и живая вода. Литературная обработка А. Коптелова	221
	Про злого хана Улузуна. Литературная обработка А. Коптелова	222
	Хозяин воды. Литературная обработка А. Коптелова	224
ЯКУТСКИЕ СКАЗКИ	Волк и лиса. Сказитель М. Н. Тимофеев-Терешкин	229
	Вражда. Написана по народным мотивам Н. Якутским. Перевод Л. Золотаревой	233
	Удюргай-батыр. Написана по народным мотивам Н. Якутским. Перевод Л. Золотаревой	235
	Чыбыс-Чыхаан. Сказитель М. Н. Тимофеев-Терешкин	240
Отчего заяц без хвоста. Написана по народным мотивам Н. Якутским. Перевод Л. Золотаревой	242	

◆
СИБИРСКИЕ СКАЗКИ

Издание четвертое, дополненное

Составитель А. Л. КОПТЕЛОВ

◆
Редактор **Н. С. Семаева**

Художественный редактор **В. П. Минко**

Технический редактор **Г. М. Субботина**

Корректоры **Т. В. Куркчиянц, О. М. Кухно**

◆
Книга напечатана в типографии № 1
г. Новосибирска

Печатники **В. Ф. Лобов, К. Н. Сидорова**

Переплетчики **Е. Н. Архипова, А. Д. Панкратьева**

Наборщики **И. П. Коваленко, Э. П. Куликова,**

М. Н. Каратаева

Сдано в набор 27 апреля 1964 г. Подписано к печати
30 ноября 1964 г. Формат 84×108/16—7,75 бум. л., 25,4
печ. л., 15 изд. л. +1,8 изд. л. вклейки. Тираж 100000
(3—40000) МН 03654. Цена 1 руб.

Западно-Сибирское книжное издательство, Новосибирск.
Красный проспект, 1. Заказ № 155. Типография № 1. Но-
восибирск, Красный проспект, 20.

300

3

Цена 1 руб.

ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ
1964
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО